3-32

А. Кизеветтер

ЗАПИСКИ

РУССКАГО

ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ВЪ ПРАГѢ

КНИГА ПЕРВАЯ

ПРАГА ЧЕШСКАЯ

1927

Центральный Государственный Архив
Ф. №585С Оп. 1 3 Ед. хр. № 435

05770

3-32

ЗАПИСКИ

РУССКАГО

ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ВЪ ПРАГѢ

— —

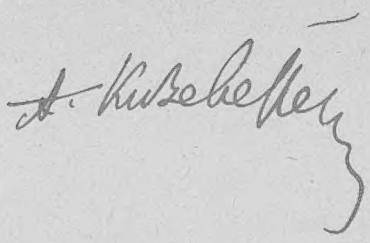
КНИГА ПЕРВАЯ

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ЦГА СССР
Н.в. № 06770

Хранилище
печатных изданий
ЦГАОР СССР
ВХ. № Зр-1063

ПРАГА ЧЕШСКАЯ

1927



Въ настоящемъ своемъ видѣ „Записки“ могли появиться въ свѣтъ лишь благодаря высокопросвѣщенному вниманію и поддержкѣ Г. Президента Чехо-Словацкой Республики, проф. Т. Г. Масарика. Русское Историческое Общество въ Прагѣ высоко цѣнитъ оказанное ему вниманіе Главы Государства, видя въ немъ новый знакъ той отзывчивости, съ какою Правительство Республики идетъ навстрѣчу духовнымъ нуждамъ русской эмиграціи, нашедшей себѣ пріютъ на ея территоріи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Русское Историческое Общество въ Прагѣ приноситъ глубокую благодарность Г. Директору Канцеляріи Г. Президента Dr. К. Шамаль и членамъ Общества — проф. Л. Г. Нидерле и проф. В. А. Францеву за ихъ незамѣнимое содѣйствіе въ дѣлѣ осуществленія изданія настоящей книги, а также Комитету по обезпеченію образованія русскихъ студентовъ въ Чехо-Словацкой Республикѣ въ лицѣ Управляющаго его Хозяйственно-Административными дѣлами г. Л. Зозулака.

Настоящая книга содержитъ: 1. отчетъ о дѣятельности Русскаго Историческаго Общества въ Прагѣ за первые два года его существованія, 2. тезисы докладовъ, представленныхъ членами Общества въ его засѣданіяхъ за это время, и 3. нѣсколько статей членовъ Общества.

Къ сожалѣнію, матеріальныя затрудненія не позволили выпустить книгу въ большемъ объемѣ, что было бы возможно по наличности имѣющагося научнаго матеріала, и тѣмъ дать читателю болѣе правильное представленіе о дѣятельности Общества.

Предсѣдатель Общества
Профессоръ *Е. Шмурло.*

Прага, 15 октября 1927 года.

ОТЧЕТЪ

о дѣятельности Русскаго Историческаго Общества въ Прагѣ за время со дня его возникновенія по 7 апрѣля 1927 года.

Въ мартѣ 1925 года двадцатью двумя лицами положено было начало существованію въ Прагѣ при Правленіи Союза Русскихъ Академическихъ Организацій заграницей Русскаго Историческаго Общества, выработанъ былъ его уставъ и 7-го апрѣля того же года состоялось собраніе, на которомъ, согласно этого устава, было организовано Правленіе Общества и выслушанъ первый научный докладъ. Такимъ образомъ, 7 апрѣля началась научная дѣятельность Общества и этотъ день сталъ какъ бы днемъ его рожденія.

Общество поставило себѣ задачею разработку и освѣщеніе вопросовъ исторической науки, т. е. посильное изученіе русскаго прошлаго во всѣхъ видахъ и проявленіяхъ его духовной жизни, не замыкаясь, впрочемъ, въ рамкахъ одной только народности, особенно, когда дѣло касается прошлыхъ судебъ Славянскаго міра вообще. Въ Золотой Чешской Прагѣ, среди русской эмиграціи, нашедшей въ ней гостепріимный пріютъ, оказалось на лицо довольно значительное число лицъ, привыкшихъ сосредоточивать свои духовные интересы преимущественно на научномъ, спокойно-объективномъ изученіи прошлаго, и имъ лишь недоставало объединяющаго органа для конкретнаго и болѣе или менѣе постояннаго выраженія этихъ интересовъ.

Попытки въ этомъ направленіи сдѣланы были еще два года передъ тѣмъ. Въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ 1923 года группа проживавшихъ тогда въ Прагѣ историковъ — въ числѣ 15 человѣкъ — внѣ какой либо формальной организаціи, нѣсколько разъ собиралась для заслушанія докладовъ по разнымъ вопросамъ исторической науки и обзоровъ новой исторической литературы. Состоялось всего 4 собранія, на которыхъ были прочитаны слѣдующіе доклады:

1. Академикомъ *В. А. Францевымъ*: «О поѣздкѣ І. Добровскаго и гр. Штернберга въ Россію въ 1792 - 93 гг.» (изданъ по чешски особой книжкой „Cesta I. Dobrovského a hr. Šternberka do Ruska v letéch 1792-93". Praha. 1923).

2. Академикомъ *П. Б. Струве:* «Иностранныя печатныя произведенія, какъ источникъ русской исторіи и руссовѣдѣнія».

3. *Н. Л. Окуневымъ:* «О фресковой живописи XIV в. въ сербскихъ церквахъ» (напечатано въ журналѣ „Slavia", 1923, Ročnik II, seš. $^{2}/_{3}$. Praha. 1923).

4. *А. В. Флоровскимъ:* «О новыхъ историческихъ журналахъ, выходившихъ въ Россіи въ 1922-23 гг.».

Впослѣдствіи всѣ члены указанной группы, кромѣ скончавшагося въ февралѣ 1925 г. академика Н. П. Кондакова, вошли въ составъ членовъ - учредителей Русскаго Историческаго Общества въ Прагѣ.

Дѣятельность Русскаго Историческаго Общества въ Прагѣ за два года выразилась, главнымъ образомъ, въ устройствѣ научныхъ засѣданій для заслушанія докладовъ и обсужденія ихъ и въ организаціи собраній, пріуроченныхъ къ извѣстнымъ историческимъ событіямъ и лицамъ.

I. За истекшее двухлѣтіе состоялось:
Въ 1-мъ году 14 засѣданій; прочитано 22 доклада 15-ю лицами,
Во 2-мъ году 16 засѣданій; прочитано 23 доклада 17-ю лицами.

Изъ общаго числа 45 докладовъ приходится на:
1. Русскую исторію 35 докладовъ.
2. Исторію литературы 3 доклада.
3. Исторію славянскаго права 1 докладъ.
4. Исторію искусства 4 доклада.
5. Исторію философіи 2 доклада.

(Перечень и краткое содержаніе докладовъ см. ниже).

II. Изъ общаго числа 30 засѣданій семь были посвящены: императору Петру Великому (200 - лѣтіе смерти), императору Александру I (100 - лѣтіе смерти), декабристамъ (100 - лѣтіе бунта), Н. М. Карамзину (100 - лѣтіе смерти), П. П. Семенову - Тянышанскому (100 - лѣтіе дня рожденія) и недавно скончавшемуся историку А. А. Корнилову. Наконецъ, одно засѣданіе было посвящено чешскому ученому Любору Нидерле (по случаю избранія его въ почетные члены Общества).

III. Кромѣ того, Русское Историческое Общество принимало совмѣстное участіе въ засѣданіяхъ, посвященныхъ: 1. Гуго Гроцію, по случаю 300 - лѣтія выхода въ свѣтъ его знаменитой книги „De Jure belli ac pacis libri III" (совмѣстно съ Русскимъ Обществомъ Юридическихъ и Общественныхъ Знаній); 2. Владимиру Сергѣевичу Соловьеву, по случаю

25-лѣтія дня его смерти (совмѣстно съ Философскимъ Обществомъ); 3. (вторично) Н. М. Карамзину, по случаю 100-лѣтія дня его смерти (совмѣстно съ Русскимъ Институтомъ); а также посылало своего делегата на 2-й международный конгрессъ по Византиновѣдѣнію въ Бѣлградѣ въ апрѣлѣ с. г.

IV. Русское Историческое Общество принимало въ 1925 и 1926 гг. участіе въ торжествахъ: 1. изъ года въ годъ устраиваемыхъ 28 октября существующими въ Чехословакіи русскими организаціями въ годовщину основанія Чехо-Словацкой Республики; 2. въ т. наз. „День Русской Культуры“ — въ годовщину рожденія Пушкина — 26 мая (8 іюня).

Къ 7 апрѣля наличный составъ Общества опредѣлялся:

	1926 г.	1927 г.
Почетныхъ членовъ	1	1
Дѣйствительныхъ членовъ	46	55
Членовъ-сотрудниковъ	5	5

Живутъ въ Прагѣ и ея окрестностяхъ 51 человѣкъ, въ другихъ городахъ Чехо-Словакіи 2, за предѣлами Республики 8 человѣкъ.

Составъ Правленія къ 7 апрѣля 1926 г.: *Е. Ф. Шмурло* (предсѣдатель Общества), *А. В. Флоровскій* (товарищъ предсѣдателя), *В. В. Саханевъ* (и. о. казначея) и *С. Г. Пушкаревъ* (секретарь); къ 7 апрѣля 1927 г.: *Е. Ф. Шмурло* (предсѣдатель Общества), *А. В. Флоровскій* (товарищъ предсѣдателя), *В. В. Саханевъ* (казначей) и *Б. А. Евреиновъ* (секретарь).

Адресъ Правленія Общества: Société Historique Russe à Prague. Praha II. Lazarská ul. 11-VI, pokoj 4 (Svaz Ruských Akademických Zahraničních Organizaci).

Тезисы докладовъ.

А. Л. Бемъ. «Къ вопросу о вліяніи Гоголя на Достоевскаго». Прочитанъ 20 декабря 1926 года.

Прямое вліяніе Гоголя ярче всего сказалось на двухъ раннихъ произведеніяхъ Достоевскаго: на романѣ «Бѣдные люди» и на «Двойникѣ».

1. *„Шинель"* и *„Бѣдные люди"*.

Анализъ перваго романа Достоевскаго доказываетъ наличіе общей установки „Бѣдныхъ людей" на Гоголевскій стиль. Достоевскій использовалъ отдѣльныя детали „Шинели" и своеобразно ихъ дополнилъ и распространилъ (философія „распеканія"). Характеръ вліянія Гоголя, въ отличіе отъ обычнаго вліянія, можно назвать „вліяніемъ отталкиванія", а не притяженія. Гоголь помогъ Достоевскому преодолѣть сентиментально-романтическій періодъ въ его развитіи (первая, недошедшая, редакція „Бѣдныхъ людей"). Однако, Достоевскій не могъ пріять своеобразнаго дара Гоголя „умершвленія жизни". На пути создателя философско-психологическаго романа стоялъ Гоголь, создатель „натуральной школы". Борьба съ Гоголемъ — неизбѣжный этапъ въ развитіи Достоевскаго. „Бѣдные люди" (2-я печатная редакція) не только „поправка Гоголя" (выраженіе Страхова), но начало борьбы съ нимъ. Сохранивъ основной мотивъ „Шинели", онъ подставляетъ вмѣсто шинели живое существо, Вареньку Доброселову, и этимъ очеловѣчиваетъ сюжетъ. Критическую оцѣнку „Шинели" Достоевскій даетъ устами Макара Дѣвушкина („да вѣдь это злонамѣренная книга"). Сознательное недовольство Гоголемъ Достоевскій выразилъ пародіей на стиль Гоголя въ отрывкѣ, приписанномъ сочинителю Ратазяеву („знаете ли вы Ивана Прокофьевича Желтопуза"). Романъ „Бѣдные люди" возникъ на основѣ „Шинели" Гоголя, какъ своеобразная жалоба на бездушіе „натуральной" школы.

2. *„Носъ"* и *„Двойникъ"*.

Безспорность вліянія повѣсти „Носъ" на „Двойника" подтверждается отзывами современниковъ (см. напр. отзывъ Имрека, критика «Московск. Литер. Сборника на 1847 г.»). Болѣе детальныя сопоставленія находимъ у современныхъ изслѣдователей. На общемъ Гоголевскомъ фонѣ „Двойника" можно установить нарочитое подчеркиваніе Достоевскимъ близости двухъ произведеній. Эта нарочитая близость объясняется тѣмъ, что Достоевскій не подражалъ, а возражалъ своимъ „Двойникомъ"

Гоголю. По своей формѣ „Двойникъ“ является своеобразной пародіей на Гоголевскій „Носъ“ съ инымъ идейно-художественнымъ содержаніемъ. Для болѣе рѣзкаго противопоставленія героевъ двухъ произведеній Достоевскій пользуется пріемомъ ихъ сопоставленія (сцена пробужденія). Замѣняя „Носа“, гротескнаго героя Гоголя, „Двойникомъ“, Достоевскій повторяетъ пріемъ, использованный въ „Бѣдныхъ людяхъ“ (шинель — Варенька Доброселова). Анекдотъ объ исчезновеніи носа превращается Достоевскимъ въ трагическую исторію раздвоенія личности. Сохраняя рядъ сюжетныхъ положеній Гоголя, Достоевскій пользуется ими для усиленія не комическихъ, а трагическихъ моментовъ. Достоевскій прибѣгаетъ въ „Двойникѣ“ къ пріему развертыванія незначительныхъ заимствованныхъ эпизодовъ до значенія крупныхъ сюжетныхъ компонентовъ (лакей Иванъ — Петрушка и др.) Рядъ мотивовъ, только намѣченныхъ Гоголемъ, используется Достоевскимъ, какъ существенные моменты его идеологіи (стремленіе опереться на авторитетъ и начатки „бунта“, проблема „вины“ и др.). Самое идею „Двойника“ Достоевскій могъ взять у Гоголя («носъ» почти то же, что Ковалевъ). Мотивъ „самозванства“, весьма существенный для пониманія „Двойника“, тоже намѣченъ Гоголемъ. Достоевскій углубляетъ брошенную Гоголемъ мысль о томъ, что каждый „долженъ знать свое мѣсто“, придавая ей моральное значеніе. Формула „я самъ по себѣ“, имѣющаяся въ „Носѣ“, является для Достоевскаго зачаткомъ идеологіи подпольнаго человѣка. Пріемъ углубленія намѣченныхъ, но не использованныхъ Гоголемъ возможностей иного, трагическаго сюжета окончательно убѣждаетъ, что „Двойникъ“ является художественной отповѣдью на повѣсть Гоголя „Носъ“.

Д. Н. Вергунъ. «Легенда о Ѳедорѣ Кузьмичѣ и новѣйшія данныя о гробницѣ императора Александра I».

Прочитанъ 23 декабря 1925 года.

1. День 19 ноября 1825 года не слѣдуетъ считать днемъ смерти императора Александра I, но лишь днемъ окончанія его царствованія, пока не разрѣшенъ окончательно вопросъ о предполагаемомъ нѣкоторыми изъ русскихъ историковъ тожествѣ сибирскаго старца Ѳедора Кузьмича, умершаго 20 января 1864 года въ Томскѣ, съ императоромъ Александромъ I.

2. Въ декабрѣ 1901 года докладчикъ получилъ отъ сибирскаго купца Хромова пакетъ, содержавшій брошюру «Сказаніе о Ѳедорѣ Кузьмичѣ», фотографическій снимокъ Ѳедора Кузьмича съ подписью „Александръ Благословенный“ и обрывки листковъ подъ названіемъ „Исповѣдь Вѣры Молчальницы“. Въ связи съ полученными документами онъ получилъ справки отъ убѣжденныхъ сторонниковъ тожества личности Ѳедора Кузьмича съ

императоромъ Александромъ — проф. В. И. Ламанскаго и ген. Л. Н. Соболева, посылавшагося императоромъ Александромъ III въ Томскъ на могилу старца.

3. Если вѣрны газетныя извѣстія о томъ, что при вскрытіи царскихъ гробницъ въ Петропавловской крѣпости гробница Александра I оказалась пустою, то это окончательно подкрѣпляетъ справедливость легенды.

4. Разсказъ А. Н. Куломзина о томъ, что, инсценировавъ свою смерть, Александръ I уѣхалъ на особой яхтѣ англійскаго посла въ Россіи въ Палестину замолить грѣхъ отцеубійства, — находитъ себѣ аналогію въ Прусской исторіи въ поступкѣ князя Вольдемара Прусскаго (начало XIV вѣка).

5. Въ заключеніе докладчикъ предложилъ учредить особую комиссію, включивъ въ составъ ея и историковъ, находящихся сейчасъ въ Россіи, для окончательнаго выясненія этого спорнаго вопроса русской исторіографіи.

Г. В. Вернадскій. «Славянскій вопросъ въ политикѣ императора Александра I въ первую половину его царствованія». Прочитанъ 4 декабря 1925 года.

1. Широкая постановка славянскаго вопроса въ русской дипломатіи Александра I первый разъ сдѣлана въ инструкціи Новосильцеву 1804 года и въ составленной въ томъ же году Чарторыскимъ краткой запискѣ о переустройствѣ Европы въ случаѣ удачной войны. Въ этихъ документахъ возбужденіе славянскаго вопроса связано съ идеей новаго федеративнаго устройства Европы.

2. Славянскій вопросъ для дипломатіи Александра I состоялъ изъ двухъ частей: освобожденія 1) Польши и 2) южныхъ славянъ.

3. Источникомъ славянскаго плана дипломатіи Александра I во второй части (южныхъ славянъ) была записка митрополита Стефана Стратимировича (доставленная Чарторыскому прот. А. А. Самборскимъ), а отчасти, вѣроятно, также и записка В. Н. Каразина.

4. Осуществленіе плана 1804 года, особенно въ части, касающейся южныхъ славянъ, входило въ задачи войнъ съ Наполеономъ 1805-1807 годовъ (базою русскихъ военныхъ силъ, стремившихся осуществить юго-славянскій планъ, служили Іоническіе острова).

5. Тильзитскій миръ лишилъ Россію ея Адріатической базы, но не означалъ собою отказа отъ дальнѣйшихъ славянскихъ плановъ. Планы эти распадались опять на двѣ части (Польша и южные славяне).

6. Центръ дипломатической подготовки новаго возбужденія славянскаго вопроса былъ въ Вѣнѣ (веденіе дѣла сосредоточилось въ рукахъ І. Каподистріи).

7. Конкретныя очертанія новый юго-славянскій планъ Александра I сталъ принимать въ 1812 году въ видѣ проэкта балканско-адріатической экспедиціи адмирала Чичагова на основѣ союза съ Турціей (представителемъ дипломатической канцеляріи Чичагова былъ Каподистрія).

8. Новая война съ Наполеономъ (1812 года) вызвала необходимость отказаться отъ юго-славянскихъ плановъ; на первый планъ выдвигалась Польша, которую долженъ былъ освобождать Чичаговъ, если бы удалась его Березинская операція.

9. Учрежденіе Царства Польскаго (1815 годъ) завершило первую половину славянскихъ плановъ Александра I; вторая (юго-славянская) осталась нерѣшенною, но отнюдь не была сдана въ архивъ дипломатіей Александра I до самаго конца его царствованія.

Д. И. Дорошенко. «Д. Н. Бантышъ-Каменскій и его „Исторія Малой Россіи“». Прочитанъ 21 мая 1926 года.

1. Въ лицѣ своего отца, Н. Н. Бантыша-Каменскаго, Д. Н. Бантышъ-Каменскій имѣлъ хорошаго руководителя и, помогая ему въ занятіяхъ въ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, самъ пріобрѣлъ навыкъ къ архивнымъ изысканіямъ.

2. Роль кн. Н. Г. Репнина въ замыслѣ и въ исполненіи „Исторіи Малой Россіи“.

3. Сочувственный откликъ со стороны украинскаго общества и снабженіе Бантыша-Каменскаго матеріалами изъ частныхъ собраній.

4. Источники „Исторіи Малой Россіи“.

5. Критическое отношеніе Бантыша къ своимъ источникамъ.

6. „Исторія Малой Россіи“ и ея мѣсто въ украинской исторіографіи.

7. Бантышъ-Каменскій, какъ издатель историческихъ документовъ («Источники, къ исторіи Малороссійской относящіеся»).

8. Отзывы современниковъ объ „Исторіи Малой Россіи“.

9. Отзывы позднѣйшихъ представителей русской и украинской исторіографіи.

10. Значеніе „Исторіи Малой Россіи“, какъ перваго систематическаго курса украинской исторіи, впервые основаннаго на архивныхъ источникахъ.

Б. А. Евреиновъ. «Борьба Москвы съ восточными инородцами въ бассейнѣ Волги и Камы». Прочитанъ 19 марта 1926 года.

1. Вооруженная борьба русскихъ при ихъ продвиженіи на востокъ съ инородцами въ бассейнѣ рѣкъ Волги и Камы недостаточно изучена, въ силу чего можетъ создаться неправильное

представленіе о степени усилій, затраченныхъ русскимъ народомъ на освоеніе Поволжья.

2. Изученіе памятниковъ XVI, XVII и XVIII вв. приводитъ къ заключенію, что борьба на востокѣ Московской Руси ведется ожесточенная и территорія отвоевывается и закрѣпляется лишь съ трудомъ, шагъ за шагомъ.

3. Борьба ведется главнымъ образомъ за удобныя мѣста для поселенія.

4. Борьба восточныхъ инородцевъ съ Москвой то носитъ характеръ самостоятельныхъ возстаній (луговые черемисы, арскіе люди въ началѣ XVII в., башкиры и калмыки во 2-ой половинѣ XVII в.), руководимыхъ инородческими же вождями, то выражается въ широкомъ участіи инородческихъ элементовъ въ соціально-революціонномъ движеніи русскаго народа (Смутное время, бунтъ Разина, бунтъ Пугачева).

5. Попытки придать этой борьбѣ характеръ религіозный (исламъ противъ креста) выразились въ сношеніяхъ калмыковъ и казанскихъ татаръ съ Крымскимъ ханомъ (1680) и съ турецкимъ султаномъ Магометомъ IV (1682).

6. Освоеніе Москвой территоріи Поволжья и Прикамья проводилось какъ военными мѣрами — вооруженная борьба, построеніе засѣчныхъ чертъ и крѣпостей, организація военныхъ поселеній, — такъ и путемъ колонизаціи и фискальной политики московскаго правительства.

7. Окончательное замиреніе восточныхъ инородцевъ произошло лишь въ концѣ XVIII вѣка.

А. Ф. Изюмовъ. «В. О. Ключевскій въ молодые годы по его письмамъ къ другу». Прочитанъ 23 декабря 1925 года. Напечатанъ въ газетѣ „Дни“ №№ 906 и 907.

Выпущенныя Московскимъ Румянцевскимъ Музеемъ „Письма В. О. Ключевскаго къ П. П. Гвоздеву (1861-1870/72)“ даютъ для того, чтобы возсоздать образъ историка въ годы ученья въ Пензенской Духовной Семинаріи и Московскомъ Университетѣ — очень обильный матеріалъ. Наиболѣе интересными письмами являются тѣ, которыя написаны въ первые годы пребыванія Ключевскаго въ Университетѣ, когда складывалось научное міровоззрѣніе знаменитаго историка. По письмамъ къ П. П. Гвоздеву можно достаточно ясно прослѣдить духовный ростъ Ключевскаго, начиная съ послѣдняго класса семинаріи и вплоть до первыхъ шаговъ Ключевскаго въ качествѣ преподавателя высшей школы.

А. П. Калитинскій. «Изъ исторіи фибулы въ Россіи». Прочитанъ 3 февраля 1926 года. Напечатанъ въ „Recueil d'études, dédiés à la mémoire de N. Kondakov". Prague. 1926. подъ заглавіемъ «Изъ исторіи фибулы на Кавказѣ».

Исторію фибулы въ Россіи приходится пока начинать съ Кавказа. Именно здѣсь найдены наиболѣе древнія, а въ Осетіи, въ частности, и наиболѣе примитивныя ея формы.

Древнія фибулы Кавказа образуютъ 3 серіи: 1. дуговыя, 2. фибулы съ шарниромъ и 3. зооморфныя. Среди первыхъ можно различать три типа: 1. съ узкимъ пріемникомъ и слегка пониженной дугой, 2. съ широкимъ пріемникомъ и высокой дугой и 3. съ широкимъ пріемникомъ и утолщенной дугой (пьявковидныя). Среди вторыхъ два типа: 1. дуговыя съ шарниромъ (2 разновидности) и 2. луновидныя. Среди зооморфныхъ: 1. звѣриныя и 2. змѣиныя.

Сравнительный анализъ формъ и орнаментальныхъ украшеній всѣхъ указанныхъ типовъ говоритъ за ихъ греческое происхожденіе. Появленіе ихъ прототиповъ не могло произойти раньше начала греческой колонизаціи на берегахъ Чернаго моря, т. е. VII-VI вв. до Р. Хр.. Мѣстное производство, въ свою очередь, могло начаться не ранѣе VI-V вв. до Р. Хр. О существованіи дуговыхъ фибулъ на Кавказѣ въ III ст. до Р. Хр. свидѣтельствуетъ т. н. Казбекскій кладъ, серебрянная чаша котораго, найденная съ дуговыми фибулами, несомнѣнно, сдѣлана въ Сиріи въ эпоху эллинизма. Подобная же фибула обнаружена въ Кобани въ могилѣ римскаго времени II ст. до Р. Хр. Выдѣлки этого типа можно прослѣдить до IV-V вв. послѣ Р. Хр. (Задалискъ, Голіатъ, Фоскау). Время появленія шарнирныхъ фибулъ на Кавказѣ пока не можетъ быть точно указано. Зооморфныя формы носятъ апотропеическій характеръ. Змѣинныя фибулы обнаружены въ гробницахъ II в. до Р. Хр.

А. А. Кизеветтеръ. «Отзывъ о книгѣ „Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца - опричника. Перевод и вступительная статья И. И. Полосина. Издание М. и С. Сабашниковых. М. 1925."» Прочитанъ 16 іюня 1925 года. Напечатанъ въ сборникѣ „На Чужой Сторонѣ", кн. XII. Прага. 1925.

1. Источникъ очень важный. Безъ ссылокъ на него теперь не обойдется ни одинъ изслѣдователь эпохи Ивана Грознаго.

2. Штаденъ не Флетчеръ и не Герберштейнъ: зато его умъ не обремененъ предвзятыми схемами, отвлеченными теоріями. Другіе иностранцы только наблюдали русскую жизнь мелькомъ и со стороны — Штаденъ самъ жилъ въ условіяхъ тогдашней

русской дѣйствительности и на себѣ самомъ испыталъ дѣйствіе ея своеобразныхъ особенностей.

3. Московская приказная волокита; продажность администраціи; злоупотребленія властью и самовольныя распоряженія областныхъ правителей; судебная практика того времени — нашли себѣ у Штадена яркое изображеніе.

4. Особенно цѣнны показанія объ опричинѣ; они выливаютъ ушатъ холодной воды на тѣхъ, кто пытается представить царствованіе Ивана Грознаго, какъ расцвѣтъ русской государственности.

5. Аграрный переворотъ, произведенный царемъ въ связи съ опричиной, въ которомъ новѣйшіе историки усматриваютъ основной результатъ политики (Платоновъ), оказывается, по Штадену, былъ аннулированъ самимъ Иваномъ IV подъ давленіемъ недовольства, а подчасъ даже и вооруженнаго сопротивленія земщины.

А. А. Кизеветтеръ. Отзывъ о книгѣ „K. Waliszewsky. La Russie il y a cent ans. La règne d'Alexandre I. Vol. I-III. Paris. 1923-1925". Прочитанъ 29 октября 1925 года. Напечатанъ въ сборникѣ „На чужой сторонѣ", 1925, кн. XIII.

1. Подходъ автора къ своей темѣ публицистическій, а не научно-историческій. Валишевскій загипнотизировалъ себя мыслью о томъ, что вся духовная жизнь русскаго общества уже сто лѣтъ назадъ была пронизана стихіей большевизма и что декабристы его предшественники.

2. Дѣятельность „Неофиціальнаго Комитета" понята и обрисована невѣрно; Сперанскій представленъ совершенно превратно: вмѣсто историческаго портрета дана каррикатура, нарисованная углемъ.

3. Отзывы о „Евгеніи Онѣгинѣ" и „Горе отъ ума" свидѣтельствуютъ объ отсутствіи вкуса и литературной освѣдомленности.

4. Думать, что во внѣшней политикѣ Александръ I „обманывалъ себя", плылъ по теченію событій — значитъ слишкомъ упрощать задачу историка и противорѣчить авторитетнымъ сужденіямъ Наполеона, Шатобріана и Лагербіелке, которые всѣ въ одинъ голосъ признаютъ въ Александрѣ искуснѣйшаго дипломата, виртуозно умѣвшаго осуществлять извилистыя и сложныя дипломатическія комбинаціи.

5. Напрасно авторъ перешелъ отъ роли (какой онъ держался въ прежнихъ своихъ трудахъ) историческаго разсказчика къ роли историка-мыслителя, претендующаго на широкіе, обобщающіе выводы: занимательная книга, послѣдній трудъ Валишевскаго, едва ли будетъ содѣйствовать углубленію пониманія

внутренней и внѣшней политики Александра I и государственной жизни Россіи за время этого царствованія.

А. А. Кизеветтеръ. «Спорные вопросы въ исторіи декабристовъ». Прочитанъ 11 января 1926 года. Напечатанъ въ журналѣ „Голосъ Минувшаго на чужой сторонѣ". 1926 г., № 2.

1. Въ литературѣ нашего времени выставлены два тенденціозные подхода къ истолкованію идеологіи декабристовъ: одинъ изъ нихъ выдвигается историками марксистами, другой — представителями теченія, направленнаго на идеализацію стараго порядка, противъ котораго возстали декабристы.

2. Марксистскіе и большевизанствующіе историки представляютъ декабристовъ политическими фарисеями. Декабристы только прикидывались демократами, на самомъ дѣлѣ они стремились къ укрѣпленію классовыхъ преимуществъ землевладѣльческаго и отчасти уже обуржуазившагося дворянства. Развитіе этой мысли приводитъ этихъ историковъ къ ряду несообразныхъ противорѣчій, которыя могутъ быть устранены только признаніемъ внѣклассоваго характера движенія декабристовъ. Такъ, Покровскій для утвержденія классоваго характера идеологіи декабристовъ вынуждается признать нехарактерными для этого движенія воззрѣнія одного изъ главныхъ вождей его — Пестеля. А Рожковъ, желая распредѣлить декабристовъ по цѣлому ряду категорій по признаку различія ихъ классовыхъ интересовъ, сводитъ свои характеристики къ совершенно явнымъ натяжкамъ. Конституція Никиты Муравьева признается имъ за сословно-дворянскую и противобуржуазную, а Пестель зачисляется въ идеологи буржуазіи. Между тѣмъ, именно Муравьевъ былъ противникомъ вмѣшательства государственной власти въ регулированіе экономическихъ отношеній (laissez faire) и вводилъ высокій не только земельный, но и денежный цензъ для участія въ выборахъ, а Пестель, напротивъ того, какъ разъ стоялъ за широкое вмѣшательство власти въ экономическія отношенія во имя соціальной справедливости и былъ противъ всякихъ цензовыхъ ограниченій избирательнаго права.

3. Тѣ, кто желаютъ представить декабристовъ предшественниками большевиковъ, не считаются съ тремя характернѣйшими особенностями идеологіи декабристовъ: 1. декабристы вдохновлялись не идеей классовой борьбы, а идеей надклассоваго общенаціональнаго и общегосударственнаго блага; 2. декабристы не только не были интернаціоналистами, но, напротивъ того, были одушевлены пламеннымъ патріотизмомъ и чувствомъ національной чести; 3. декабристы стремились къ укрѣпленію государственной силы Россіи и на предлагаемыя ими преобразованія смотрѣли, какъ на средство для достиженія этой цѣли,

тогда какъ цѣль большевиковъ — разрушеніемъ русскаго государства сдѣлать первый шагъ къ разрушенію всѣхъ современныхъ государствъ.

4. Разборъ всѣхъ этихъ искусственныхъ схемъ лишь подтверждаетъ то положеніе, что идеологія декабристовъ носила характеръ надклассовый и творчески-государственный.

Е. Н. Клетнова. «Опытъ объясненія загадочной страны и слова — Oium». Прочитанъ 31 января 1927 года.

Указанную Іорданомъ въ землѣ скиѳовъ страну „Oium", по которой текла „неохватная рѣка", докладчица, сближая это греческое имя съ русскимъ словомъ „пойма", ищетъ въ области многоводной Припети и Днѣпра, широко разливающихся не только весной, но и въ лѣтніе паводки на необозримыя пространства.

Е. Н. Клетнова. «Древнѣйшій торговый путь — изъ Варягъ въ Хазары». Прочитанъ 21 марта 1927 года.

1. Онъ существовалъ и процвѣталъ гораздо раньше традиціоннаго пути „изъ Варягъ въ Греки".

2. Онъ имѣлъ два направленія: 1) кружное, на Волгу, и 2) кратчайшее, на Зап. Двину, отъ Гнѣздова (подъ Смоленскомъ) рядомъ волоковъ черезъ Десну и Сеймъ по Осколу-Донцу-Дону.

3. Давнее существованіе этого послѣдняго направленія подтверждаютъ:

а) Указанія Амміана Марцеллина, Саксона Грамматика, а также ученыхъ новаго времени (Шафарикъ, Гильфердингъ, Мурзакевичъ, Соболевскій, Реклю, Ранке, Сизовъ, Спицынъ, Арнэ).

б) Положеніе на этомъ пути: 1) величайшаго въ центральной Россіи и необычайно насыщеннаго предметами восточнаго происхожденія могильника „Гнѣздово" какъ разъ на линіи пересѣченія Днѣпра; 2) грандіознаго катакомбнаго могильника и городища „Верхнее Салтово" (на Сѣв. Донцѣ).

в) Наличность на этомъ пути многочисленныхъ кургановъ, городищъ и находки арабскихъ диргемъ, датируемыхъ VII-X вв.

г) Топографическая номенклатура: 1) въ мѣстахъ переволокъ („Стойки", „Суволочное", „Кладовое", „Переволочна" и др.); 2) связанная съ именемъ Аланъ, торившихъ этотъ путь за много вѣковъ до образованія Хазарскаго царства („Алаунская возвышенность", „Аланьи горы", „Аланскіе" острова на Балтійскомъ морѣ; самое названіе Зап. Двины въ древности: „Рудонъ", иранскаго корня; наименованіе Кваркена „Аланскимъ моремъ").

И. И. Лапшинъ. «О миѳологическомъ творчествѣ въ исторіи философіи». Прочитанъ 11 апрѣля 1927 года.

1. Идея антропоморфическихъ проэкцій въ исторіи религіи, намѣченная Ксенофаномъ и Эвгемеромъ, углублена въ

новѣйшее время Фейербахомъ. Въ исторію метафизики она внесена Кантомъ.

2. Въ извѣстномъ смыслѣ метафизика невозможна, въ извѣстномъ — неизбѣжна.

3. Въ сближеніи метафизическаго творчества съ миѳологическимъ есть и ложная сторона и истинная.

4. Разобраться въ этомъ вопросѣ можно лишь путемъ изученія особенностей метафизическаго творчества со стороны психологической и со стороны исторической.

5. Двумя исходными началами здѣсь являются: особенность даннаго историческаго момента („состояніе міра“) и типически индивидуальныя особенности творческой личности философа.

6. Возможно установить таблицу типовъ миѳологической проэкціи въ исторіи философіи.

П. Н. Милюковъ. «Научныя основы евразійства». Прочитанъ 4 января 1927 года.

1. Своеобразіе Россіи можно считать доказаннымъ и можно было бы употреблять терминъ „Евразія“, если бы онъ не былъ испорченъ евразійцами, какъ специфическій уклонъ къ Востоку.

2. Единство евразійской территоріи есть чистѣйшая фантазія евразійцевъ.

3. Исторически связь со степью и кочевниками принадлежитъ къ до-историческимъ временамъ. Она смѣнилась борьбой со степью, на которой и основано развитіе русской государственности и культуры.

4. Въ эволюціи этой культуры неизбѣжны высшіе фазисы, отрывающіеся отъ „этнической базы“ и требующіе секуляризаціи (обмірщленія) быта.

5. Эта секуляризація есть явленіе общечеловѣческое, а не специфически европейское. Отсутствіе ея есть доказательство остановки эволюціи на низшихъ ступеняхъ.

6. Съ Европой Россія связана ближе, чѣмъ съ Азіей, и географически и культурно. Европеизація Россіи не есть голое „заимствованіе“, а выявленіе свойственныхъ Россіи высшихъ формъ жизни, европейскихъ, хотя и оригинальныхъ въ каждой европейской странѣ.

7. Русская революція есть патологическая форма подъема Россіи на высшую ступень культурнаго существованія, а ея восточныя черты есть результатъ временнаго рецидива и разрушеній, неизбѣжныхъ въ процессѣ всякой революціи.

8. Болѣе активное выступленіе массъ будетъ не вслѣдствіе, а вопреки политикѣ большевиковъ; оно само по себѣ является залогомъ движенія Россіи къ демократіи, т. е. къ новой европейской фазѣ ея существованія.

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ЦГА СССР
Инв. № 06770

Н. Л. Окуневъ. «Македонская школа живописи». Прочитанъ 16 іюня 1925 года.

Первые изслѣдователи памятниковъ живописи въ Македоніи и въ Южной Сербіи (Н. П. Кондаковъ, г. Милле) относятъ всѣ стѣнописи XIV вѣка, тамъ находящіяся, къ одной живописной школѣ, которую они называютъ македонскою. Эти стѣнописи, однако, отличаются очень сильно другъ отъ друга и по своему составу и по особенностямъ стиля и иконографіи, образуя двѣ группы памятниковъ. Къ одной относятся росписи Милутинской церкви въ Студеницѣ, Старо-Нагоричинскаго храма, Грачаницы и нѣсколькихъ болѣе мелкихъ церквей. Къ другой — фрески Лесковскаго монастыря, Маркова монастыря и Матейча. Эта вторая группа отличается совершенно исключительнымъ составомъ росписей, заключающихъ чрезвычайно рѣдкіе и впервые въ стѣнописяхъ появляющіеся циклы и компиляціи, какъ, напримѣръ, „Дѣянія Архангельскія“, „Хвалите Господа съ небесъ“, „Учительства свв. Отцевъ“, „Дѣянія Апостольскія“, „Акаѳистъ Богородицы“, „Св. Троица о трехъ головахъ“, „Исторія Нерукотвореннаго Образа“, событія, предваряющія „Успеніе Богородицы“, „Спасъ Недреманное Око“, „Богородица Живоносный источникъ“ и т. д. Въ иконографіи этихъ росписей много новыхъ элементовъ, также впервые вводимыхъ, а стилистически онѣ отличаются чрезвычайно смѣлымъ рисункомъ, хотя и грубымъ исполненіемъ. Эта то вторая группа памятниковъ и можетъ быть названа съ полнымъ правомъ македонскою, такъ какъ черты, ее характеризующія, могутъ быть до сихъ поръ отличаемы только въ Македоніи, въ то время, какъ памятники первой группы представляютъ прекрасныя произведенія не мѣстной, но обще-балканской, греко-славянской живописной школы.

Н. Л. Окуневъ. «Нѣкоторыя черты восточныхъ вліяній въ искусствѣ южныхъ славянъ». Прочитанъ 3 февраля 1926 года. Напечатанъ въ „Сборник в честь проф. В. Н. Златарски“. София. 1926.

Въ архитектурѣ сербской XII-XIII вв. однонефный планъ съ куполомъ, опирающимся на простѣнные пилястры, низкіе, иногда открытые, вестибюли передъ боковыми входами возникли подъ вліяніемъ восточно-христіанскимъ, будучи заимствованными изъ архитектуры армянской. Въ архитектурѣ XIV вѣка такого рода восточными чертами является упроченіе восточнаго, надалтарнаго, свода и употребленіе въ угловыхъ помѣщеніяхъ боковыхъ нефовъ коробовыхъ сводовъ съ осями, поперечными по отношенію къ продольной оси зданія. Одинъ памятникъ — церковь въ Младо-Нагоричинѣ — имѣетъ и наружную декорацію фасадовъ, выполненной въ армянскомъ стилѣ. Двойныя окна

на его боковыхъ фасадахъ украшены рельефами и заключены въ декоративныя обрамленія, состоящія изъ лучеобразно-расходящихся камней двухъ цвѣтовъ — краснаго и темнаго. Полную аналогію такого рода декораціи представляютъ фасады армянскихъ храмовъ въ Хахулѣ и въ Эошк-ванкѣ.

Въ сербскую живопись XIV вѣка проникаютъ вліянія мусульманскаго искусства, отражающіяся въ орнаментѣ, который стилизуется, подражая арабскимъ декоративнымъ надписямъ.

Н. Л. Окуневъ. «Поѣздка по Сербіи лѣтомъ 1926 года». Прочитанъ 11 ноября 1926 года.

I. Лѣтомъ 1926 года совершена была поѣздка по Южной Сербіи. Обслѣдованію подверглись нижеслѣдующіе важнѣйшіе памятники художественной старины:

1. Милешевскій монастырь, построенный въ 1236 году при королѣ Владиславѣ, сынѣ Стефана Первовѣнчаннаго.

2. Столпы св. Георгія около Новаго Базара постройки XII вѣка при Стефанѣ Нѣмани.

3. Церковь св. апостола Петра въ Новомъ Базарѣ (VI-IX в.).

4. Сопочанскій монастырь, построенный Стефаномъ Урошемъ I во второй половинѣ XIII вѣка.

5. Монастырь Благовѣщенія въ Градацѣ, построенный также во второй половинѣ XIII вѣка королевой Еленой.

6. Монастырь св. Георгія въ селѣ Старо-Нагоричино, основанный Стефаномъ Урошемъ II Милетиномъ въ 1318 году.

7. Монастырь Грачаницкій, основанный тѣмъ же Стефаномъ Урошемъ II приблизительно въ то же время.

Обслѣдованіе касалось, главнымъ образомъ, двухъ вопросовъ; 1) храмовъ съ башенными фасадами XII и XIII вѣковъ и 2) мозаичнаго стиля старо-сербской живописи, однимъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ которой является храмъ въ Милешевскомъ монастырѣ. Въ этой живописи обнаружено точное слѣдованіе стилю и формамъ древнихъ мозаикъ VI, VII и VIII вѣковъ, поскольку онѣ намъ извѣстны въ памятникахъ Равенны и Солуни.

П. А. Остроуховъ. «Записки шведскаго офицера о пребываніи его въ Россіи въ началѣ XVIII столѣтія». Прочитанъ 23 апрѣля 1926 года.

Записки майора Генриха Матвѣя Сеуленберга о пребываніи его въ Россіи въ началѣ XVIII вѣка хранятся въ Шведскомъ Государственномъ Архивѣ. Онѣ изложены въ брошюрѣ Pehr Johnsson'a: I rysk fangenskap. Годъ изданія не указанъ.

Сеуленбергу довелось быть въ Россіи дважды: первый разъ въ плѣну съ конца 1708 до середины 1714 года; второй разъ — добровольно послѣ заключенія Ништадтскаго мира. За непочтительный отзывъ о герцогѣ Голштинскомъ онъ былъ

внезапно арестованъ, посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, а затѣмъ сосланъ въ Тобольскъ, гдѣ просидѣлъ въ строгомъ заключеніи до конца 1732 года.

Записки Сеуленберга весьма интересны, во-первыхъ, какъ изображеніе положенія въ Россіи военно-плѣнныхъ шведовъ во время Великой Сѣверной войны, и, во-вторыхъ, какъ свидѣтельство потерпѣвшаго о тѣхъ испытаніяхъ, которыя приходилось переносить лицамъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ попадавшимъ въ руки Тайной Канцеляріи или подобныхъ ей учрежденій.

П. А. Остроуховъ. «Ходебщики Владимирской губерніи въ первой половинѣ XIX столѣтія». Прочитанъ 7 марта 1927 года.

Ходебщики заслуживаютъ вниманія со стороны изслѣдователя экономической исторіи Россіи потому, что разносный торгъ долгое время былъ одною изъ главныхъ частей механизма нашей внутренней торговли. Онъ существовалъ въ различныхъ мѣстахъ Россіи, но первое мѣсто среди представителей этого промысла занимали въ первой половинѣ XIX столѣтія офени, происходившіе изъ Владимирской губерніи. Малоземелье и неудобная почва заставили ея жителей заняться торговлей. Офени-владимирцы торговали не только по всей Россіи, но и за ея предѣлами. Запасались они товаромъ, главнымъ образомъ, на ярмаркахъ. Торговля владимирцевъ носила организованный характеръ и была основана на кредитѣ. У офеней существовалъ особый условный языкъ. Странствуя по деревнямъ и усадьбамъ, офени часто соединяли съ торговлей прасольскій промыселъ. Чрезвычайно яркія и правдивыя описанія разноснаго торга мы находимъ у Некрасова и Мельникова-Печерскаго. Особенно выгодна была для офеней торговля на окраинахъ Россіи. Разбогатѣвшіе офени обыкновенно переселялись въ города и записывались въ купцы. Иногда переселившіеся на окраины Россіи офени-владимирцы переносили съ собой туда и привычныя имъ начала организаціи разноснаго торга. Расцвѣтъ разносной торговли относится къ періоду съ 1815 по 1840 г. Среди причинъ этого расцвѣта весьма видную роль играли т. н. „простонародные лажи“. Въ 50-хъ годахъ разносный торгъ въ центральной части Европейской Россіи явно приходитъ въ упадокъ.

С. Г. Пушкаревъ. «Принципы торговой и промышленной политики Петра Великаго». Прочитанъ 27 мая 1925 года. Напечатанъ въ „Sborník věd právních a státních, r. XXVI, 1926, seš. 3, подъ заглавіемъ „Zásady obchodní a průmyslové politiky Petra Velikého“.

1. Цѣлью экономической политики Петра Великаго, въ противоположность ходячему понятію о меркантилизмѣ, было

не накопленіе золота и серебра, но созданіе всесторонне развитого и, по возможности, самодовлѣющаго хозяйственнаго цѣлаго, — по терминологіи Фр. Листа — „Agrikultur-Manufaktur-Handelsstaat“.

2. Увеличить количество народнаго труда, привлекая трудоспособное населеніе и, главнымъ образомъ, поднять производительность труда, улучшая старыя и вводя новыя отрасли производства, — составляло общую задачу экономическихъ мѣропріятій Петра.

3. Сознавая необходимость особой соціально-правовой организаціи торгово-промышленнаго класса, Петръ въ теченіе всего своего царствованія дѣлалъ настойчивыя попытки къ созданію такой организаціи.

4. Теоретически Петръ сознавалъ пользу и преимущества свободной частной торговли, но вынужденъ былъ поступиться ею ради фискальныхъ потребностей.

5. Принципы таможенной политики: всемѣрное покровительство національной промышленности, поощреніе ввоза сырья и затрудненіе его вывоза; поощреніе вывоза издѣлій и затрудненіе ихъ ввоза (тарифъ 31 января 1724 года).

6. Руководящія начала горнозаводскаго дѣла: разработка, при поддержкѣ государства, естественныхъ богатствъ; подчиненіе права частной собственности (на земли и нѣдра) интересамъ государства; при ихъ столкновеніи послѣднимъ отдавалось рѣшительное преимущество („Привилегія“ 19 декабря 1719 года).

7. Принципы политики въ области фабричной и мануфактурной промышленности: мысль о промышленномъ воспитаніи націи: сперва прямое принужденіе, потомъ правительственная помощь ремесленникамъ и всемѣрное поощреніе частной иниціативы. Петръ не сторонникъ „націонализаціи“: казенная промышленность есть лишь переходная ступень, какъ средство промышленнаго воспитанія. Частный интересъ признанъ двигателемъ промышленнаго развитія. Подобно тому, Петръ не является сторонникомъ системы монополій и признаетъ пользу свободной конкуренціи между туземными промышленниками.

С. Г. Пушкаревъ. «И. Т. Посошковъ и его значеніе въ исторіи русской культуры». Прочитанъ 11 іюня 1926 года.

Вопреки довольно обычному представленію о „старомъ“ и „новомъ“ міровоззрѣніяхъ, послѣдовательно смѣнявшихъ одно другое въ Петровскую эпоху, мы видимъ у Посошкова не смѣну, а сосуществованіе того, что принято называть „старымъ“ и „новымъ“ міровоззрѣніемъ. Упорный консерватизмъ въ основныхъ духовно-національныхъ идеалахъ, фанатическая преданность древне-русскимъ церковнымъ началамъ — соединялись

въ немъ не только съ трезвымъ практицизмомъ, съ интересомъ и вкусомъ къ хозяйственно-технической дѣятельности, но и съ яснымъ сознаніемъ пороковъ и недостатковъ русской жизни и съ широкими реформаторскими замыслами въ области государственнаго, общественнаго и экономическаго строя Россіи.

Указанное соединеніе не производитъ въ личности Посошкова никакой фальши или раздвоенія, напротивъ, онъ стоитъ передъ нами цѣльный и негнущійся, „неподвижный, яко мраморный столпъ, на недвижномъ камени утвержденный". Этимъ камнемъ является для Посошкова вѣра православная. Посошковымъ владѣла идея христіанской правды въ ея церковно-православномъ пониманіи, она была исходнымъ и конечнымъ пунктомъ его сочиненій и его жизни.

Будучи глубоко религіознымъ и православнымъ человѣкомъ, Посошковъ, однако, видитъ множество погрѣшностей и недостатковъ въ современномъ ему русскомъ церковномъ обществѣ, обличаетъ эти недостатки суровымъ и скорбнымъ словомъ и требуетъ ряда преобразованій и улучшеній, въ результатѣ которыхъ просвѣщенное духовенство и благочестивая паства должны стать на мѣсто современнаго невѣжественнаго и погрязшаго въ грѣхахъ общества.

Будучи русскимъ націоналистомъ, высоко цѣня русскій умъ и относясь съ трезвымъ недовѣріемъ къ иностранцамъ, Посошковъ, однако, сознавалъ ихъ превосходство надъ нами во многихъ областяхъ — просвѣщенія, матеріальной культуры и техники общежитія — и стремился перенести къ намъ не только ихъ техническіе навыки, но и нѣкоторые ихъ „гражданскіе уставы".

Политическимъ идеаломъ Посошкова является абсолютная монархія съ сильной и правосудной верховной властью, ведущей государство къ могуществу, славѣ и богатству. Правосудіе есть первая обязанность государственной власти. Посошковъ констатируетъ, что у насъ „судная расправа никуды не годная" и настаиваетъ на необходимости организаціи равнаго, справедливаго, легко доступнаго суда, охраняющаго безопасность и права всѣхъ жителей. Для установленія праваго суда необходимо сочиненіе „правосудной книги" — „совершеннымъ общесовѣтіемъ".

Соціальнымъ идеаломъ Посошкова является сословно-расчлененное общество со строгимъ раздѣленіемъ „чиновъ". Высказываясь скептически относительно служебной годности и исправности современнаго ему дворянскаго класса, Посошковъ настаиваетъ на необходимости подчиненія „высокородныхъ" общимъ законамъ и неуклоннаго несенія дворянствомъ государственной службы. Высоко оцѣнивая теоретически роль и

значеніе въ государствѣ купеческаго класса, Посошковъ констатируетъ угнетенное и приниженное состояніе купечества въ Россіи и требуетъ лучшей организаціи купеческаго класса и защиты его какъ отъ конкуренціи иноземцевъ и иночинцевъ, такъ и отъ административныхъ притѣсненій. Въ отношеніи къ крестьянамъ Посошковъ подчеркиваетъ *государственный* характеръ крѣпостного права и настаиваетъ на необходимости коренной реформы въ отношеніяхъ между крестьянами и помѣщиками — государственнаго регулированія крестьянскихъ платежей и повинностей.

Цѣлью финансово-экономической политики государства является для Посошкова не наполненіе царской казны золотомъ и серебромъ, но обогащеніе и благосостояніе всего народа.

Д. А. Расовскій. «Древне-русское свѣтское міровоззрѣніе». Прочитанъ 22 ноября 1926 года.

1. Традиціонный взглядъ въ русской исторической литературѣ (особенно Соболевскій, Перетцъ) на древне-русскую письменность, какъ письменность церковную по преимуществу, ошибоченъ: наравнѣ съ церковной существовала и самостоятельная свѣтская, въ видѣ (гл. обр.) военной повѣсти.

2. Военныя повѣсти за XI-XIV вв. сохранились или въ цѣломъ видѣ или въ передѣлкахъ и фрагментахъ (Серебрянскій, Грушевскій). Таковы: „Повѣсть объ Изяславѣ“, „Пов. о Липецкой битвѣ“, „О Галицкомъ мятежѣ“, „О князѣ Александрѣ Невскомъ“, „О Довмонтѣ Псковскомъ“ и др., не считая „Слова о полку Игоревѣ“, „Слова о погибели Русской земли“, „Моленія Даніила Заточника“.

3. Благопріятныя условія для развитія военной повѣсти были на лицо: борьба со Степью; драматическія междуусобныя войны князей; далекіе походы въ Австрію, Чехію, Польшу, Венгрію; оказала свое вліяніе и переводная письменность: Повѣсть объ Акирѣ, Исторія Іудейской войны Іосифа Флавія; также Библія (книги Царствъ).

4. Характерныя черты этой военной литературы:

а) Реализмъ и объективность изложенія.

б) Идеальный князь рисуется храбрымъ, сильнымъ, красивымъ воиномъ; идеальная дружина — скорѣе храбрые, вѣрные товарищи, чѣмъ слуги; у того и у другой — на первомъ планѣ честь и слава; смерть они презираютъ.

в) Описаніе битвъ — любовное; по своимъ подробностямъ описанія эти — рѣдкіе памятники въ современной имъ средневѣковой литературѣ.

г) Отношеніе военнаго книжника къ иноплеменнику и иновѣрцу иное, чѣмъ у церковнаго: воинъ-врагъ вызываетъ не

чувство вражды и отчужденія, а чувство профессіональной классовой симпатіи

д) Высшій идеалъ военнаго книжника: оборонять Русскую землю и умереть за нее — выросъ изъ сознанія единства Русской земли.

е) Вѣрные своей реалистической военной идеологіи, свѣтскіе книжники, въ отличіе отъ церковныхъ книжниковъ, представляютъ идеальную Русь не въ величіи ея христіанства и православія, но въ силѣ, могуществѣ и славѣ.

В. В. Саханевъ. «Н. М. Карамзинъ, какъ историкъ». Прочитанъ 21 февраля 1927 года.

Значеніе Карамзина въ русской исторіографіи очень велико.

1. Его „Исторія Государства Россійскаго“ есть первая, полная концепція русской исторіи, написанная на вполнѣ научныхъ основаніяхъ.

2. Онъ первый примѣнилъ на практикѣ для написанія всей исторіи Россіи Шлецеровскій методъ критики матеріала.

3. Онъ освоилъ для освѣщенія русской исторіи огромное количество источниковъ архивныхъ и способствовалъ увеличенію сырого матеріала.

4. Онъ использовалъ въ подлинникахъ почти весь иностранный матеріалъ въ видѣ описаній, воспоминаній, путешествій и т. п.

5. Онъ собралъ всю литературу по русской исторіи, какъ иностранную, такъ и вышедшую въ Россіи.

6. Зачастую онъ являлся дѣйствительнымъ критеріемъ цѣнности того или иного источника и благодаря ему многіе чрезвычайно цѣнные матеріалы были вовлечены въ научный оборотъ (напр. Ипатьевская лѣтопись, покоившаяся до него среди дефектовъ Академіи). Гр. Румянцевъ часто обращался къ нему за экспертизой значенія рукописей.

7. Наконецъ, особенно велика заслуга Карамзина въ томъ, что онъ сумѣлъ изложить исторію своимъ тонкимъ художественнымъ языкомъ, чѣмъ далъ ей возможность проникнуть въ широкіе круги общества и, можетъ быть, привлечь къ русской исторіи интересы многихъ изъ тѣхъ лицъ, которыя впослѣдствіи оказали ей неоцѣнимыя услуги.

Е. В. Спекторскій. «Политическіе завѣты Петра Великаго». Прочитанъ 7 апрѣля 1925 года.

Не оставивъ завѣщанія, Петръ Великій оставилъ завѣты. Первый завѣтъ — Великая Россія. Отрицательный смыслъ этого завѣта тотъ, что Россія не должна была стать ни всемірной державой, ни провинціальной Великороссіей. Положительный смыслъ — тотъ, что Россія должна во всю ширь развернуться

на своемъ геополитическомъ поприщѣ, дать народамъ русскій миръ. Второй завѣтъ — Россія національная. Петръ былъ преданъ родной вѣрѣ, родному языку, родному народу и отечеству. И онъ оставилъ цѣлую программу славянской политики Россіи. Третій завѣтъ — культурная Россія, ни въ коемъ случаѣ не отстающая отъ прочей Европы въ дѣлѣ пріумноженія культурныхъ цѣнностей. Таковы три цѣли, которыя завѣщалъ Петръ. Для ихъ осуществленія онъ завѣщалъ соотвѣтственныя средства. Во-первыхъ, служеніе отечеству, что̀ означало цѣлый переворотъ въ пониманіи призванія публичной власти не только въ Россіи, но и во всей Европѣ. Во-вторыхъ, общественный подборъ, подборъ аристократіи таланта и труда изъ всѣхъ слоевъ общества съ устраненіемъ наслѣдственныхъ привилегій. Въ-третьихъ, законность, — завѣтъ, который проглядѣли западные представители модной въ XVIII вѣкѣ науки о законодательствѣ, но который особенно хорошо поняли Сперанскій и проф. Градовскій. Всѣ эти завѣты не утратили своего значенія и до сихъ поръ. И посему правъ былъ Гавріилъ Бужинскій, заявившій: „Петръ Великій, аще и умре, но живъ есть“.

Е. В. Спекторскій. «Къ характеристикѣ Чаадаева». Прочитанъ 31 января 1927 года.

Литературная репутація Чаадаева основана почти исключительно на его „Философическихъ письмахъ“, изданныхъ въ 1836 году, черезъ пять лѣтъ послѣ ихъ написанія, когда, по признанію самого Чаадаева, его взгляды уже существенно измѣнились. Между тѣмъ, Чаадаевъ жилъ еще до 1856 года, причемъ не прекращалъ своей литературной дѣятельности въ свойственной ему эпистолярной формѣ. Если принять во вниманіе эту дѣятельность въ полномъ объемѣ, то̀ обнаружится ошибочность характеристики Чаадаева, какъ революціонера и жертвы режима (Герценъ), западника (Пыпинъ), народника (Ивановъ-Разумникъ), единомышленника К. Н. Леонтьева (Бердяевъ) и т. п. Еще до появленія въ печати „Философическихъ писемъ“ Чаадаевъ противопоставлялъ переживаемому Европою кризису всемірноисторическое призваніе Россіи, въ которое входитъ также и разрѣшеніе западно-европейскихъ проблемъ. Средоточіемъ философіи Чаадаева было не прошлое Россіи, а ея будущее. Его пониманіе этого будущаго во многомъ родственно взглядамъ Достоевскаго. Католичество привлекало̀ Чаадаева, какъ и западныхъ романтиковъ, не вѣроисповѣдною стороною, а эстетическою и соціальною. Въ вѣроисповѣдномъ отношеніи Чаадаевъ былъ защитникомъ православія отъ католическихъ нападокъ.

Ѳ. В. Тарановскій. «Идіографическія черты въ исторіи сербскаго права». Прочитанъ 29 декабря 1926 года.

Являясь сторонникомъ Риккертовскихъ идей, докладчикъ полагаетъ, что мысль объ идіографическомъ характерѣ исторіи пріобрѣла послѣдователей и среди историковъ права, что отразилось въ методологическомъ сочиненіи Туртулона — Pierre de Tourtoulon, Les principes philosophiques de l'histoire de droit, Lausanne-Paris, 1908-1919.

Идіографическій моментъ учитывалъ еще извѣстный В. А. Мацѣевскій и въ своей монументальной „Исторіи славянскихъ законодательствъ“ (W. A. Maciejowsky, Historia prawodawstw słowiańskich, 1-e wyd. 4 tomy, 1833-1835; 2-e wyd. 6 tomów, 1856-1865) отмѣчаетъ идіографическія черты въ исторіи правъ отдѣльныхъ славянскихъ народовъ.

Особенности исторіи сербскаго права, по Мацѣевскому, составляютъ: 1) архаичность сербскаго права, вслѣдствіе чего оно послѣ права древне-русскаго является наиболѣе важнымъ источникомъ для древнѣйшаго періода исторіи славянскихъ законодательствъ; 2) среди двухъ направленій исторіи славянскихъ правъ — народнаго и дворянскаго (ludowy i szlachecky kierunek), сербское право занимаетъ середину, являясь полу-народнымъ и полу-дворянскимъ; 3) являетъ собою черты „азіатскаго“ феодализма въ одѣяніи византійскаго придворнаго устройства. Что касается 1-го, то архаичность стараго сербскаго права преувеличена; относительно 2-го — Мацѣевскій самъ противорѣчитъ себѣ, ибо при толкованіи ст. 69 Законника Ст. Душана указываетъ на полное отсутствіе элементовъ народнаго самоуправленія въ Сербіи, что̀ невѣрно, и вообще два основныя „направленія“ характеризуются весьма неточно; относительно 3-го — построенія „азіатскаго феодализма“ произвольны; можно лишь извлечь отсюда ту мысль, что Византія наложила своеобразный отпечатокъ на развитіе сословнаго строя въ старой Сербіи.

Исправляя Мацѣевскаго, можно констатировать въ исторіи сербскаго права слѣдующія основныя идіографическія черты: 1) наличность большихъ этнографическихъ наслоеній — Влахи, Арбанаси, Саси, Греки, и ихъ своеобразная роль въ развитіи права; 2) два цикла въ процессѣ образованія государствъ — Дуклянскій и Рашскій; 3) быстрый темпъ наростанія государственности съ крайнимъ сокращеніемъ и даже выпаденіемъ иныхъ промежуточныхъ стадій (дружиннаго строя, феодальныхъ отношеній); 4) своеобразный ходъ рецепціи византійскаго права въ связи съ условіями сербской колонизаціи и завоеваній греческихъ земель; волнообразное распространеніе византійскаго права по кореннымъ сербскимъ землямъ; 5) своего рода неувѣренность въ прочности государственныхъ достиженій

(Хиландарская повелья Стефана Первовѣнчаннаго и пѣсня „Пропаст царств Српски“).

А. Н. Фатѣевъ. «Сперанскій и декабристы». Прочитанъ 11 января 1926 года.

1. Николай I и Сперанскій.

Николай I съ первыхъ же дней царствованія привлекъ Сперанскаго къ государственной работѣ безъ всякаго искательства съ его стороны: новый государь предпочелъ проэктъ своего перваго манифеста, написанный Сперанскимъ, Карамзинскому и съ этихъ поръ назначилъ его „своимъ редакторомъ“. Однако, прежняя политическая дѣятельность и подозрѣнія въ идейныхъ и личныхъ связяхъ съ декабристами постоянно ставятъ вопросъ о степени политическаго довѣрія.

2. Идейныя связи съ декабристами.

Декабристы первые познакомились съ планами преобразованій Сперанскаго, подлежавшими тайнѣ (А. И. Тургеневъ извлекъ нѣкоторыя рукописи изъ Архива Государственной Канцеляріи, а братъ его, Н. И., частично опубликовалъ ихъ заграницей. Его книга — единственный источникъ свѣдѣній о политическихъ замыслахъ Сперанскаго для русскихъ публицистовъ съ начала 60-хъ годовъ (Лонгиновъ, Корфъ) и часто источникъ ошибокъ).

Декабристы ссылаются на авторитетъ Сперанскаго (Записки Завалишина). Дѣйствительно: идея введенія правовыхъ началъ родственна и дорога Сперанскому. Сперанскому и Мордвинову Рылѣевъ посвящаетъ стихотвореніе „Ахъ, гдѣ тѣ острова“.

О воззрѣніяхъ Сперанскаго на крестьянскій вопросъ декабристы узнали отъ Г. С. Батенькова, взятаго Сперанскимъ въ свою канцелярію въ Сибири, а въ 1823 году перешедшаго на службу къ Аракчееву по военнымъ поселеніямъ.

3. Личныя отношенія декабристовъ къ Сперанскому.

Басаргинъ, Н. Бестужевъ и др. сблизились съ Батеньковымъ, „посѣщая съ удовольствіемъ домъ маститаго и мудраго старца“. Однако, нѣтъ точныхъ данныхъ для рѣшенія, доходили ли до Сперанскаго свѣдѣнія о намѣреніи декабристовъ сдѣлать его членомъ временнаго правительства: на допросѣ они очень бережны съ именами лицъ, намѣченныхъ ими въ члены временнаго правительства, но его имя фигурируетъ во всѣхъ спискахъ. Ни явное, ни тайное слѣдствія не дали убѣдительныхъ результатовъ. Но во всякомъ случаѣ, едва ли тактика 14 декабря могла найти одобреніе у Сперанскаго; за это говоритъ его характеръ, прежняя дѣятельность, осторожность и лойальность („Вашей, а не своей тайной я связанъ, слѣдовательно Вамъ и развязать все должно“ — письмо Государю изъ ссылки).

4. Сперанскій на судѣ надъ декабристами.

При такихъ условіяхъ выступленіе Сперанскаго на судѣ въ трехъ роляхъ ставитъ его въ тяжелое драматическое положеніе. Онъ хотѣлъ подать въ отставку, но не рѣшился, смотря на это, какъ на революціонное выступленіе. Какъ редакторъ всеподданнѣйшаго доклада, онъ подписалъ мнѣніе ожесточеннаго большинства судей. Какъ судья, осудилъ родственныхъ ему по идеямъ, безкорыстно жертвовавшихъ собой и предвидѣвшихъ свою неудачу, мятежниковъ („Ordinairement ce sont les cordonniers, qui font les révolutions pour devenir grands seigneurs; mais chez nous ce sont les grands seigneurs qui ont voulu devenir cordonniers "— Растопчинъ). Какъ законникъ, Сперанскій указывалъ на непримѣнимость смертной казни (письмо Столыпина Погодину). Какъ защитникъ, ходатайствовалъ о смягченіи участи обвиняемыхъ (слова Рылѣева).

Съ открытіемъ новыхъ документовъ необходимъ историческій пересмотръ процесса въ его громоздкомъ и сложномъ составѣ.

5. Послѣ суда надъ декабристами.

Государственная необходимость заставляла императора обращаться къ Сперанскому и при отсутствіи къ нему довѣрія. Безъ всякаго уполномочивающаго акта его геній выполнилъ дѣло, тянувшееся уже 126 лѣтъ и вновь начатое подъ вліяніемъ декабристовъ (сводка Боровкова о требованіяхъ декабристовъ — „даровать ясные и положительные законы, водворить правосудіе учрежденіемъ кратчайшаго судопроизводства"). Въ измѣнившейся обстановкѣ Сперанскій продолжаетъ отстаивать свои взгляды (работа въ Секретномъ комитетѣ 6 декабря 1826 года велась по выработанной имъ программѣ; въ отвѣтъ на „Записку неизвѣстнаго о неблагопріятныхъ послѣдствіяхъ учрежденія министерствъ и Государственнаго Совѣта" онъ въ 1827 году пишетъ „О государственныхъ установленіяхъ"). Своимъ противникамъ Сперанскій казался „сильнѣе и могущественнѣе, чѣмъ онъ былъ до своего паденія" (Записки Рунича, Дивова и др.). До паденія онъ былъ могущественъ довѣріемъ политически и творчески, послѣ — при недовѣріи — технически и чиновнически, что̀ и вызвало нареканія съ противной стороны.

6. Заключеніе.

Отсюда и обычныя разнорѣчія въ оцѣнкѣ Сперанскаго по отношенію къ событію 14 декабря.

Отношенія эти могутъ быть освѣщены истинной мыслью Сперанскаго, открыто имъ проводившейся и высказывавшейся въ разныхъ формахъ двумъ императорамъ и своему ученику, цесаревичу Александру Николаевичу, которую можно формулировать такъ: „Все, что замедляетъ необходимыя реформы, — приближаетъ къ революціи".

А. Н. Фатѣевъ. «Политическій профиль Карамзина». Прочитанъ 21 февраля 1927 года.

1. Первоначальное воспитаніе и образованіе Карамзина въ семьѣ сложилось не по вольтерьянскому рецепту, не на энциклопедистахъ и Монтескье, не на Филанджьери и модномъ Кондильякѣ — въ основаніе его легли: грамота отъ приходскаго дьячка; чтеніе переводныхъ чувствительныхъ романовъ; сочиненія историческія и религіозно-нравственное вліяніе Шадена, автора статей о православіи, поклонника Канта и Шефтсбюри.

2. Первые политическіе вкусы Карамзина образовались въ обществѣ Новикова. Вслѣдъ за Галлеромъ и Руссо, онъ исповѣдуетъ философію чувства и золотой вѣкъ видитъ позади, а не впереди человѣчества.

3. Отказавшись отъ государственной службы, Карамзинъ сталъ однимъ изъ первыхъ представителей свободной литературы и публицистической профессіи.

4. Влеченіе къ живой жизни, къ изученію людей, а не музеевъ, приводитъ Карамзина въ Зап. Европу. Онъ ѣдетъ туда подъ знаменемъ руссизма, а вывозитъ изъ поѣздки три политическихъ идеи: индивидуализмъ, космополитизмъ и республиканизмъ. Сравненіе Запада съ Россіей наноситъ подсознательный затаенный ударъ національному самолюбію.

5. По возвращеніи Карамзина домой, его профиль начинаетъ незамѣтно двоиться: отъ Запада поворачиваться къ Государству Россійскому. Западный профиль проявляется въ „Вѣстникѣ Европы“; національный — въ параллельномъ увлеченіи русскою исторіею. Въ концѣ концовъ Карамзинъ обрѣтаетъ въ себѣ историка, а въ историкѣ — „русскаго гражданина“. Это не кризисъ политическаго созерцанія, но освобожденіе скрытой дотолѣ силы историческаго живописца, кладущаго свой талантъ на алтарь государства. Подобно Анахарсису, это простой отходъ отъ западно-европейскихъ позицій: „Хорошо на Западѣ! Ну, да Богъ съ нимъ, съ Западомъ: я нашелъ свое дѣло на родинѣ!“.

6. Новое политическое созерцаніе извлечено изъ исторіи государства Россійскаго, а философско-историческія предпосылки даны идеей Руссо о золотой старинѣ. Разрушитель этой старины, Петръ I, подвергнутъ критикѣ съ точки зрѣнія идеи германскихъ юристовъ Савиньи — Пухта о „Naturwuchsichkeit“.

7. Политическій организмъ Русскаго государства достигъ предѣла мощнаго развитія; переходить его — значитъ, рисковать распадомъ. Русская исторія показала намъ, въ чемъ наилучшее условіе его сохраненія: въ самодержавіи. Поэтому: мудрость охранительная необходимѣе мудрости творческой; всякая новость въ государственномъ порядкѣ есть — зло. Отсюда — смѣлая

и язвительная критика „десятилѣтнихъ заблужденій Александра“, подпавшаго вліянію „школьника“ Сперанскаго.

8. Самодержавіе Карамзина — элипсисъ съ двумя центрами: монархомъ и дворянствомъ. Послѣднее — единственный фондъ двигательныхъ силъ государства; другія сословія — внѣ юридическихъ скобокъ (mixtum compositum: regimen paternale ac nobilitatis).

9. Черты новаго политическаго профиля въ работѣ надъ русской исторіей нашли выраженіе въ „Запискѣ о древней и новой Россіи“. Въ основаніи ея лежитъ прогнозъ: то же нѣкогда скажетъ и исторія. Записка поставила Александра I между Карамзинымъ и Сперанскимъ; но, столкнувшись съ Ахилломъ и Гекторомъ политики своего царствованія, Александръ идетъ своимъ обычнымъ путемъ, минуя вліяніе того и другого. Та же судьба, по политическому вліянію, ждала и другую записку: „Голосъ русскаго гражданина“.

10. Сердечно любя Александра, какъ человѣка, порой ненавидя его, какъ политика, Карамзинъ холоденъ къ его наслѣднику и, одновременно, „алкаетъ грома пушекъ“ на декабристовъ.

11. Вліяніе Карамзина на общество иное, чѣмъ на Александра: начертанная имъ политическая линія государственнаго націонализма примкнула впослѣдствіи къ Валуеву и Скарятину.

12. Исторія оправдала прогнозъ Записки: въ теченіе всего XIX вѣка, вплоть до образованія Государственной Думы (терминъ Сперанскаго), она выдвигала правящее большинство, согласное со взглядами Карамзина и похожее на политическія черты Карамзинскаго профиля, обращеннаго къ Россіи (манифестъ 29 апрѣля 1881 г.; законы 1889, 1890 и слѣд. гг.).

13. Теорія политическихъ направленій окончательно еще не выработана: будутъ ли въ ея основу положены принципы дифференціаціи (Карно), диссиметріи (Пастеръ) или политическихъ темпераментовъ (Гиппократъ), — политическое направленіе Карамзина, объективно - теоретически, все равно, можно только сравнивать и различать съ другими ему сходными (напр. Эд. Берке). Англійскій консерватизмъ, напримѣръ, борется за старое не потому, что оно — золотая старина, и противъ новаго не потому, что оно — зло; но потому, что въ старомъ онъ видитъ тысячелѣтнюю основу живыхъ силъ, которую нельзя, безнаказанно для государственной мощи, разрушить сразу, а въ новомъ — необходимое средство овладѣть эволюціею государственныхъ силъ въ томъ случаѣ, если ее нельзя направить по руслу старыхъ установленій.

А. В. Флоровскій. Отзывъ о книгѣ «Г. М. Барацъ. О составителяхъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ и ея источникахъ, преимущественно еврейскихъ. Изданіе посмертное. Берлинъ 1924». Прочитанъ 7 марта 1927 года. Напечатанъ въ журналѣ „Slavia“. Praha. 1927.

1. Книга Бараца о русской лѣтописи является новымъ примѣромъ его стремленія отыскать еврейскіе источники древнерусской письменности.

2. Примѣненіе для этой цѣли „транспозиціоннаго“ метода изученія лѣтописи открываетъ путь для несомнѣнныхъ натяжекъ и произвольныхъ перестановокъ, съ которыми трудно согласиться.

3. Попытка г. Бараца приписать составленіе одной изъ основныхъ редакцій „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ Никитѣ Затворнику — неудачна и по общей ея аргументаціи и въ особенности по связыванію съ его именемъ нехристіанскаго характера ошибочно возстановляемаго текста этой редакціи.

4. Литературная манера редактора послѣдней редакціи „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, игумена Сильвестра, характеризуется весьма произвольно — въ виду совершенно неосновательнаго распредѣленія всего словеснаго содержанія лѣтописи — на элементы нехристіанскіе (сводъ Никиты) и элементы христіанскіе, внесенные въ сводъ игуменомъ Сильвестромъ.

5. Возведеніе отдѣльныхъ частей лѣтописнаго повѣствованія къ еврейскимъ источникамъ не оправдывается въ книгѣ г. Бараца достаточно убѣдительными аналогіями и имѣетъ характеръ искусственности и нарочитости.

А. В. Флоровскій. «Извѣстія о древней Руси арабскаго писателя Мискавейхи X-XI вв. и его продолжателя». Прочитанъ 22 ноября 1926 года. Напечатанъ въ „Seminarium Kondakovianum, Recueil d'études archéologie, histoire de l'art, études byzantines“. I. Prague. 1927.

1. Давно извѣстный по названію историческій трудъ Мискавейхи (ум. 1030 г.) только въ недавнее время сталъ доступнымъ для научнаго использованія въ цѣломъ видѣ, т. е. въ той части, которая содержитъ разсказъ о походѣ русовъ на г. Берда'а въ 943-944 гг.

2. Разсказъ Мискавейхи о походѣ 943-944 гг. является самымъ полнымъ изъ извѣстныхъ сообщеніемъ объ этомъ событіи, — основаннымъ на разсказахъ современниковъ и очевидцевъ, использованнымъ позднѣйшими писателями — Ибнъ-эль-Атиромъ (XIII в.) и др.

3. Разсказъ Мискавейхи даетъ полную картину событій у Берда'а въ 943-944 гг., но не содержитъ сколько либо отчетливыхъ данныхъ о происхожденіи русовъ, объ ихъ странѣ и національности.

4. Продолжатель повѣствованія Мискавейхи Абу-Шуджа приводитъ подъ 375 годомъ геджры краткій разсказъ о крещеніи Руси на фонѣ событій византійской исторіи; этотъ разсказъ по общей своей схемѣ близокъ къ подробному повѣствованію Яхъи Антіохійскаго, возможно, пользовавшагося для своей исторіи книгой Мискавейхи съ продолженіемъ.

Г. В. Флоровскій. «О типахъ историческаго истолкованія». Прочитанъ 30 апрѣля и 27 мая 1925 года. Напечатанъ въ „Сборникъ въ честь на Василъ Н. Златарски", София, 1925.

1. По природѣ своего предмета историческое познаніе есть познаніе опосредствованное. Прошлое не можетъ быть дано ни въ какомъ прямомъ опытѣ; даны историку бываютъ только „источники", а прошлое, историческая дѣйствительность, должно быть возстановлено, воспроизведено. Предметъ историческаго познанія изслѣдователю не данъ, а только заданъ, при чемъ самъ по себѣ онъ навсегда остается недоступнымъ, искомымъ. Нельзя узнать прошлое, но лишь — о прошломъ.

2. „Источникъ", это — относительное понятіе, соотносительное понятію „истолкованія". Никакая „вещь" не есть историческій источникъ сама по себѣ, и только становится источникомъ для познающаго сознанія при условіи толкующей его установки. Подлинная теорія историческаго познанія, это — герменевтика.

3 Вещи или тексты становятся источниками не столько потому, что объективно они суть „слѣды" или „реальные остатки" прошлаго, сколько потому, что они разсматриваются и узнаются, какъ его знаки или символы. Истолкованіе слагается изъ дивинаціи и построенія. Историческая дивинація есть предположительное, воображаемое видѣніе означаемаго источниками смысла, — домыслъ, но не вымыслъ и не воспріятіе. Это — спекулятивная эмпирія, дискурсивно оправдываемая тѣмъ, что въ ней осуществляется единство смысла и единство пониманія.

4. Въ исторіи невозможно безпредпосылочное познаніе, и всякое историческое изображеніе богаче изображаемой (возстанавливаемой) „дѣйствительности", будучи своего рода діалогомъ историка съ другими субъектами, жизнь и судьбы которыхъ представляютъ собою подлинный объектъ историческаго познанія.

5. Можно различить три типа историческаго истолкованія, которые, съ одной стороны, суть идеально типическія познавательныя установки, съ другой — ступени единаго толкующаго

процесса. Всего точнѣе охарактеризовать ихъ можно такими наименованіями: исторія лѣтописная, исторія изобразительная, исторія генетическая.

6. Историческое изученіе начинается съ единичныхъ событій. Но они даны не въ безсвязномъ обособленіи, а въ многостороннемъ взаимообщеніи и взаимодѣйствіи. Въ этомъ заложено основаніе для обобщающаго изображенія, сгущающаго единичные (сингулярные) факты въ типы и совокупности. Такъ построяются образы эпохъ. Но этимъ образамъ нельзя приписывать эмпирическаго существованія: они имѣютъ идеальную, но не реальную природу. И съ тѣмъ вмѣстѣ они — условны, зависимы отъ принципа обобщенія.

7. Генетическое построеніе исторіи предполагаетъ предварительную логическую схему развитія. Говорить о развитіи можно лишь по отношенію къ логическимъ образамъ или понятіямъ. Поэтому всѣ генетическія построенія обѣдняютъ и упрощаютъ историческую дѣйствительность, схематизируютъ и стабилизируютъ ее. При этомъ подвижная система взаимодѣйствующихъ единичныхъ фактовъ превращается въ субстанціальное единство.

8. Генетическая исторія тяготѣетъ къ субстанціальному пониманію историческаго единства, и съ этимъ связанъ ея детерминизмъ (каузальнаго или темологическаго, но всегда раціонально-планомѣрнаго типа). Историческій сингуляризмъ, утверждающій изначальную и несводимую множественность единичныхъ событій и признающій обобщающіе образы историческаго истолкованія за домыслы познающей мысли, раскрывается при послѣдовательномъ проведеніи въ теорію интенціональнаго единства исторіи.

9. Исторія не есть развитіе, но становленіе. И нѣтъ такого дѣйствительнаго субъекта, который бы могъ стать носителемъ единаго всемірно-историческаго становленія. Единство исторіи созидается единствомъ смысла, но не единствомъ происхожденія. Въ идеѣ исторической смысловой интенціи и состоитъ специфическая особенность исторіи въ отличіе отъ соціологіи. Съ этимъ связана и проблема — множественности культуры.

Г. А. Флоровскій. «Истоки славянофильства». Прочитанъ 19 февраля 1926 года. Тезисовъ докладчикъ не представилъ.

М. А. Циммерманъ. «Священный Союзъ и Лига Націй». Прочитанъ 29 октября 1925 года.

1. Первый варіантъ Священнаго Союза въ инструкціяхъ Новосильцеву въ 1804 г. очень близко подходитъ по своимъ

основнымъ принципамъ и по способу осуществленія къ идеѣ Лиги Націй въ первоначальныхъ проэктахъ президента Вильсона.

2. Историческая обстановка, въ которой реализовалась мысль о Священномъ Союзѣ у Александра I. Преодолѣніе системы международнаго „цезаризма“ Наполеона и защита персональныхъ правъ народовъ, какъ субъектовъ права. Религіозныя и моральныя предпосылки Священнаго Союза — Крюднеръ и Бергассъ. Значеніе личности Александра I, ставшаго изъ романтика-реформатора романтикомъ-мистикомъ.

3. Основные принципы Священнаго Союза — *а*) идея соціальнаго служенія — всечеловѣческій и христіанскій характеръ новой политики; *б*) начала стабильности и давности и противопоставленіе имъ революціоннаго „царства зла“ и разрушенія; *в*) идея систематической однородности политическаго устройства.

4. Пути осуществленія принциповъ Священнаго Союза вели къ систематическимъ правонарушеніямъ — вмѣшательству во внутреннія дѣла государствъ Европы. Двуликій характеръ вмѣшательства приводитъ къ примѣненію его не только ради охранительныхъ, но и революціонныхъ цѣлей: Англія, Россія, Франція нарушаютъ принципъ Священнаго Союза, помогая революціонной Греціи.

5. Лига Націй, какъ выраженіе религіозныхъ и моральныхъ идеаловъ англо-саксонской демократіи. Мета — юридическія предпосылки идеи Лиги Націй у президента Вильсона. Основной мотивъ — необходимость во имя этическихъ постулатовъ создать въ формѣ договора писанную основу для всечеловѣческаго правопорядка. Историческая обстановка въ Парижѣ въ 1920 году была неблагопріятна для реализаціи принциповъ Лиги Націй. Личный подвигъ президента Вильсона. Идея соціальнаго служенія человѣчеству.

6. Основные принципы Лиги Націй: *а*) охрана мира — ея главная цѣль; *б*) принципъ стабильности; *в*) идея систематической однородности.

7. Пути осуществленія идейныхъ задачъ Лиги Націй. Вмѣшательство Вильсона до учрежденія Лиги Націй и регулировка вмѣшательства въ соглашеніи о Лигѣ Націй. Главнымъ средствомъ для реализаціи ея задачъ остаются однако пути формально-юридическіе, — въ этомъ смыслѣ Лига Націй находится въ глубочайшемъ расхожденіи съ Священнымъ Союзомъ.

8. Будущее Лиги Націй зависитъ отъ степени приближенія ея къ полному универсализму и отъ той роли въ міровой политикѣ, которую будутъ играть Россія и Соединенные Штаты Америки.

М. А. Циммерманъ. «Россія и Черноморскіе проливы во время Міровой войны». Прочитанъ 7 февраля 1927 года.

1. Въ исторіи Россіи новаго времени проблема проливовъ имѣетъ постоянное политическое значеніе, сопряженное съ экономическимъ и хозяйственнымъ ростомъ Юга Россіи и Черноморскаго побережья. Но проливы имѣютъ или самостоятельное автономное значеніе, будучи корнемъ и сѣдалищемъ имперіи (Византіи, Оттоманской державы) съ сильнымъ европейскимъ прикрытіемъ и азіатскимъ Hinterland'омъ, или же становятся лишь предметомъ соперничества державъ континента, не могущихъ создать и обезпечить господство надъ проливами полное и исключительное, но могущихъ перенести въ проливы театръ своихъ военныхъ дѣйствій. — Проливы могутъ быть или мѣстомъ имперіи или мѣстомъ борьбы.

2. Въ своемъ мѣняющемся значеніи въ міровой исторіи проливы были путями торговыми и стратегическими. По своему экономическому характеру проливы должны были стать свободными хозяйственными артеріями (попытки Аѳинъ, Михаила Палеолога, Генуи, Адріанопольскій миръ 1829 г., Севрскій миръ 1920 г.). По своему стратегическому значенію они имѣютъ исключительно отрицательно-стратегическое значеніе для Россіи. При новѣйшихъ методахъ экономической войны закрытіе проливовъ можетъ привести къ stagnation complète, къ полному параличу хозяйственнаго оборота внутри Россіи и къ пораженію внутри до пораженія извнѣ. — Какъ міровые пути, проливы или должны быть свободны для торговли и лишены средствъ обороны, или останутся путями военныхъ столкновеній, могущихъ имѣть лишь отрицательные результаты для всѣхъ прибрежныхъ черноморскихъ государствъ.

3. Въ XIX вѣкѣ два раза великія континентальныя державы, враги и соперники Россіи, предлагали ей господство надъ Константинополемъ, учитывая этимъ ослабленіе ея политическаго и военнаго могущества („Съ одной ногой въ Одессѣ, а другой въ Константинополѣ Россія скоро потеряетъ равновѣсіе" - Бисмаркъ) — Франція Наполеона Бонапарта въ 1808 г., Германія Бисмарка въ 1888 г.

4. Къ началу XX вѣка передъ Русской имперіей возникла диллема: интернаціонализація проливовъ или господство надъ ними. Первое — при условіи поддержанія мира въ Европѣ и общей гарантіи сложившихся политическихъ отношеній, второе — черезъ европейскую войну и полное расчлененіе Турціи. Въ военно-географическомъ смыслѣ, однако, овладѣніе проливами было возможно только: *а)* при выработкѣ совершенно новаго военнаго плана и *б)* при полномъ элиминированіи великихъ державъ изъ участія въ раздѣлѣ Турціи, т. е. послѣ новой европейской войны или послѣ цѣлаго ряда новыхъ войнъ.

5. Исторія проливовъ по русскимъ дипломатическимъ и военнымъ документамъ съ 1908 по 1917 годъ есть исторія борьбы дипломатическаго вѣдомства съ вѣдомствомъ военнымъ. Первое настаиваетъ на необходимости осуществленія „историческихъ задачъ Россіи“, какъ въ лицѣ Извольскаго, такъ и Сазонова; второе, не имѣя въ своемъ распоряженіи никакихъ средствъ для осуществленія подобныхъ задачъ, сопротивляется въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей проэкту захвата проливовъ, указывая на недостаточность русскихъ силъ для операцій противъ Константинополя.

6. Кризисы 1908, 1912-1913 гг. захватываютъ нашу дипломатію врасплохъ и, вмѣсто координаціи усилій съ державами Согласія (Франціи и Англіи), на ряду съ учитываніемъ реальныхъ военныхъ возможностей, дипломатія Сазонова стремится къ изоляціи Россіи черезъ выдвиганіе „историческихъ задачъ“ Россіи, къ столкновенію въ 1913 году съ Балканскими государствами и къ полному игнорированію того факта, что черезъ разоруженіе проливовъ (согласно предложенію Грея и Пуанкарэ) была бы достигнута подготовка къ мирному разрѣшенію конфликта и, кромѣ того, въ случаѣ невозможности его предотвратить, были бы въ чрезвычайной степени облегчены военныя операціи Россіи противъ Константинополя.

7. Полный крахъ русской дипломатіи въ вопросѣ о проливахъ и конфликтъ съ Англіей, съ Болгаріей и съ Грецією изъза Константинополя сталъ однимъ изъ главнѣйшихъ факторовъ русскаго пораженія, такъ какъ помогъ Германіи и ея союзникамъ осуществить систему военной и экономической блокады Россіи, приведшей ее къ внутренней катастрофѣ раньше внѣшней. Побѣда русской дипломатіи надъ военной точкой зрѣнія, защищаемой генераломъ Алексѣевымъ, была прологомъ къ полному развалу Россіи. Проблема проливовъ сыграла свое отрицательно-стратегическое значеніе, и для будущаго остается лишь путь интернаціонализаціи и разоруженія проливовъ.

В. В. Чернавинъ. «Основныя черты развитія Русской Императорской Арміи за время ея существованія». Прочитанъ 28 мая 1926 года.

1. Петръ Великій, создавая регулярную армію, взялъ съ Запада лишь внѣшнія организаціонныя формы, принципы же, положенные въ основу ея устройства, были самобытны и отвѣчали особымъ условіямъ русской обстановки.

Геній Петра сказался въ военной области въ томъ, что имъ были угаданы и проведены въ жизнь идеи, осознанныя въ Западной Европѣ много позднѣе.

2. Въ виду отсутствія послѣ смерти Петра руководителей, способныхъ продолжать дѣло военной реформы въ намѣченномъ

имъ направленіи, армія стала на путь подражанія западнымъ образцамъ.

3. Къ Петровскимъ завѣтамъ армія вернулась лишь при Румянцевѣ и Суворовѣ (періодъ наибольшаго расцвѣта русскаго военнаго искусства. Характерная особенность этого періода — исключительная активность и искусство въ наступательныхъ операціяхъ, въ то время какъ типичной чертой, характеризующей русскую армію на протяженіи всей ея исторіи, является склонность къ оборонѣ, извѣстная „тяжеловѣсность").

4. Наполеоновскія войны знаменуютъ собою начальный моментъ длительнаго періода упадка. Начинается разбродъ въ области идей („Суворовская" школа, французская и нѣмецкая — „фридриховская").

При Николаѣ I происходитъ остановка въ развитіи русской военной мысли. За образецъ принимается „фридриховская" система и крѣпнетъ увлеченіе муштрой; растетъ отсталость въ дѣлѣ военной техники, постепенно пріобрѣтающей все большее значеніе въ военномъ дѣлѣ.

Періодъ застоя военной мысли у насъ совпадаетъ съ періодомъ интенсивно настойчивой работы на Западѣ и въ Германіи по выработкѣ военной доктрины.

5. Попытки реорганизаціи русской арміи дѣлаются послѣ Севастопольской кампаніи и послѣ русско-японской войны. Причиной неуспѣшности этихъ попытокъ являются: 1) тотъ фактъ, что военная реформа заслоняется реформами общаго характера; 2) недостатокъ средствъ и времени (послѣ русско-японской войны); 3) ложныя тенденціи въ области военной мысли (псевдо-суворовская доктрина Драгомирова).

6. Нѣкоторые общіе факторы, вліявшіе на развитіе русской арміи и русской военной мысли:

а) преобладающее вліяніе войнъ съ восточнымъ (азіатскимъ) противникомъ; отрицательныя стороны такого военнаго опыта не могли не отразиться.

б) трудность выработки русской военной доктрины въ зависимости отъ сложности и неопредѣленности цѣлей, которыя ставились русской политикой стратегіи.

в) военно-техническая отсталость (начиная съ первой четверти XIX в.), являвшаяся слѣдствіемъ не одной лишь недооцѣнки значенія новыхъ военно-техническихъ средствъ, но и слѣдствіемъ невозможности создать сильную военную технику въ технически отсталой странѣ.

г) вредное вліяніе политики на развитіе и жизнь арміи во все время ея существованія (активное вмѣшательство арміи во внутреннюю политику государства въ XVIII и началѣ XIX в.; антагонизмъ между арміей и обществомъ, начиная со второй половины XIX в.).

М. В. Шахматовъ. «Владиміръ Мономахъ, какъ идея». Прочитанъ 1 апрѣля 1926 года.

1. Владиміръ Мономахъ имѣетъ въ исторіи русскихъ идей значеніе, аналогичное значенію Петра Великаго, т. е. личности, возведенной въ политическій идеалъ. Но Петръ былъ идеаломъ только части русскаго народа и въ теченіе только двухъ вѣковъ, а Мономахъ былъ идеаломъ почти всего русскаго народа въ теченіе многихъ вѣковъ.

2. Такая идеализація Владиміра вызвана тѣмъ, что онъ предвосхитилъ за много вѣковъ до Петра все то хорошее, что въ немъ было: самоотверженное служеніе отечеству, борьбу за укрѣпленіе законности, высокое уваженіе къ человѣческой личности, военное могущество.

3. Идеализація Мономаха началась еще при его жизни: а) со стороны народа, питавшаго къ нему беззавѣтную любовь; б) со стороны книжниковъ, видѣвшихъ въ его дѣятельности осуществленіе, воплощеніе въ жизнь господствовавшихъ въ письменности того времени идеаловъ.

4. Послѣ смерти Мономаха идеализація его продолжалась, проявляясь: а) въ желаніи народа имѣть князя обязательно изъ „Володимеря племени, добраго корени отрасль“; б) въ желаніи князей „ревновать дѣду своему Мономаху“; в) въ окруженіи его, въ книжныхъ похвалахъ, все бóльшимъ и бóльшимъ ореоломъ.

5. Въ Московское время мечта о Мономахѣ живетъ: а) въ русскихъ былинахъ, синтезирующихъ двухъ Владиміровъ (а вмѣстѣ съ ними и лучшихъ московскихъ князей) въ идеальномъ образѣ князя Красное-Солнышко; б) въ практикѣ московскихъ властодержцевъ вѣнчаться шапкою Мономаха, символизируя тѣмъ свое желаніе „подобиться дѣду своему Мономаху“; в) въ преданіи о Мономаховой шапкѣ, столь распространенномъ въ московской письменности.

6. Съ Петра наступаетъ идеологическій расколъ: а) Петръ становится идеаломъ западническаго правительства и интеллигенціи; б) Мономахъ (въ синтезѣ съ Владиміромъ Святымъ и лучшими московскими князьями) остается идеаломъ въ самобытнически настроенныхъ толщахъ русскаго народа.

М. В. Шахматовъ. «Политическія ученія древне-русскаго сборника „Пчела“». Прочитанъ 1 апрѣля 1926 года.

1. Хотя древнѣйшій списокъ древне-русской „Пчелы“, дошедшій до насъ, относится къ XIV вѣку, тѣмъ не менѣе строй ея идей имѣетъ большое значеніе для разъясненія лѣтописныхъ политическихъ ученій до-монгольскаго періода, ибо: а) въ „Пчелѣ“ мы находимъ формулировку многихъ идей, которыя получаютъ въ лѣтописяхъ свое развитіе, но не находятъ въ

послѣднихъ своей краткой формулировки; б) буквальное совпаденіе нѣкоторыхъ текстовъ „Пчелы“ съ нѣкоторыми текстами Владимірской лѣтописи второй половины XII и начала XIII столѣтій, и большое сходство со строками „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, посвященными Владиміру Святому и Ярославу Мудрому, даютъ большія основанія думать, что „Пчела“ или однотипные сборники были извѣстны нѣкоторымъ нашимъ лѣтописцамъ до-монгольскаго періода.

2. Идеи „Пчелы“, имѣющія логическое сходство съ лѣтописными идеями, заключаются въ слѣдующемъ. Утверждается необходимость подчиненія власти, выводимая изъ представленій о Богоустановленности и Богоподобности власти и изъ добродѣтели смиренія. Особенное вниманіе обращается на идеалъ князя, какъ личности, на личныя достоинства князя, отъ котораго требуется особенное совершенство. Царство должно принадлежать тому, кто дѣйствительно способенъ управлять, правитель долженъ быть образцомъ, примѣромъ доблести и праведности всему народу. Кто хочетъ добро царствовать — да будетъ праведникъ. Кто хочетъ надъ другими княжить — да учится раньше самъ собою владѣть. Изъ идеи объ обязанности правителя быть образцомъ для своихъ подручныхъ и управлять ими при помощи своихъ добродѣтелей логически вытекаетъ принципъ личнаго управленія князя. Требованіе праведности вызываетъ для правителя необходимость развитія цѣлаго ряда политическихъ добродѣтелей. Первою политическою добродѣтелью власти является ея подзаконность, стремленіе къ соблюденію правды. Вторая добродѣтель князя — любовь къ подручнымъ (къ дружинѣ и народу), доходящая до полнаго безкорыстія ради нихъ: развитіемъ идей политическаго братолюбія и политической дружбы является требованіе соціальнаго и политическаго мира, хотя это и не исключаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ необходимости меча и силы. Третья добродѣтель князя — мудрость, четвертая — благородство. Вопросъ о политической добродѣтели князя ставится въ связь съ необходимостью для правителя (князя) — совѣта, думы. Кромѣ вопроса о власти, въ „Пчелѣ“ разбирается вопросъ о правдѣ и законѣ. Правду и законъ слѣдуетъ предпочитать неправдѣ и беззаконію. Исполненіе правды и закона представляетъ высшую добродѣтель, отъ нихъ не слѣдуетъ уклоняться ни изъ хорошихъ, ни изъ плохихъ побужденій. Правда и законъ составляютъ основаніе, сущность и обезпеченіе государственности и власти.

3. Наибольшее буквальное сходство съ текстомъ „Пчелы“ имѣютъ слѣдующія разсужденія лѣтописей: о происхожденіи Святополка Окаяннаго, о просвѣтительной дѣятельности Ярослава, о любви Владиміра Святого, Мстиславовъ и иныхъ князей къ дружинѣ, ученіе Мономаха о личномъ управленіи

князя („самъ твори"), перечисленіе добродѣтелей княжескихъ въ лѣтописныхъ похвалахъ, разсужденіе о Богоподобности царя, о несовершенствѣ законовъ, о предпочтеніи „брани славной — студному миру", о ничтожествѣ силы человѣческой предъ Богомъ.

Е. Ф. Шмурло. «Неизданная грамота Петра Великаго 1705 года». Прочитанъ 30 апрѣля 1925 года.

1. Жалованная грамота царя Петра монахамъ Капуцинскаго ордена на постройку въ Москвѣ католической церкви во имя апп. Петра и Павла, а при ней монастыря и сада, дѣйствительно была выдана: подлинникъ ея, за собственноручными подписями Петра и канцлера Головина, хранится въ римскомъ архивѣ Пропаганды Фидэ.

2. Поэтому, заявленіе петербургскихъ капуциновъ, утверждавшихъ въ 1797 г., будто подлинникъ не задолго передъ тѣмъ сгорѣлъ, не соотвѣтствуетъ истинѣ.

3. Латинскій текстъ, напечатанный Тейнеромъ, не переводъ, но позднѣйшая передѣлка подлиннаго, съ искаженіями и субъективными дополненіями, выдающими перо католика.

4. Точно также и русскій текстъ, напечатанный Цвѣтаевымъ, не „копія", а, возможно, тоже позднѣйшая компиляція: вольный пересказъ содержанія грамоты, составленный частью по памяти, частью по записямъ, до насъ не дошедшимъ.

5. Грамота выдана въ декабрѣ 1705 г., въ Жолквѣ, и дополняетъ собою циклъ однородныхъ грамотъ и заявленій русскаго правительства за это же время, въ пользу римско-католиковъ и уніатовъ.

6. Этими грамотами и заявленіями Петръ желалъ, по возможности, ослабить тяжелое впечатлѣніе, произведенное въ Польшѣ и въ Римѣ т. наз. „Полоцкими убійствами" (іюль 1705 г.).

Е. Ф. Шмурло. «Время и мѣсто крещенія Владиміра Великаго. Пересмотръ стараго вопроса». Прочитанъ 25 іюня 1925 года.

1. Сказать, при наличіи имѣющихся въ нашемъ распоряженіи данныхъ, послѣднее слово о томъ, гдѣ и когда крестился Владиміръ — невозможно.

2. Всѣ построенія за послѣднія 50 лѣтъ — неизбѣжно были и могли быть только догадками, предположеніями и основаній для „послѣдняго слова" дать не могли.

3. Хронологическія указанія „Повѣсти временныхъ лѣтъ" должны быть совершенно исключены, какъ точка опоры для выводовъ о времени крещенія Владиміра.

4. Основной вопросъ сводится къ тому, крестился ли Владиміръ у себя дома или въ Корсунѣ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ опредѣлитъ и время его крещенія.

5. Нельзя допустить, чтобы Владиміръ крестился по прибытіи въ Кіевъ императорскихъ пословъ, пріѣхавшихъ туда для заключенія съ кіевскимъ княземъ договора.

6. Нельзя допустить, чтобы онъ уже былъ христіаниномъ ко времени ихъ пріѣзда.

7. Вполнѣ допустимо, что самое заключеніе договора состоялось до окончанія мартовскаго 987 года.

8. Обязательство, принятое греками, при подписаніи договора, выдать царевну Анну замужъ за Владиміра, допускаетъ возможность и необходимость обрученія, что́ могло сопровождаться, со стороны Владиміра, т. наз. оглашеніемъ.

9. Характерно, что и византійскіе и арабскіе источники говорятъ о женитьбѣ Владиміра въ пріѣздъ пословъ и во дни подписанія договора.

10. Оглашеніе требовало дальнѣйшаго акта — крещенія, каковое и состоялось въ Корсунѣ.

11. Преимущества предлагаемой схемы:

А. Она беретъ дошедшія до насъ данныя такими, какими они дошли до насъ; читаетъ въ нихъ то, что въ нихъ написано, не прибѣгая къ предположеніямъ, будто такой-то источникъ дошелъ до насъ въ искаженномъ видѣ, а такое-то выраженіе или отдѣльное слово слѣдуетъ читать иначе, что такая-то мысль имѣетъ иное, а не то значеніе, съ какимъ она является въ текстѣ, и т. д.

Б. Другое преимущество ея: то, что раньше понималось, какъ противорѣчіе и несогласованность, отъ этихъ „противорѣчій“ освобождено.

12. Слабыя стороны предлагаемой схемы:

А. Она тоже вынуждена искать себѣ опору въ матеріалѣ изъ категорій возможнаго, правдоподобнаго.

Б. Она не выясняетъ, какъ могли Іаковъ Мнихъ и Несторъ „оглашеніе“ смѣшать съ „крещеніемъ“.

В. Насколько во времена Владиміра допустимъ былъ самый фактъ оглашенія — разъясненіе тому намъ слѣдуетъ ждать отъ компетентныхъ въ этомъ вопросѣ спеціалистовъ византійскаго церковнаго права.

Е. Ф. Шмурло. «Императоръ Александръ I (къ характеристикѣ его личности)». Прочитанъ 4 декабря 1925 года.

1. Вопросъ объ имп. Александрѣ I, какъ человѣкѣ, продолжаетъ оставаться открытымъ; между тѣмъ, ключъ къ пониманію противорѣчій его царствованія находится не только въ Александрѣ-государѣ, но и въ Александрѣ-человѣкѣ.

2. Воспитаніе и нездоровая атмосфера Большого и Малаго дворовъ искалѣчили Александра съ ранняго дѣтства, нравственно сломили и сдѣлали изъ него „un grec du Bas-Empire“.

3. Лагарпъ, прививъ Александру либеральныя мысли, не уберегъ его отъ увлеченія порядками Гатчинскаго дворца и, вдобавокъ, не далъ никакого представленія о странѣ, которою ему предстояло править.

4. Убійство отца нанесло Александру незалѣчимую рану. Его сразилъ не самый фактъ насильственной смерти, но сознаніе собственнаго косвеннаго участія въ ней: онъ зналъ, что отъ Павла потребуютъ отреченія отъ престола, но поздно сообразилъ, что такое требованіе почти неизбѣжно приведетъ къ насилію. За всѣ 25 лѣтъ своего царствованія Александръ видѣлъ въ себѣ отцеубійцу.

5. Недовѣріе и презрѣніе къ людямъ; двуличіе и лицемѣріе; безпочвенный либерализмъ; отсутствіе національнаго чувства и твердой, устойчивой воли — характерныя особенности Александра.

6. Сколько-нибудь опредѣленной программы, какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ, у Александра не было.

7. Жизнь предъявила Александру двѣ великихъ задачи: а) оздоровить систему управленія государствомъ, построивъ ее на твердыхъ началахъ законности и приблизивъ ухо государево къ голосу народному; и б) вынести на своихъ плечахъ, за себя и за Европу, натискъ революціи и ея порожденіе — Наполеона. Первую задачу Александръ не понялъ и согнулся подъ ея тяжестью; въ разрѣшеніе второй онъ не вложилъ яснаго пониманія національныхъ интересовъ и паденіе Наполеона далъ использовать другимъ, но не Россіи.

8. Маска, которую Александръ постоянно носилъ на себѣ, была оплачена дорогой цѣною душевныхъ терзаній.

9. Слабый человѣкъ, Александръ только дважды въ жизни проявилъ надлежащую силу, твердость и настойчивость въ достиженіи поставленной цѣли: а) въ Двѣнадцатомъ году, и б) въ подготовкѣ къ рѣшительной схваткѣ съ ненавистнымъ ему Наполеономъ, которому не могъ простить пораженій 1805-1807 гг. и униженія Тильзитскихъ дней.

10. Двоедушіе Александра, по справедливости, подчеркивается, какъ очень яркая и выпуклая черта его характера; но не меньше права на вниманіе историка имѣютъ и его душевныя переживанія: въ нихъ разгадка многому, что остается и донынѣ еще не вполнѣ яснымъ въ обликѣ Александра.

11. Какъ государь, Александръ, быть можетъ, не заслуживаетъ снисхожденія, но, какъ человѣка, его нельзя не жалѣть.

Е. Ф. Шмурло. «Нѣсколько новыхъ данныхъ къ біографіи Гоголя». Прочитанъ 1 апрѣля 1926 года.

Это воспоминанія графини Вар. Вас. Капнистъ, урожденной княжны Репниной, записанныя съ ея словъ незадолго до ея смерти (ум. въ 1922 г.), съ комментаріями докладчика. Содержаніе воспоминаній: Гоголь въ Италіи (Римъ, Кастелламаре) въ 1837-39 гг. и въ Одессѣ зимою 1850-51 г.; встрѣча съ нимъ въ Колизеѣ; сужденіе его о картинѣ Иванова „Проповѣдь Іоанна Крестителя въ пустынѣ"; какъ любилъ Гоголь вести свою литературную работу; Гоголь — любитель малороссійскихъ пѣсенъ; страсть къ жилетамъ; случай вынужденнаго превращенія сюртука во фракъ.

Е. Ф. Шмурло. «Юрій Крижаничъ. Славянофилъ или миссіонеръ? Пересмотръ стараго вопроса». Прочитанъ 10 января 1927 года. Напечатанъ въ Publicazioni dell' „Istituto per l' Europa Orientale". Prima serie. Politica-Storia-Economia. X., Roma. 1926, подъ заглавіемъ „Jurij Križanić (1618-1683). Panslavista o missionario?".

1. Ошибочно представлять себѣ Крижанича „тайнымъ папистомъ" въ Россіи.

2. Церковная унія была для Крижанича не цѣлью, а средствомъ.

3. Уже въ самомъ раннемъ своемъ литературномъ произведеніи, излагая уніатскую программу; Крижаничъ мечтаетъ о Россіи, какъ о томъ великомъ государствѣ, которое станетъ во главѣ Славянскаго міра и освободитъ его отъ ига невѣрныхъ и чужеземцевъ.

4. Идеалъ Крижанича — Россія, какъ славянская держава. Этому идеалу онъ остается вѣренъ до конца дней своихъ; ради него онъ поступится самымъ священнымъ — своими обѣтами и прямыми обязанностями.

5. Дѣятельность Крижанича шла вразрѣзъ съ программой Пропаганды Фидэ.

6. Благородный энтузіастъ, Крижаничъ былъ лишенъ пониманія реальной обстановки, въ какой ему приходилось дѣйствовать.

7. Трагизмъ Крижанича есть трагизмъ не идеи уніи, а идеи панславизма.

Е. Ф. Шмурло. «Роль Карамзина въ созданіи Пушкинскаго „Бориса Годунова"». Прочитанъ 21 февраля 1927 года.

1. Основной тезисъ Жданова: создавая „Бориса Годунова", Пушкинъ отнюдь не слѣдовалъ рабски Карамзинской „Исторіи

Государства Россійскаго“ — сложился въ противовѣсъ взглядамъ Полевого и Бѣлинскаго.

2. Сама по себѣ мысль эта справедлива, но односторонняя и далеко не во всемъ объемѣ можетъ быть принята.

3. Подробности въ сценѣ IX (о Юрьевѣ днѣ) и XX („Лѣсъ“) обязаны не Петрею и не „историкамъ XVIII ст.“, а Карамзину.

4. Особенно это слѣдуетъ сказать о первой сценѣ (Шуйскій и Воротынскій): духовная связь „Бориса Годунова“ съ „Исторіей Государства Россійскаго“ и зависимость отъ ея матеріаловъ нигдѣ, можетъ быть, не выступаетъ такъ ярко, какъ именно здѣсь (Ждановъ: „между разсказомъ историка и замысломъ поэта нѣтъ сходства“).

5. Посвященіе „Бориса Годунова“ памяти Карамзина отнюдь не было случайнымъ.

6. Полевой, упрекая Пушкина въ „рабской“ зависимости отъ „Исторіи Г. Р.“, мѣтилъ не столько въ Пушкина, сколько, черезъ его голову, въ Карамзина.

7. „Рабскаго“ слѣдованія „Исторіи Г. Р.“, конечно, не было никакого, но взглядъ Карамзина на Бориса, какъ на убійцу царевича Дмитрія, Пушкинъ раздѣлялъ, и это неизбѣжно обусловило окраску событій тѣми же цвѣтами, въ какіе окрасила ихъ и „Исторія Г. Р.“.

8. Орудуя надъ тѣмъ же матеріаломъ, что̀ и Карамзинъ, Пушкинъ углублялъ его пониманіе: передъ нами не личность на фонѣ извѣстной исторической обстановки, но сама эта историческая обстановка, какъ бы еще неполно она ни была выражена, какъ бы неравномѣрно ни были зарисованы тѣ элементы, изъ которыхъ эта обстановка слагалась.

9. Этой стороною Пушкинъ какъ бы предупреждаетъ современную намъ исторіографію XX вѣка.

Е. Ф. Шмурло. «Архивъ пропаганды Фидэ, какъ источникъ по русской исторіи». Прочитанъ 11 апрѣля 1927 года.

1. Архивный матеріалъ Пропаганды Фидэ, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ до XIX ст., цѣненъ, главнымъ образомъ, для исторіи Литовской и Польской Руси и менѣе для исторіи Московскаго государства и Россійской имперіи. Однако, въ виду тѣсной связи событій литовско-польскихъ и московско-россійскихъ, точную границу между документами той и другой группы установить невозможно.

2. Исторія церковной уніи въ русскихъ областяхъ Рѣчи Посполитой: мѣры, какія предпринимались для ея осуществленія и проведенія въ жизнь; противодѣйствія, какія онѣ встрѣчали; заинтересованность въ уніи общественныхъ классовъ и учрежденій и т. п. — все это находитъ себѣ богатѣйшій матеріалъ въ бумагахъ Пропаганды.

3. Изобразить унію православнаго населенія Литвы и Польши въ ея историческомъ процессѣ съ надлежащей яркостью, отчетливостью и полнотою невозможно безъ матеріаловъ Пропаганды, тѣмъ болѣе, что, помимо всякаго рода списковъ, копій, печатныхъ листовокъ, брошюръ и т. п., Архивъ содержитъ громадное количество рукописныхъ документовъ въ подлинникахъ (на русскомъ, латинскомъ и итальянскомъ языкахъ).

4. Цѣнность „русскаго“ матеріала въ Архивѣ не ограничивается одной только „уніей“ въ тѣсномъ значеніи этого слова: бумаги Пропаганды зачастую (гл. обр. т. наз. „Входящія бумаги“) рисуютъ намъ жизнь такою, какою она стучалась въ двери Пропаганды. Въ нихъ передъ нами проходитъ дѣятельность миссіонеровъ, современное положеніе страны въ ея племенномъ, географическомъ, политическомъ, статистическомъ и религіозномъ отношеніяхъ; состояніе отдѣльныхъ епархій; взаимоотношенія исповѣданій; вереница отдѣльныхъ лицъ, крупныхъ и мелкихъ, съ ихъ личными интересами, страстями, индивидуальными взглядами и желаніями.

5. Изъ 15 группъ, на которыя можно разбить весь матеріалъ, наиболѣе цѣнными для русскаго историка будутъ шесть; изъ нихъ на первомъ мѣстѣ: 1. Протоколы засѣданій Конгрегаціи Пропаганды Фидэ: текущія дѣла, 1622-1900 (ок. 275 томовъ); 2. Входящія бумаги, доложенныя въ Генеральныхъ засѣданіяхъ Конгрегаціи, 1622-1900 (свыше 1000 тт.); 3. Входящія бумаги, не доложенныя Конгрегаціи, 1568-1878 (до 800 тт.). — На второмъ мѣстѣ: 4. Письма Конгрегаціи (бумаги исходящія), 1622-1900 (400 тт.); 5. Засѣданія „партикулярныя“: тоже текущія дѣла, но требующія особаго разсмотрѣнія въ спеціально для этого выбранныхъ комиссіяхъ, 1622-1864 (161 т.); 6. Miscellanea (ок. 120 тт.).

Доклады.

„Шинель“ Гоголя и „Бѣдные Люди“ Достоевскаго.

(изъ доклада „Къ вопросу о вліяніи Гоголя на Достоевскаго“).

Ближе всего сказалось на „Бѣдныхъ Людяхъ“ Достоевскаго вліяніе „Шинели“ Гоголя. Это вліяніе легко обнаружить и въ стилѣ, и въ сюжетѣ, и въ отдѣльныхъ композиціонныхъ частяхъ.

Я ограничусь лишь нѣсколькими примѣрами, не вдаваясь въ тщательный анализъ всѣхъ возможныхъ сопоставленій, ибо есть степень и форма вліянія, не требующая уже особыхъ доказательствъ. Надо, конечно, прежде всего оговорить наличіе общей установки „Бѣдныхъ людей“ на стиль гоголевской школы. Еще Д. Григоровичъ задолго до современныхъ формалистовъ въ своихъ воспоминаніяхъ выдвинулъ этотъ доводъ въ защиту молодого Достоевскаго.

Достоевскаго обвиняли, что въ „Бѣдныхъ Людяхъ“ „чувствовалось на каждой страницѣ вліяніе Гоголя“, говоритъ Григоровичъ. „Въ послѣднемъ обвиненіи“, соглашается онъ: „если можно считать это обвиненіемъ молодому начинающему литератору, — была доля правды. Лицо старика Дѣвушкина въ „Бѣдныхъ Людяхъ“ невольно приводитъ на память чиновника Поприщина въ „Запискахъ сумасшедшаго“: сцена, когда дочь директора роняетъ платокъ и Поприщинъ, бросившись поднимать его, скользитъ на паркетѣ и чуть не разбиваетъ себѣ носъ, напоминаетъ сцену, когда у Дѣвушкина, въ присутствіи начальника, отрывается пуговица, и онъ, растерявшись, старается поднять ее. Не только въ пріемѣ частаго повторенія одного и того же слова, но въ постройкѣ самыхъ фразъ, въ ихъ духѣ замѣтно проглядываетъ вліяніе Гоголя... Складъ этихъ фразъ, ихъ духъ, если можно такъ выразиться, часто встрѣчаемый въ первыхъ произведеніяхъ Достоевскаго, не можетъ служить ему большимъ упрекомъ. Слѣдовало бы тогда винить все тогдашнее литературное молодое поколѣніе: всѣ въ одинаковой степени

были увлечены Гоголемъ; почти все, что писалось въ повѣствовательномъ родѣ, было отраженіемъ повѣстей Гоголя, преимущественно повѣсти „Шинель". Въ послѣдующихъ произведеніяхъ Достоевскаго не замѣтно уже тѣни подражанія; онъ становится совершенно самостоятельнымъ"[1]).

Но помимо этихъ общихъ чертъ гоголевской школы, въ „Бѣдныхъ Людяхъ" явно сказывается и непосредственное вліяніе повѣсти „Шинель". Оно настолько бросается въ глаза, что не имѣетъ особаго смысла на этомъ вопросѣ останавливаться подробнѣе. Я не придаю особаго значенія и тѣмъ сопоставленіямъ отдѣльныхъ мѣстъ обоихъ произведеній, которыя легко сдѣлать. Ихъ доказательность, при наличіи общей установки на гоголевскую манеру, относительна и всегда можетъ быть оспариваема. Правда, въ этихъ случаяхъ — при общности сходныхъ положеній — въ пользу непосредственнаго вліянія говорятъ совпаденія деталей. Я приведу только два примѣра, въ которыхъ съ извѣстной вѣроятностью можно говорить о непосредственномъ вліяніи, но все же повторяю, что этимъ сближеніямъ не слѣдуетъ придавать существеннаго значенія въ общей постановкѣ вопроса о вліяніи „Шинели" на первый романъ Достоевскаго.

Акакій Акакіевичъ послѣ посѣщенія Петровича, рѣшительно отказывающагося починить его старый капотъ, впалъ въ состояніе полной разсѣянности. „Такъ этакъ-то! вотъ какое ужъ, точно, никакъ неожиданное того... этого-бы никакъ... этакое-то обстоятельство!" Сказавши это, онъ, вмѣсто того, чтобы идти домой, пошелъ въ совершенно противную сторону, самъ того не подозрѣвая. Дорогою задѣлъ его всѣмъ нечистымъ своимъ бокомъ трубочистъ и вычернилъ все плечо ему; цѣлая шапка извести высыпалась на него съ верхушки строившагося дома. Онъ ничего этого не замѣтилъ, и потомъ уже, когда натолкнулся на будочника, который, поставя около себя свою алебарду, натряхивалъ изъ рожка на мозолистый кулакъ табаку, тогда только немного очнулся, и то потому, что будочникъ сказалъ: „Чего лѣзешь въ самое рыло? развѣ нѣтъ тебѣ трухтуара?" Это заставило его оглянуться и поворотить домой[2]).

Достоевскій въ „Бѣдныхъ Людяхъ" весьма близко стилистически и по смыслу передаетъ чувство растерянности Макара Дѣвушкина, идущаго къ ростовщику Маркову въ надеждѣ перехватить денегъ.

[1]) *Д. В. Григоровичъ.* Литературныя воспоминанія. См. Чешихинъ-Вѣтринскій: „Достоевскій въ воспоминаніяхъ и письмахъ". 2-е изд. М. 1923, ч. I, стр. 40-41. Разрядка здѣсь и въ слѣдующихъ цитатахъ моя. *А. Б.*

[2]) Соч. подъ ред. Тихонравова, XV изд. СПБ, 1900, III, стр. 98.

„Погрузился я въ себя самого“, пишетъ Макаръ Алексѣевичъ Варенькѣ, „и глядѣть ни на что не хотѣлось; такъ ужъ не разбирая дороги пошелъ... Артель работниковъ испачканныхъ повстрѣчалась со мною; затолкали меня мужичье!.. Я ужъ и себя тутъ не вспомнилъ, и вѣдь зналъ, что Маркова домъ, а спросилъ таки будочника чей, дескать, это, братецъ, домъ? Будочникъ такой грубіанъ, говоритъ нехотя, словно сердится на кого-то, слова сквозь зубы цѣдитъ, да ужъ такъ говоритъ, что Маркова домъ. — Будочники эти всѣ такіе нечувствительные, а что мнѣ будочникъ... А тутъ другая бѣда: навязалась на меня дрянная, глупая собаченка дворная; лѣзетъ изъ кожи, заливается..; такъ что я вошелъ въ домъ ни живъ ни мертвъ, вышелъ да прямо еще на бѣду — не разглядѣлъ, что такое внизу въ потьмахъ у порога, ступилъ, да и споткнулся объ какую-то бабу, а баба молоко изъ подойника въ кувшины цѣдила, и все молоко пролила“[1]).

Въ этихъ двухъ отрывкахъ не трудно замѣтить общность не только стиля, но и отдѣльныхъ мотивовъ, при помощи которыхъ передано чувство замѣшательства и растерянности героевъ двухъ повѣстей. Схема въ обоихъ случаяхъ одинакова, подставлены только иные компоненты, но все же родственные между собой. Будочникъ и тамъ и здѣсь играетъ одинаково существенную роль, вмѣсто гоголевскаго „трубочиста“ у Достоевскаго введена „артель испачканныхъ рабочихъ“, вмѣсто намѣченнаго злоключенія съ будочникомъ, у котораго Акакій Акакіевичъ чуть не выбилъ табакерку изъ рукъ, у Достоевскаго введена сцена съ бабой, нацѣживающей молоко. На такомъ маленькомъ пространствѣ столько общихъ совпаденій трудно объяснить случайностью и общностью положенія.

Возьму еще другой случай.

Гоголь даетъ въ „Шинели“ описаніе черной лѣстницы петербургскаго дома, въ которомъ жилъ Петровичъ. „Взбираясь по лѣстницѣ, ведшей къ Петровичу, которая, надо отдать справедливость, — была вся умащена водою, помоями и проникнута тѣмъ спиртуознымъ запахомъ, который ѣстъ глаза и, какъ извѣстно, присутствуетъ неотлучно на всѣхъ черныхъ лѣстницахъ Петербургскихъ домовъ, — взбираясь по лѣстницѣ, Акакій Акакіевичъ уже подумывалъ о томъ, сколько запроситъ Петровичъ, и мысленно положилъ не давать больше двухъ рублей. Дверь была отворена, потому что хозяйка, готовя какую-то рыбу, напустила столько дыму въ кухнѣ, что нельзя было видѣть даже самыхъ таракановъ“[2]).

[1]) Собр. соч. 1882 г., II, стр. 81-82.

[2]) Гоголь, тамъ-же, стр. 94.

Обратимся къ сходному описанію черной лѣстницы у Достоевскаго.

„За то ужъ про черную (лѣстницу)“, пишетъ Макаръ Дѣвушкинъ Варенькѣ, „и не спрашивайте: винтовая, сырая, грязная, ступеньки поломаны, а стѣны такія жирныя, что рука прилипаетъ, когда на нихъ опираешься. На каждой площадкѣ стоятъ сундуки, стулья и шкафы поломанные, вѣтошки развѣшены, окна повыбиты, лоханки стоятъ со всякою нечистью, съ грязью, съ соромъ, съ яичной скорлупою да съ рыбьими пузырями; запахъ дурной... однимъ словомъ... нехорошо“[1]).

Пусть въ этомъ случаѣ общность нѣкоторыхъ деталей объясняется сходствомъ описываемаго явленія, но эта общность давала просторъ для значительно большей самостоятельности описанія, чѣмъ это сдѣлалъ Достоевскій.

Я бы не сталъ приводить мелочей, если бы не зналъ на опытѣ сравнительнаго изученія другихъ произведеній Достоевскаго, какъ онъ былъ памятливъ на подобнаго рода мелочи. Именно эти мелочи давали Достоевскому случай неожиданнаго ихъ использованія и своеобразнаго дополненія. Я не настаиваю на ихъ доказательности, но не могу отказать себѣ въ правѣ ихъ отмѣтить, въ надеждѣ, что при дальнѣйшихъ работахъ въ области изученія характера художественной воспріимчивости Достоевскаго, онѣ займутъ свое надлежащее мѣсто. Отмѣчу въ „Шинели“ двѣ детали, по-моему, запомнившіяся Достоевскому и имъ использованныя въ „Бѣдныхъ Людяхъ“.

Акакій Акакіевичъ приходитъ за содѣйствіемъ къ значительному лицу, которое, для поднятія своего значенія передъ присутствующимъ пріятелемъ своимъ набрасывается на Акакія Акакіевича съ необычайной строгостью. На несчастнаго Акакія Акакіевича это производитъ потрясающее впечатлѣніе; „въ жизнь свою онъ не былъ еще такъ сильно распеченъ генераломъ, да еще и чужимъ“. Непосредственной причиной болѣзни, а затѣмъ и смерти Акакія Акакіевича и была эта безсмысленная жестокость бюрократа-самодура. „Пусть сильно иногда бываетъ надлежащее распеканье“, восклицаетъ авторъ отъ себя. Это странное сочетаніе „надлежащее распеканіе“, повторенное Гоголемъ дважды[2]) въ случаѣ, гдѣ оно не было ни распеканьемъ, ибо на лицо не было никакого проступка, ни „надлежащимъ“, потому что оно не стояло ни въ какомъ соотвѣтствіи съ поведеніемъ случайно подвернувшагося чиновника, дало поводъ Достоевскому устами Макара Дѣвушкина сочинить своеобразную философію „распеканія“.

[1]) Достоевскій, тамъ-же, 17.

[2]) Гоголь, тамъ-же, стр. 112 и 113.

Что это обобщеніе вытекало непосредственно изъ „Шинели“ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что оно вложено въ уста Макара Алексѣевича въ связи съ чтеніемъ имъ этой повѣсти Гоголя. Дѣвушкинъ становится на защиту начальства, которое считаетъ своимъ долгомъ распекать подчиненныхъ: „отчего же и не распечь, коли нужно нашего брата распечь“, и дальше идетъ упомянутая философія распеканія: „А такъ какъ разные чины бываютъ, и каждый чинъ требуетъ совершенно соотвѣтственной по чину распеканціи, то естественно, что послѣ этого и тонъ распеканціи выходитъ разночинный; — это въ порядкѣ вещей! Да, вѣдь, на томъ и свѣтъ стоитъ, маточка, что всѣ мы одинъ передъ другимъ тону задаемъ, что всякъ изъ насъ одинъ другого распекаетъ. Безъ этой предосторожности и свѣтъ бы не стоялъ, и порядка бы не было...“[1]).

Наконецъ, сцена вызова Макара Алексѣевича въ кабинетъ къ Его Превосходительству во многомъ близка къ только-что упомянутой сценѣ распеканія Акакія Акакіевича. Если вѣрна догадка Григоровича, что въ этой сценѣ Достоевскій использовалъ „Записки Сумасшедшаго“ для передачи полнаго замѣшательства героя, сближая замѣшательство Поприщина, бросающагося поднимать оброненный дочерью директора платокъ, съ растерянностью Макара Алексѣевича, когда у него оборвалась пуговица, то самая злополучная пуговица могла перейти по наслѣдству отъ Акакія Акакіевича, послѣ котораго, какъ извѣстно, остались „двѣ-три пуговицы, оторвавшіяся отъ панталонъ“.

Но именно эта сцена съ Его Превосходительствомъ является наиболѣе показательной для своеобразнаго характера воздѣйствія Гоголя на Достоевскаго, которое если и можно назвать вліяніемъ, то лишь въ особомъ смыслѣ. Если обычный родъ вліянія можно условно назвать вліяніемъ притягиванія, то такого рода вліянія можно бы назвать вліяніемъ отталкиванія.

Въ отличіе отъ вліянія Пушкина, которое было органичнымъ и, какъ таковое, не тормозило индивидуальныхъ художественныхъ возможностей Достоевскаго, вліяніе Гоголя становилось на пути его литературнаго роста. Можетъ быть, это обусловливалось отчасти большой близостью ихъ психологическихъ складовъ, на фонѣ которой рѣзко сказывалось различіе ихъ основного міроощущенія. Гоголю былъ присущъ своеобразный талантъ „умерщвленія личности“, даже, если хотите,

[1]) Впрочемъ и эта философія распеканія сильно отдаетъ разсужденіями Селифана изъ „Мертвыхъ Душъ“: „Почему-жъ не посѣчь, коли за дѣло? на то воля господская. Оно нужно посѣчь, потому что мужикъ балуется; порядокъ нужно наблюдать. Коли за дѣло, то и посѣки; почему-жъ не посѣчь“ (гл. III. Изд. „Слова“, Берл. 1921, стр. 61).

умерщвленія жизни вообще. Въ его необычайныхъ художественныхъ обобщеніяхъ, изумляющихъ геніальной наблюдательностью автора, сохранено все до мельчайшихъ подробностей, кромѣ живой души, кромѣ жизни. Міръ Гоголя — театръ маріонетокъ, геніальный маскарадъ, вызывающій смѣхъ или слезы, но не сочувствіе къ его героямъ. Ему нужно для приданія своимъ произведеніямъ этико - эстетическаго разряда давать обобщенныя сентенціи, вродѣ знаменитаго гуманнаго мѣста въ „Шинели“.

И если Достоевскій въ молодости подпалъ подъ вліяніе Гоголя, то по мѣрѣ своего духовнаго роста, когда въ немъ ярко выявился особый даръ проникновенія въ душу человѣческую, онъ долженъ былъ неизбѣжно столкнуться съ Гоголемъ и оказаться въ борьбѣ съ нимъ. Эта борьба должна была прежде всего отразиться въ его творчествѣ. Гоголь помогъ Достоевскому преодолѣть сентиментально-романтическую струю его начальнаго творчества, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ грозилъ превратить міръ его художественныхъ образовъ въ фантастическій маскарадъ[1]).

Въ фельетонѣ 1861 г. „Петербургскія сновидѣнія въ стихахъ и прозѣ“ Достоевскій самъ намѣчаетъ три періода въ развитіи своего творчества. Если первый періодъ можно назвать сентиментально-романтическимъ, связаннымъ съ литературными вліяніями Карамзина и Шиллера, который творчески ассоціированъ въ памяти Достоевскаго съ „исторіей“ Амаліи - Нади, о которой онъ разсказалъ въ этомъ фельетонѣ, то на смѣну ему пришелъ періодъ натурально-фантастическій, который отражалъ литературныя воздѣйствія Гоголя и Гоффмана. „Только что я самъ обзавелся квартирой и смиреннымъ мѣстечкомъ, самымъ смиреннымъ изъ всѣхъ мѣстечекъ на свѣтѣ, мнѣ стали сниться какіе-то другіе сны... И вдругъ, оставшись одинъ, я объ этомъ задумался. И сталъ разглядывать и вдругъ увидалъ какія-то странныя лица. Все это были странныя, чудныя фигуры, вполнѣ прозаическія, вовсе не Донъ-Карлосы и Позы, а вполнѣ титулярные совѣтники и въ то же время какъ будто какіе-то фантастическіе титулярные совѣтники. Кто-то гримасничалъ передо мною, спрятавшись за всю

[1]) Уже Н. Н. Страховъ въ 1881 г. высказалъ мысль, что первыя литературныя выступленія Достоевскаго заключали въ себѣ „смѣлую и рѣшительную поправку Гоголя, существенный, глубокій поворотъ въ нашей литературѣ“, и видѣлъ эту поправку въ томъ, что Достоевскимъ „безпочвенная иронія Гоголя“ была „осуждена, какъ слишкомъ жестокое, сухое отношеніе къ людямъ“ („Изъ воспоминаній о Ѳ. М. Достоевскомъ“, рѣчь на торжественномъ засѣданіи Славянскаго Благотворит. Общ-ва 14 февр. 1881 г. См. Біографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Ѳ. М. Достоевскаго. СПБ. 1883 г., отд. III, стр. 62).

эту фантастическую толпу, и передергивалъ какія-то нитки, пружинки, и куколки эти двигались, а онъ хохоталъ и все хохоталъ!". Любопытно, что именно къ этому времени пріурочиваетъ Достоевскій замыселъ исторіи о „титулярномъ сердцѣ, честномъ и чистомъ, нравственномъ и преданномъ начальству", и „какой-то дѣвочкѣ, оскорбленной и грустной". И далѣе кончаетъ этотъ періодъ Достоевскій такими характерными словами: „И если бы собрать всю ту толпу, которая тогда мнѣ приснилась, то вышелъ бы славный маскарадъ". И не случайно этотъ періодъ Достоевскій связываетъ только съ однимъ художественнымъ замысломъ, относя всѣ дальнѣйшіе сюжеты (чиновникъ, возомнившій себя Гарибальди; исторія о Соловьевѣ) къ третьему періоду, о которомъ онъ говоритъ такъ: „Теперь, теперь дѣло другое. Теперь мнѣ снится, пожалуй, хоть и то же, но въ другихъ лицахъ, хотя и старые знакомые стучатся иногда въ мою дверь"[1]). Этотъ третій періодъ былъ психологически-философскій, т. е. тотъ, въ которомъ сказался подлинный даръ Достоевскаго.

На пути къ осознанію своего подлиннаго жанра, Достоевскій долженъ былъ посчитаться со своимъ великимъ предшественникомъ и учителемъ. Преодолѣніе Гоголя — вотъ первый этапъ въ развитіи творчества Достоевскаго. „Бѣдные Люди" отразили довольно ярко начало этой борьбы, которая еще рѣзче потомъ выявилась въ „Двойникѣ"[2]).

Достоевскій не побоялся взять у Гоголя основной мотивъ его „Шинели", чтобы на немъ противопоставить свое воспріятіе міра гоголевскому. Вѣдь въ основѣ обоихъ произведеній лежитъ мотивъ пробужденія, воскресенія къ жизни приниженной и забитой человѣческой души.

Для Гоголя, съ его способностью подносить самый жуткій мотивъ въ облаченіи своеобразнаго гротеска, на почвѣ этого мотива выросъ сюжетъ о шинели, обновительницѣ жизни. Такой сюжетъ, какъ ни склоненъ былъ Достоевскій воспринимать жизнь съ фантастической стороны, не могъ ему прійтись по душѣ. Онъ прежде всего „очеловѣчиваетъ" сюжетъ, подставляетъ вмѣсто „шинели" живое существо, на долю котораго выпадаетъ ея роль воскресителя жизни. „Шинель" перевернула нравственный міръ Башмачкина. „Съ лица и поступковъ его исчезло само собою сомнѣніе, нерѣшительность, словомъ, — всѣ колеблющіяся и неопредѣленныя черты. Огонь

[1]) Полн. собр. соч., изд. „Просвѣщенія", т. XXII, стр. 184.

[2]) Объ этомъ я пишу въ статьѣ: „Носъ" Гоголя и „Двойникъ" (печатается въ журналѣ „Slavia").

порою показывался въ глазахъ его, въ головѣ даже мелькали самыя дерзкія и отважныя мысли“[1]).

Такая роль „шинели“ въ жизни человѣка должна была показаться оскорбительной Достоевскому. Не поднялъ Гоголь приниженнаго своего героя, на мигъ воскресивъ его новой шинелью, а еще больше унизилъ, растопталъ его. Въ самомъ гоголевскомъ замыслѣ было что-то жестокое. Достоевскій противопоставилъ этому замыслу свой и сразу „очеловѣчилъ“, одухотворилъ его. Макаръ Алексѣевичъ Дѣвушкинъ тоже преображается отъ соприкосновенія съ жизнью, но въ немъ прежде всего пробуждается человѣческое достоинство. Для такого преображенія нужна не осуществившаяся мечта о шинели, а зарожденіе любви и привязанности къ живому человѣческому существу. Вмѣсто „шинели“ должна была явиться Варенька Доброселова. И тогда иными словами заговоритъ маленькій человѣкъ. „Я знаю, чѣмъ я вамъ, голубчикъ вы мой, обязанъ!“, пишетъ Дѣвушкинъ Варенькѣ: „узнавъ васъ, я сталъ во-первыхъ и самого себя лучше знать, и все сталъ любить; а до васъ, ангельчикъ мой, я былъ одинокъ и какъ будто спалъ, а не жилъ на свѣтѣ... Какъ вы мнѣ явились, то вы всю мою жизнь освѣтили темную, такъ что и сердце и душа моя освѣтились и я обрѣлъ душевный покой, и узналъ, что и я не хуже другихъ; что только такъ не блещу ничѣмъ, лоску нѣтъ, тону нѣтъ, но все-таки я человѣкъ, что сердцемъ и мыслями я человѣкъ“[2]).

Не даромъ такъ огорчается Дѣвушкинъ за своего собрата, когда читаетъ „Шинель“ Гоголя. Повѣсть эта вызываетъ въ немъ бурный отпоръ, онъ самъ неясно себѣ представляетъ, что въ ней такъ оскорбительно для него, но всѣмъ своимъ существомъ отвергаетъ такое изображеніе знакомой ему среды и людей. Въ этой своеобразной критической оцѣнкѣ гоголевской „Шинели“ устами Дѣвушкина, которую онъ даетъ дважды на протяженіи романа, легко вскрыть сочувственныя нотки къ такой оцѣнкѣ и самого Достоевскаго[3]). Вмѣстѣ съ Дѣвушкинымъ онъ отвергаетъ безпредметное выявленіе однѣхъ мрачныхъ, тяжелыхъ сторонъ жизни, если за этимъ не стоитъ какой-нибудь идеи. „Какъ гражданинъ“, пишетъ обиженный Дѣвушкинъ, „считаю себя, собственнымъ сознаніемъ моимъ, какъ имѣющаго свои недостатки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и добродѣтели“. Онъ

[1]) Соч. Гоголя, тамъ-же, стр. 100.

[2]) Собр. соч. Дост., тамъ-же, стр. 87-88. Считаю долгомъ отмѣтить, что мысль о замѣнѣ „шинели“ — Варенькой Доброселовой, была, независимо отъ меня, высказана однимъ изъ участниковъ работъ пражскаго „Семинарія по изученію Достоевскаго“, Р. В. Плетневымъ.

[3]) На это обращаетъ вниманіе и Н. Н. Страховъ въ упомянутой статьѣ (Біогр. III, 61-62).

негодуетъ, что „кто-нибудь подъ самымъ носомъ твоимъ, безо всякой видимой причины, ни съ того, ни съ сего, испечетъ тебѣ пашквиль“. Не реализмъ описанія его оскорбляетъ: вѣдь проливалъ же онъ слезы надъ исторіей „Станціоннаго смотрителя“; а именно это безпричинное обнаженіе жизни, жестокое выявленіе не правды жизни, а ея неправды: „прячешься иногда, прячешься, скрываешься въ томъ, чѣмъ не взялъ, боишься носъ подчасъ показать куда бы тамъ ни было, потому что пересуда трепещешь, потому что изъ всего, что ни на есть на свѣтѣ, изъ всего тебѣ пашквиль сработаютъ, вотъ ужъ вся гражданская и семейная жизнь твоя по литературѣ ходитъ, все напечатано, прочитано, осмѣяно, пересужено“ — говоритъ Дѣвушкинъ. Осуждаетъ онъ, вмѣстѣ съ Достоевскимъ, и стремленіе очернить во что бы то ни стало начальство. Развѣ непремѣнно всѣ „ихъ превосходительства“ такъ жестоки къ своимъ подчиненнымъ? Онъ предлагаетъ свой конецъ повѣсти; гдѣ бы и шинель Акакія Акакіевича отыскалась, и гдѣ бы „генералъ, узнавши подробнѣе объ его добродѣтеляхъ, перепросилъ бы его въ свою канцелярію, повысилъ бы чиномъ и далъ бы хорошій окладъ жалованья“. Достоевскій воспользовался совѣтомъ Макара Дѣвушкина: у него Его Превосходительство помогаетъ своему жалкому, впавшему въ послѣднюю степень нищеты подчиненному и спасаетъ его отъ катастрофы.

Особенно задѣло Дѣвушкина то мѣсто „Шинели“, гдѣ онъ описываетъ, какъ Акакій Акакіевичъ старался уменьшить свои издержки, чтобы скопить деньги на шинель. Башмачкинъ, по словамъ Гоголя, старался „ходя по улицамъ, ступать какъ можно легче и осторожнѣе по камнямъ и плитамъ, почти на цыпочкахъ, чтобы такимъ образомъ не истереть скороврем енно подметокъ; какъ можно рѣже отдавать прачкѣ бѣлье“, и т. д.[1]). Эти наблюденія приводятъ Дѣвушкина въ бѣшенство: „и они ходятъ, пашквиланты неприличные, да: смотрятъ, что, дескать, всей-ли ногой на камень ступаешь, или носочкомъ однимъ; что-де вотъ у такого-то чиновника, такого-то вѣдомства, титулярнаго совѣтника, изъ сапога голые пальцы торчатъ, что вотъ у него локти продраны — а потомъ тамъ это все и описываютъ, и дрянь такую печатаютъ...“[2]).

И, наконецъ, чтобы не было сомнѣнія въ оцѣнкѣ повѣсти Гоголя, Дѣвушкинъ ее даетъ въ такихъ яркихъ словахъ: „да, вѣдь, это злонамѣренная книжка... Это просто неправдоподобно, потому что и случиться не можетъ, чтобы былъ такой человѣкъ. Нѣтъ, я буду жаловаться... формально жаловаться“.

[1]) Собр. соч., тамъ-же, стр. 100.

[2]) Тоже, стр. 72.

Не является-ли и вся повѣсть „Бѣдные Люди“ такой „жалобой“ противъ „Шинели“ Гоголя?

Что это недовольство Гоголемъ было уже въ это время не только подсознательнымъ чувствомъ у Достоевскаго, а осознано имъ, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что онъ не остановился передъ тѣмъ, чтобы приписать сочинителю Ратазяеву одинъ изъ отрывковъ въ „шуточно-показательномъ родѣ“, явно пародирующій повѣсть Гоголя „О томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“.

Дѣвушкинъ пересылаетъ Варенькѣ слѣдующій образецъ сочинительства Ратазяева: „Знаете ли вы Ивана Прокофьевича Желтопуза? Ну, вотъ тотъ самый, что укусилъ за ногу Прокофія Ивановича. Иванъ Прокофьевичъ человѣкъ крутого характера, но зато рѣдкихъ добродѣтелей: напротивъ того, Прокофій Ивановичъ чрезвычайно любитъ рѣдьку съ медомъ. Вотъ когда еще была съ нимъ знакома Пелагея Антоновна... А вы знаете Пелагею Антоновну? Ну, вотъ та самая, которая всегда юбку надѣваетъ на изнанку“.

Романъ „Бѣдные Люди“, такимъ образомъ, возникъ, по моему мнѣнію, на основѣ „Шинели“ Гоголя, какъ своеобразная жалоба на безсодержаніе натуральной школы. Такъ, уже первое печатное произведеніе Достоевскаго ярко выявило его сущность, какъ будущаго создателя идейно-психологическаго романа.

10 дек. 1926.
Прага.

А. Бѣлый.

Борьба Москвы съ восточными инородцами въ бассейнѣ Волги и Камы.

Борьба, которую вело Московское государство на Западѣ ради обезпеченія своихъ границъ, а также для отвоеванія исконныхъ русскихъ областей и пріобрѣтенія выходовъ къ морю, въ достаточной степени изучена. Эта многовѣковая борьба изобиловала драматическими эпизодами, выдвигала сильныя, героическія личности и требовала подчасъ страшнаго напряженія физическихъ и платежныхъ силъ страны. Блестящія побѣды Александра Невскаго въ XIII вѣкѣ; дѣятельность Довмонта во Псковѣ; долгая, разорительная Ливонская война; упорная борьба съ Польшей и Швеціей въ XVII вѣкѣ; наконецъ, Великая Сѣверная война при Петрѣ, — все это этапы одного стихійнаго процесса, смыслъ котораго заключался въ томъ, что Москва, осажденная на Западѣ столькими сильными и воинственными сосѣдями, стремилась обезпечить себѣ достойное мѣсто подъ солнцемъ.

Но и на Востокѣ Россіи борьба ведется ожесточенно: шагъ за шагомъ отвоевывается территорія, которая требуетъ немедленнаго закрѣпленія: снаряжаются длительные и дальніе походы и экспедиціи; строятся крѣпости, города, засѣки; съ оружіемъ въ рукахъ выколачивается съ инородцевъ дань-ясакъ. И все это производится на громадномъ пространствѣ отъ Оки до Урала и отъ верхней Камы до Каспійскаго моря, на значительномъ удаленіи отъ центра, среди враговъ многочисленныхъ, жестокихъ и упорныхъ. Правда, враги эти не образовывали крупныхъ и длительныхъ государственныхъ соединеній, культурный уровень ихъ былъ много ниже культурнаго уровня Москвы, но упорство, съ которымъ они оказывали сопротивленіе русскому движенію на Востокъ, отъ этого не ослабѣвало. Наоборотъ. Рѣчь вѣдь шла объ удобныхъ земляхъ для поселенія. Русскій колонизаціонный потокъ вливался въ инородческое море, захватывая лучшія, удобныя для хлѣбопашества земли. Иногда потокъ этотъ сохранялъ первоначальныхъ насельниковъ края. Такъ, въ писцовыхъ книгахъ часто встрѣчается выраженіе „лѣсъ не въ раздѣлѣ съ татары и съ чувашею“ или указаніе на расчистку земли крестьянами совмѣстно съ ясачною чувашею. Въ нѣкоторыхъ вотчинахъ Преображенскаго монастыря (въ Казанскомъ

уѣздѣ) въ шестидесятыхъ годахъ XVI вѣка „среди поселенцевъ вмѣстѣ съ русскими крестьянами живутъ новокрещены, полоняники и чуваши“; объ одномъ починкѣ даже прямо сказано: „а живутъ въ немъ татаровя на льготѣ“[1]). Въ началѣ XVII столѣтія во всѣхъ этихъ поселеніяхъ, не исключая починка, все населеніе носитъ православныя имена съ русскими прозвищами — слѣдовательно совершилось полное претвореніе за этотъ промежутокъ времени инородцевъ и иновѣрцевъ въ православныхъ русскихъ людей[2]). Но чаще коренные обитатели отжимались въ мѣста лѣсныя, глухія и болотистыя. Нерусскія названія чисто русскихъ селъ: Маркваши, Агишево, Тенки и др. ясно показываютъ, что на мѣстѣ этихъ русскихъ поселеній раньше существовали инородческія села, вынужденно или добровольно покинутыя ихъ первоначальными насельниками. Имѣются и прямыя объ этомъ данныя: такъ, о селѣ Архангельскомъ писцовыя книги говорятъ, что оно „бывало татарское Бурнашево“[3]), а служилому человѣку Тетюшскаго уѣзда Качану Жукову „отмѣрено пашни отъ рѣчки отъ Имелни поляна, что была ногайскіе станы“[4]). Инородцамъ приходилось защищать свои родныя нивы (мордва и чуваши занимались хлѣбопашествомъ), свои луга, свои пастбища, звѣриные ловы и борти. И потребовалось громадное усиліе со стороны Московскаго государства, чтобы, въ результатѣ двухвѣковой борьбы, прочно закрѣпить за собой Понизовье. Во всякомъ случаѣ мирная, ассимиляціонная работа заглушалась нескончаемымъ шумомъ страшной, кровопролитной борьбы. Бывали даже моменты, когда восточные инородцы сами грозили Москвѣ, подступая къ старымъ исконнымъ московскимъ городамъ и отрѣзая главный путь сообщенія съ Востокомъ — Волгу. Правда, случаи эти имѣли мѣсто въ Смутное время, въ годы великаго ослабленія Москвы; но они хорошо подтверждаютъ то обстоятельство, что отъ Москвы требовалось постоянное военное напряженіе для того, чтобы чувствовать себя въ Понизовьѣ хотя бы относительнымъ хозяиномъ.

Раньше чѣмъ обратиться къ источникамъ, необходимо хотя бы въ общихъ чертахъ возстановить въ памяти свѣдѣнія о народахъ, населявшихъ Понизовье. Еще Курбскій указывалъ, что въ Казанскомъ царствѣ подъ татарской властью находилось „пять различныхъ языковъ“: мордва, черемисы, чуваши, вотяки и восточные башкиры. Инородческія тюркско-финскія племена жили да и сейчасъ живутъ въ Понизовьѣ отчасти въ перемѣшку,

[1]) Г. Перетятковичъ. Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вѣка. Одесса. 1882, стр. 95.

[2]) Тамъ же, стр. 95-96.

[3]) А. М. Ю. Писц. кн. № 848, л. 1070.

[4]) Перетятковичъ. Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вѣка. Одесса. 1882, стр. 68-69.

черезполосно, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они образовали компактныя этническія группы. Такъ, черемисы сосредоточились главнымъ образомъ по теченію Волги между Нижнимъ-Новгородомъ и Казанью, въ нынѣшнихъ Нижегородской и Казанской губерніяхъ, при чемъ дѣлятся они на луговыхъ (на лѣвомъ берегу Волги) и горныхъ (на правомъ берегу). Татары болѣе или менѣе сплошной массой заняли земли по нижней Вяткѣ, нижней Камѣ, по Волгѣ между Казанью и Симбирскомъ, а также въ сѣверо-западномъ углу Тамбовской губерніи; кромѣ того они оказываются разсѣянными въ предѣлахъ нынѣшнихъ Саратовской и Самарской губерній. Вотяковъ мы встрѣчаемъ по теченію Вятки вплоть до Арска, башкиръ — въ Уфимской губерніи, а чувашскія поселенія занимаютъ нынѣшніе Чебоксарскій, Цывильскій и Ядринскій уѣзды Казанской губерніи. Что касается мордвы, то ея поселенія разбросаны небольшими оазисами по всему краю. По верхней Камѣ жили вогуличи и пермяки, а еще дальше къ сѣверу и къ востоку — зыряне и остяки. Въ непосредственной близости къ Окѣ, въ предѣлахъ теперешнихъ Тамбовской, Пензенской и Рязанской губерній, обитали, почти совершенно обрусѣвшіе нынѣ, мещеряки, а на юго-востокѣ, на лѣвомъ берегу Волги и по Яику, находились кочевья ногаевъ. Въ XVII вѣкѣ въ Закамскихъ степяхъ появились пришедшіе съ Востока калмыки, заняли кочевья ногаевъ и отжали послѣднихъ на правый берегъ Волги. Вслѣдъ за калмыками въ томъ же районѣ появились башкиры. Всѣ эти народы имѣли каждый свой особый внутренній укладъ. Одни поддавались ассимиляціи (мещеряки), другіе, сохраняя національную и религіозную обособленность, проявляли въ общемъ покорность и уживчивость (чуваши), наконецъ, третьи отстаивали свои земли со свирѣпымъ и жестокимъ упорствомъ (черемисы, башкиры). Слѣдуетъ отмѣтить еще одно различіе въ характерѣ инородцевъ, съ которыми приходилось имѣть дѣло Московскому правительству и русскимъ колонистамъ. Одни изъ инородцевъ были кочевниками (ногаи, башкиры, калмыки), и съ ними борьба велась въ значительной степени, какъ съ внѣшнимъ врагомъ; другіе вели осѣдлый или полуосѣдлый образъ жизни (чуваши, мордва и др.), и въ виду того, что поселенія ихъ находились по сю сторону засѣчной черты, ихъ часто приходилось разсматривать, какъ враговъ внутреннихъ.

Казань пала 2-го октября 1552 года. Вотяки, татары и черемисы изъявили покорность Москвѣ. Но волненія въ краѣ начались тотчасъ же по удаленіи войскъ Ивана Грознаго: возстали черемисы, возмутились казанцы-магометане, поднялись и „арскіе люди“ (вотяки). Вотъ что по этому поводу мы находимъ въ Московской лѣтописи[1]):

[1]) Лѣтописецъ Русскій. Лебедевская рукопись. Чтенія въ И. О. И. и Д. Р. 1895. Книга 3.

„Того же лѣта (1553 г.) писали къ Государю изъ Василь-города воеводы, что на Волгѣ побили гонцовъ и гостей и боярскихъ людей, запасы луговые люди, да и горные съ ними были. И Государь послалъ въ Свіяжскій городъ къ боярину и воеводѣ князю Петру Ивановичу Шуйскому съ товарищы, чтобы того въ горныхъ людехъ велѣлъ сыскати. И князь Петръ отпустилъ воеводу Бориса Салтыкова. И Борисъ поѣхалъ на Цывиль и сыскалъ того горными же людьми, что съ луговыми воровались. И поймалъ горнихъ, которые воровали, да иныхъ тутъ повѣшалъ, а иныхъ въ городъ Свіязской привелъ и всѣхъ ихъ казнили, 74 человѣка".

Здѣсь любопытно отмѣтить, что наказанію подверглись не главные виновники — луговые черемисы, а позднѣе приставшіе къ послѣднимъ — горные. Очевидно, снаряжать экспедицію на лѣвый берегъ Волги, въ охваченныя возстаніемъ земли луговыхъ, было небезопасно. Зимой 1554 года не менѣе тревожныя вѣсти приходятъ изъ Казани:

„Тое же зимы, марта въ 10 день, прислалъ изъ Казани князь А. Б. Горбатый, что измѣнили луговые люди, ясаковъ не давали и ясачниковъ, которые ясака на луговой сбирали, Мисюря Лихарева и Ивана Скуратова, побили и пришли на Арское и соединчались всѣ содново и стали на высокой горѣ у засѣки; и воеводы посылали на нихъ Ваську Елизарова, а съ нимъ казаковъ, да Ивана Ершова со стрѣльцами; и пришли на засѣку и, по грѣхомъ, порознились розными дорогами стрѣльцы и казаки; и пришли на нихъ Арскіе люди и луговые и побили ихъ на голову и убили полъ 400 стрѣльцовъ да полъ 500 казаковъ".

Но этимъ успѣхи повстанцевъ не ограничиваются. Вотъ что сообщается дальше:

„Тое же зимы, того же мѣсяца въ 20 день, писалъ изъ Свіяжска города бояринъ князь Петръ Ивановичъ Шуйскій, что приходили на горную сторону Арскіе люди и луговые, Зензеитъ да Сарый-богатырь со товарищы. И князь Петръ отпущалъ на нихъ воеводу Бориса Салтыкова, да съ нимъ дѣтей боярскихъ, да горныхъ людей всѣхъ, и Салтыковъ на нихъ пришелъ, а въ то время снѣга были великіе. Арскіе люди и луговые пришли со стороны на нартахъ да за грѣхъ Салтыкова побили и самого жива взяли, да 36 сыновъ боярскихъ убили, да боярскихъ 50 человѣкъ, да 170 человѣкъ горныхъ убили, а живыхъ взяли 200 человѣкъ".

Означенная неудача вынудила Московское правительство прежде всего обезпечить за собой рѣчныя сообщенія:

„Тое же весны (1554 г.) на Вятку послалъ Государь Даніила Ѳедорова сына Адашева, да съ нимъ дѣтей боярскихъ, да велѣлъ ему съ Вятки, съ вятчаны, и съ тѣми дѣтьми

боярскими прійти въ Каму и стояти по Камѣ и по Вяткѣ рѣкѣ искати надъ измѣнники; а сверху на Волгу Государь казаковъ послалъ къ Даніилу, и велѣлъ приходить во многіе мѣста и быть надъ измѣнники. И Данила съ вятчаны стоялъ на Камѣ и по Вяткѣ и по Волгѣ и побивалъ на перевозахъ многихъ мѣстехъ казанскихъ и ногайскихъ людей и живыхъ въ Казань къ воеводамъ прислалъ во все лѣто 240 человѣкъ".

Эта предварительная операція позволила въ слѣдующемъ, 1555, году предпринять большой походъ противъ повстанцевъ:

„Того же лѣта, ... воеводы ... пошли изъ Казани Арской дорогой на высокую гору въ засѣкѣ, а направо побережныхъ людей по чувашской дорогѣ и по ногайской и по Камѣ и по Мешѣ послали воевати головы, а налѣво и впередъ по тому же послали и во многіе мѣста послали головы воевати; и сами, идучи на Арской и къ Курмѣ и на Уржумъ идучи, воевали и жгли во всѣхъ мѣстѣхъ. И пришли воеводы на Куржумъ, отъ Казани 10 дней ходу, а направо посылали и на бережную сторону Чувашскою дорогой головы и многихъ людей и налѣво многія посылки. И далъ Богъ многія воевали мѣста. А встрѣчу къ нимъ приходили во многихъ мѣстѣхъ Казанскіе люди, и головы съ дѣтьми боярскими ихъ побивали вездѣ и побили на бояхъ и въ языки ихъ поймали честныхъ людей 6 человѣкъ, а въ полонъ взяли робятъ и жонокъ татарскихъ полону 8.000 и городъ на Мешѣ сожгли и людей въ нихъ, немногихъ заставъ, побили, а иные изъ него выбѣжали, и окрестные тутъ села всѣ повыжгли и людей повыбили и городъ до основанія разорили. А война ихъ была отъ Казани и по Камѣ и по Волгѣ, за Ошихъ и за Уржумъ и на Илитъ и подъ Вятскія волости, отъ Казани вверхъ по Камѣ полтретья ста верстъ, а отъ Волги къ Вяткѣ поперекъ 200 верстъ, а ходили изъ Казани 4 недѣли. И пришли къ воеводамъ Усеинъ Сеитъ да Таокмышъ Шихзада, да Сарый богатырь и за всѣ Арскую сторону и побережную побили челомъ, что имъ Государю дань давати".

Такимъ образомъ, большой походъ закончился удачно и Арскіе люди подчинились. Мало того, въ слѣдующемъ, 1556-омъ, году они даже выступаютъ на сторонѣ Москвы противъ луговыхъ черемисъ, остававшихся незамиренными. Но въ дальнѣйшемъ лѣтопись говоритъ о новомъ возстаніи татаръ въ 1556 году и о рѣшительномъ его подавленіи:

„Побили измѣнниковъ на голову и живыхъ поймали и привели къ воеводамъ живыхъ Кебенка князя, Курманалія князя, Кулая мурзу да Нинчабека мурзу Баштаргаева и иныхъ многихъ князей и мурзъ. И воеводы велѣли ихъ всѣхъ побити. И Арскіе люди и побережные переимали сами многихъ татаръ, которые не прямили Государю; да иныхъ сами

побивали, а иныхъ къ воеводамъ приводили, да сами ихъ рѣзали и побивали передъ воеводами; и побили ихъ той осенью 1650 именныхъ людей: князя да мурзу, да сотнаго князя. А луговые сотники Мамичъ Бердѣй съ товарищы въ городъ не пошли и воруютъ по старому на Волгѣ, приходя на суды. И Государь на нихъ рать большую послалъ".

Пролитіемъ крови расправа не ограничилась: казанцы-магометане были выселены изъ Казани и образовали особую слободу (нынѣ Старо-Татарская), а всѣ мечети въ чертѣ города были преданы уничтоженію. Однако, энергичное подавленіе возстанія казанскихъ татаръ не остановило Арскихъ людей отъ новой измѣны. Въ 1557 году они перебили стрѣльцовъ, которые, по словамъ лѣтописи,

„у нихъ были на береженіи въ посылкѣ съ Мамычъ Бердѣемъ; а Мамычъ Бердѣй взялъ къ себѣ царевича; а пришелъ къ нимъ изъ Ногай и живетъ на луговой сторонѣ".

Для подавленія этого новаго возстанія Арскихъ людей изъ Казани былъ отправленъ Петръ Морозовъ:

„За Арскомъ на Мешѣ встрѣтилъ Петра Девякъ-мурза, Кулай — мурзинъ братъ, съ Арскими людьми. И Петръ на него послалъ головы и дѣтей боярскихъ, князя П. Г. Засѣкина, а съ нимъ дѣтей боярскихъ и стрѣльцы и новокрещены. И Дивлюка со всѣми товарищы побили и самого жива поймали и многихъ его товарищевъ поимали. И послѣ того Петръ воевалъ 10 дней и всѣ Арскія мѣста повоевалъ и побилъ многихъ людей и полону вывелъ безчисленно много".

Въ результатѣ этихъ дѣйствій Арскіе люди „пришли въ Казань и били челомъ за свои вины". Впослѣдствіи горными черемисами былъ выданъ московскимъ воеводамъ и самъ опасный Мамычъ Бердѣй.

Таковы были событія, имѣвшія мѣсто вблизи центра Понизовья, Казани, въ первые годы послѣ покоренія ея Иваномъ Грознымъ. Мы привели подлинныя слова лѣтописи, повѣствующей объ этихъ событіяхъ, дабы убѣдительнѣй показать, какая сложная обстановка складывалась во вновь завоеванномъ царствѣ. Главный городъ, Казань, пріобрѣлъ характеръ сильной крѣпости. Разрушенныя при осадѣ стѣны приказано было возобновить, при чемъ вмѣсто деревянныхъ построены были прочныя каменныя. Даже вокругъ посада возведенъ былъ дубовый острогъ. Посѣтившій Казань въ 1636 году Олеарій описываетъ ее какъ настоящую, хорошо оборудованную крѣпость. Гарнизонъ Казани былъ по тому времени громадный. Онъ состоялъ изъ 180 дѣтей боярскихъ, 618 стрѣльцовъ, 33 пушкарей и 100 дрябовъ или „полоцкихъ" людей (польскихъ и нѣмецкихъ наемныхъ солдатъ). Управляли Казанью пять воеводъ. Во второмъ по значенію городѣ края, Свіяжскѣ, было 417 стрѣльцовъ и 20

пушкарей. Управляли городомъ 4 воеводы[1]). Дѣти боярскіе въ Казани и въ Свіяжскѣ не имѣли права сажать вмѣсто себя въ свои городскіе дворы дворниковъ, какъ это дѣлалось всюду, даже въ украинныхъ городахъ. Здѣсь, въ Понизовьѣ, дѣти боярскіе должны были жить въ городскихъ дворахъ сами, такъ какъ они несли тутъ дѣйствительную службу[2]). Кромѣ главныхъ военныхъ центровъ края — Казани и Свіяжска — по всей территоріи Понизовья были устроены многочисленные военные поселки и крѣпости. Вотъ что мы читаемъ въ описаніи города Казани, относящемся къ 1560 году:

„А городовые ворота всѣ затворяютъ и замыкаютъ всегда городничіе на ночь на послѣднемъ часу дни, а съ утра и одни городовые ворота отмыкаютъ городничіе же на первомъ часу дня; а ключи всѣхъ городовыхъ воротъ съ утра и всегда городничіе относятъ къ боярину и воеводѣ большому... объѣзжаютъ городъ... перемѣняясь во всю ночь, а пересматриваютъ на сторожахъ людей... а по тѣмъ острожнымъ воротамъ по всѣмъ сторожамъ около посаду всегда на первомъ часу ночи объѣзжаетъ воевода да съ нимъ дѣти боярскіе его полку, а послѣ воеводы въ ту же ночь изъ свѣтлицъ ѣздятъ головы и дѣти боярскіе по тѣмъ же сторожамъ, пересматриваютъ на сторожахъ людей“[3]).

Это описаніе ясно обнаруживаетъ тревожность и ненадежность положенія въ Казани. Приходилось быть все время на сторожѣ, день и ночь готовиться къ возможному нападенію. И не напрасно, такъ какъ въ концѣ царствованія Ивана Грознаго, съ 1572 года по 1584 годъ, инородческія возстанія вновь бушуютъ отъ Волги до Урала. На этотъ разъ повстанцы пытаются даже завести сношенія съ крымскимъ ханомъ Девлетъ-Гиреемъ[4]) и съ Сибирскимъ салтаномъ. Относительно послѣдняго мы находимъ указанія въ царской грамотѣ Строгановымъ 1574 года: „а къ нашимъ-де измѣнникомъ къ черемисѣ, какъ намъ была черемиса измѣнила, посылалъ Сибирской (салтанъ) черезъ Тахчей, и перевелъ Тахчей къ себѣ, а прежде сего Тахчеевы намъ дани и въ Казань ясаковъ не давали, а давали-де ясакъ въ Ногаи“[5]). Главнымъ объектомъ инородческихъ нападеній явились Пермскія мѣста, въ виду чего Иванъ Грозный въ 1576 году вынужденъ

[1]) Н. Чечулинъ. Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ. СПБ. 1889, стр. 202-217.

[2]) Тамъ же, стр. 212.

[3]) Тамъ же, стр. 213. прим. 1.

[4]) Можаровскій. Изложеніе хода миссіонерскаго дѣла по просвѣщенію казанскихъ инородцевъ съ 1552 г. по 1867 г. Чтенія въ И. О. И. и Д. Р. 1880. Книга 1.

[5]) Шишонко. Пермская лѣтопись, стр. 71.

былъ образовать Камскую судовую рать подъ предводительствомъ князя Тюфякина и головы Нарышкина. Однако, въ 1581 году Пелымскій князь Кихекъ съ сибирскими, сылвенскими и пренскими татарами, а также ногайцы изъ Уфы совмѣстно съ вотяками, вогульчами и остяками вновь произвели нападеніе на Строгановскія села по средней Камѣ, на Чердынь, Кай-городъ, Камское усолье, Канкоръ, Кергеданъ и на Чусовской городокъ. Для отраженія этого нападенія и для подавленія непрекращавшагося возстанія, въ виду недостатка правительственныхъ средствъ, были призваны Строгановы съ ихъ ратными людьми.

При Ѳедорѣ Іоанновичѣ Московское правительство возвело цѣлую систему укрѣпленныхъ городовъ въ нагорной и луговой сторонахъ Волги; города эти должны были служить опорными пунктами для подавленія повстанческихъ движеній. Что касается южныхъ и юго-восточныхъ кочевниковъ, то для защиты отъ нихъ въ девяностыхъ годахъ XVI вѣка подлѣ Тетюшъ была устроена укрѣпленная засѣка въ вѣковомъ лѣсу между Волгой и Свіягой[1]), а въ началѣ XVII вѣка на рѣчкѣ Карлѣ, лѣвомъ притокѣ Свіяги, основана слобода, въ которой поселено 200 человѣкъ „полковыхъ казаковъ“, а съ правой стороны Свіяги построенъ острожекъ „для приходу воинскихъ людей“[2]).

Совершенно особое значеніе пріобрѣли инородческія возстанія въ эпоху Смутнаго времени. Безпокойные элементы, выброшенные изъ предѣловъ коренныхъ русскихъ земель, находили себѣ вѣрный пріютъ на широкомъ раздольи Понизовья. Здѣсь, на безлюдныхъ въ то время берегахъ великой рѣки, эти безпокойные элементы — голутвенные люди — ускользали отъ цѣпкихъ лапъ московской администраціи, здѣсь была „вольная воля“, полное избавленіе отъ всей „тяготы мірской“. И „понизовая вольница“ разгулялась по всей Волгѣ, заплывая и въ Каспійское море, грабила купцовъ и избивала царскихъ людей и слугъ. Естественно, что этотъ безпокойный элементъ не могъ не принять дѣятельнаго участія въ Смутѣ, лишь только вѣсть о шатаніи Москвы достигла разбойничьихъ гнѣздъ. Объектомъ нападенія стали теперь не только торговые люди и правительственные агенты, но и мирное, сельское и городское населеніе. Такъ, напримѣръ, въ Чебоксарахъ вольскіе казаки сбросили съ башни игумена, побили многихъ посадскихъ людей и разграбили казну[3]). А села Свіяжскаго уѣзда были „отъ измѣнниковъ выжжены, а крестьяне побиты, а иные въ осадѣ померли, а иныя разбрелися“[4]).

[1]) А. М. Ю. Писцовыя книги. № 153, лл. 1464-67.
[2]) Г. Перетятковичъ. Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вѣка. Одесса. 1882, стр. 72.
[3]) Прав. Собес. 1864, февр., стр. 202.
[4]) А. А. Э., т. III. № 86.

Одновременно поднялась и бóльшая часть инородцевъ. Имъ были чужды политическіе и династическіе споры, волновавшіе и раздѣлявшіе русскихъ людей. Имъ были въ общемъ безразличны соціальныя стремленія закабаленной и обездоленной крестьянской массы. У инородца, по выраженію Платонова, „были свои нужды, свои бѣды и свои желанія; ему докучали послѣдствія московскаго завоеванія и русской колонизаціи, т. е. утрата земельнаго простора, тяжесть податного бремени“[1]). Разжигали смуту здѣсь не „воровскіе листы“ Самозванца, но мѣстныя неурядицы. „Наиболѣе сильное и энергичное изъ инородческихъ племенъ средняго Поволжья, мордва, сдѣлалась первою выразительницею недовольства въ своемъ краѣ“[2]). Повстанческія банды постепенно объединились и пріобрѣли организованный характеръ. Любопытную подробность отмѣчаетъ Платоновъ: „въ воровскихъ отрядахъ было мало собственно русскихъ людей: «а у черемисыде было русскихъ людей только два казака терскихъ, да шанчурскихъ и косьмодемьянскихъ стрѣльцовъ человѣкъ съ шестьдесятъ»“[3]). Появились и выборные вожди-старѣйшины — мордвины Варкадинъ и Московъ. Инородческія банды перешли въ наступленіе противъ Москвы, вторглись въ русскія земли и безуспѣшно осаждали Нижній-Новгородъ въ 1606 году. Банды эти „многія пакости дѣяху“. Въ 1608 и 1609 годахъ центръ движенія перебросился къ востоку, на земли горной и луговой черемисы. Отъ Суры до Вятки, по обоимъ берегамъ Волги, поднялись понизовые люди и вновь создали угрозу не только Нижнему, но и Ярославлю. Отписка нижегородцевъ въ Пермь[4]) такъ повѣствуетъ объ отбитіи воровъ отъ Нижняго въ 1609 году:

„декабря же въ 5 день приходили къ Нижнему воровскіе люди, нижегородцы и арзамасцы и алатырцы, дѣти боярскіе, и татарове и черемиса и мордва, бортники и всякіе подымные люди: и Божіею милостью и Пречистыя Богородицы и Московскихъ чудотворцевъ помощью и государевымъ царевымъ и великого князя Василія Ивановича всея Русіи счастьемъ, на вылазкѣ мы, съ дворяны и съ головами, и съ дѣтьми боярскими, и съ литвою и съ нѣмцы, и съ стрѣльцы, и съ нижегородцы и со всякими служилыми людьми воровъ на голову побили и воеводъ воровскихъ и языковъ поймали болши трехсотъ человѣкъ“.

Нападеніе на Ярославль было совершено весной 1609 года. Отписка ярославцевъ въ Пермь[5]) говоритъ объ этомъ такъ:

[1]) С. Ѳ. Платоновъ. Очерки по исторіи Смуты. Изд. 3. СПБ. 1910, стр. 358.

[2]) Тамъ же, стр. 311.

[3]) Тамъ же, стр. 358.

[4]) Шишонко. Пермская лѣтопись, стр. 194.

[5]) Тамъ же, стр. 208.

„апрѣля въ 30 день пришли подъ Ярославль воры литовскіе люди и казаки и татаровя и Государевы измѣнники". Неудача подъ Нижнимъ не помѣшала повстанцамъ, подъ предводительствомъ мурзъ, захватить Яренскъ, Санчурскъ, Козьмодемьянскъ, Царевококшайскъ, Цывильскъ, Котельничъ и подступить къ Свіяжску. Относительно взятія Котельнича читаемъ въ одной изъ грамотъ:

„всякіе воры и черемиса и многіе люди городъ Котельничъ взяли и церкви Божіи осквернили и многихъ людей побили и до основанія разорили"[1]).

А Хлыновскій воевода кн. Ухтомскій въ посланіи къ пермичамъ[2]) въ слѣдующихъ выраженіяхъ описываетъ это печальное событіе:

„Государевы измѣнники, воры, волжскіе казаки, которые были подъ Свіяжскомъ, собрався съ чебоксарскими и съ козьмодемьянскими и шанчуринскими и съ царегородскими и яранскими стрѣльцы и со всякими русскими воры, и съ луговою черемисою со многими людьми и, пришедъ изъ Яранска къ Вяткѣ, Котельничъ-городокъ взяли, и церкви Божіи осквернили и образы одравъ покололи и сотника стрѣлецкаго Захара Попова на колъ посадили, и многихъ людей побили, а женъ и дѣтей позорятъ".

Въ томъ же 1609 году возстаніе перекинулось на верхнюю Каму и дальше, за Уралъ: „взбунтовались верхотурскіе, тобольскіе, пелымскіе, березовскіе и другіе вогулы и остяки съ цѣлью овладѣть Тюменью и убить всѣхъ русскихъ. При этомъ татары полагались особенно на помощь калмыковъ"[3]). Возстаніе это было, однако, подавлено безъ большого труда. Но уже въ 1612 году вновь „была измѣна и шатость отъ вогуличъ, которые хотѣли Верхотурье сжечь и служилыхъ людей убити и умыслити, чтобы имъ быти себѣ царствомъ, какъ было при Кучумѣ царѣ"[4]).

Въ общемъ, въ броженіе пришли всѣ слои населенія и, повидимиму, всѣ народности. Въ результатѣ, еще въ двадцатыхъ годахъ XVII вѣка отмѣчаются въ Казанскомъ уѣздѣ поселенія, въ которыхъ „крестьянскіе дворы пустые отъ татарскаго разоренія". Крестьяне изъ этихъ поселеній „разбѣжались отъ татарскія шатости". Необходимо, однако, отмѣтить, что не всѣ инородцы, по выраженію Платонова, „вышли съ лучнымъ боемъ изъ родныхъ лѣсовъ на большія дороги и бойкія побережья судоходныхъ рѣкъ"[5]). „Среди нихъ отдѣлилось не мало людей труда и порядка, которые въ это время поддерживали русскихъ

[1]) А. А. Э., т. III., № 148.
[2]) Шишонко. Пермская лѣтопись, стр. 216.
[3]) Тамъ же, стр. 221.
[4]) Шишонко. Пермская лѣтопись, т. III, стр. 215.
[5]) С. Ѳ. Платоновъ. Очерки по исторіи Смуты. Изд. 3. СПБ. 1910, стр. 358.

воеводъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, сидѣли вмѣстѣ въ осадѣ и съ русскими же вмѣстѣ терпѣли лишенія и опасности, какъ въ городѣ, такъ, вѣроятно, и въ уѣздѣ"[1]). Къ началу XVII вѣка относятся, напримѣръ, свѣдѣнія, что въ Казанскомъ уѣздѣ за служилыми инородцами числилось около 92 кабаковъ, 42 бортныхъ ухожая, 6 перевозовъ на разныхъ рѣкахъ и 5 бобровыхъ гоновъ[2]).

Съ избраніемъ Михаила Ѳедоровича смута въ Понизовьѣ не кончилась. Кочевники ногайцы въ 1614 году соединились съ атаманомъ Заруцкимъ и подступали къ Самарѣ, которую защищалъ князь Д. М. Пожарскій[3]). Весной 1614 года въ Самарскую луку для постройки острожковъ были отправлены стрѣлецкіе головы, которымъ вѣлено:

„провѣдывати всякими мѣрами про астраханскихъ воровъ (Заруцкій и Марина) и про воровскихъ казаковъ и про ногаи и про всякихъ воровскихъ людей"[4]).

Въ 1616 году положеніе въ Понизовьѣ вновь стало угрожающимъ. Пермская лѣтопись[5]) передаетъ объ этомъ слѣдующее:

„предерзостные и скорые къ бунту Казанскіе татары, наруша подданства своего присягу, взявъ въ свои головы безумное надмѣніе, въ 1616 году вдругъ взбунтовались и къ нимъ пристали чуваши, черемисы, вотяки и башкирцы. Они, собравшись великимъ скопомъ, учинили на Казань нападеніе и держали оную нѣсколько времени въ осадѣ, а прочіе измѣнники пошли къ рѣкѣ Камѣ и стоящіе по Камѣ пригородки — Сарапулъ и Осу, такожъ держали въ осадѣ, а въ окрестныхъ мѣстахъ тѣхъ пригородовъ многихъ людей побили и въ полонъ побрали: села и деревни, опустоша, выжгли".

Строгановы на свои средства организовали экспедицію „Осу и Сарапулъ выручали и татаръ многихъ побили и достальныхъ привели подъ нашу Государскую высокую руку".

Однако, Москва справилась съ тяжелымъ кризисомъ. Западные враги, поляки, были изгнаны, соціальная революція потушена, инородческое движеніе подавлено. Царствованіе перваго Романова ушло на приведеніе въ относительный порядокъ нарушенныхъ Смутой внутреннихъ, домашнихъ дѣлъ. Но непрестанныя, сложныя заботы объ этихъ внутреннихъ дѣлахъ не отвлекали, однако, вниманія Московскаго правительства отъ восточныхъ окраинъ, заселенныхъ инородцами. Обезпокоенное все усиливавшимся бѣгствомъ инородцевъ съ насиженныхъ мѣстъ

[1]) Г. Перетятковичъ. Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вѣка. Од. 1882, стр. 26.

[2]) Тамъ же, стр. 106, прим. 1.

[3]) Тамъ же, стр. 30.

[4]) А. И., т. III. №№252, 259.

[5]) Шишонко. Пермская лѣтопись, т. II, стр. 69.

вслѣдствіе притѣсненій и налоговъ, Московское правительство въ воеводскихъ наказахъ стремится внушить своимъ агентамъ разныя мѣры, „чтобы впредь ясачные люди не разбѣжались... чтобъ черемисы не ожесточить и не разогнать“[1]). Но не одинъ налоговый прессъ заставлялъ инородцевъ уходить. Русскій колонизаціонный потокъ продолжалъ широко вливаться въ Понизовье, прочнѣй осваивая территоріи по средней Волгѣ и ея притокамъ. И борьба не утихала, центръ ея передвинулся только дальше на востокъ и на югъ. Боевыя задачи Московскаго правительства сосредоточивались теперь въ районѣ Камы, Бѣлой, Яика, а также въ предѣлахъ нынѣшнихъ Симбирской, Пензенской и Тамбовской губерній. Главные враги теперь уже не черемисы, не мордва, не „Арскіе люди“, а кочевые или полукочевые татары, башкиры и калмыки. Еще въ 1636 году Московское правительство для защиты Рязанскихъ, Шацкихъ и Мещерскихъ окраинныхъ мѣстъ распорядилось построить рядъ укрѣпленныхъ городовъ къ востоку отъ рѣки Воронежа и провести между ними валъ. Въ силу этого распоряженія возникли города Козловъ, Тамбовъ, Верхній и Нижній Ломовъ и другіе. Но уже въ 1648 году явилась настоятельная необходимость довести засѣчную черту до Волги. На берегу послѣдней боярином Богданомъ Хитрово была возведена сильная крѣпость Симбирскъ, служившая началомъ укрѣпленной черты, шедшей въ юго-западномъ направленіи. „Черта состояла изъ непрерывнаго вала со рвомъ, увѣнчаннымъ деревяннымъ тыномъ. Въ лѣсныхъ мѣстахъ валъ прерывался засѣкой“[2]). За Инсаромъ эта новая черта соединялась со старой, Нижне-Ломовской. Мѣстность, лежавшая по сю сторону черты, получила названіе Русской стороны и была причислена вмѣстѣ съ возведенными городами къ Руси, а все, что осталось внѣ черты, стало называться Ногайской, Крымской или Степной стороной. Въ слободахъ и острожкахъ на чертѣ для надобностей службы водворялись изъ ближайшихъ и отдаленныхъ мѣстъ одинаково какъ русскіе, такъ и замиренные инородцы — татары, мордва, чуваши. Черта охранялась очень тщательно: частыя сторóжи на возвышенныхъ мѣстахъ, гдѣ постоянно находилась вооруженная стража, разъѣзды вглубь степи цѣлыми отрядами-станицами, прекрасная организація доставки свѣдѣній о грозящей опасности посредствомъ спеціальныхъ вѣстовщиковъ и пр. Всѣмъ начальствующимъ лицамъ строго наказывалось „чтобы воинскіе люди на русскія и на мордовскія деревни безвѣстно не пришли и дурна какого не учинили и уѣздныхъ людей не повоевали и не побили и въ полонъ

[1]) Г. Перетятковичъ. Поволжье въ XVII и началѣ XVIII в. Од. 1882, стр. 39.

[2]) Тамъ же, стр. 74—75.

не поймали“[1]). Точно также и Камскій районъ надо было охранять и укрѣплять въ виду безпокойнаго сосѣдства калмыковъ. Послѣдніе въ концѣ царствованія перваго Романова присягнули „быть подъ высокою царскою рукою“, но подданство это было чисто номинальное, такъ какъ калмыцкія нападенія на русскихъ поселенцевъ продолжались все послѣднее время. Въ сороковыхъ годахъ они совершенно разгромили монастырскія села по рѣкамъ Чертыкѣ и Безднѣ, частью перебивъ, частью уведя въ плѣнъ русское населеніе и захвативъ 387 монастырскихъ лошадей и 56 мериновъ и кобылъ крестьянскихъ. Московское правительство въ цѣляхъ защиты своихъ колонистовъ возвело на лѣвыхъ притокахъ Камы рядъ крѣпостей — Ахтачинскъ, Шешминскъ, Чалны, Мензелинскъ. Но этого, видимо, было недостаточно, такъ какъ калмыки продолжали „приходить подъ Сибирскіе городы, подъ Уфу, подъ Саратовъ, подъ Астрахань и на Ногайскіе улусы; и приходя городы и уѣзды воюютъ, села и деревни жгутъ, ногайскіе улусы разоряютъ, людей побиваютъ и въ полонъ емлютъ“[2]). Вслѣдствіе этого Московское правительство въ пятидесятыхъ годахъ XVII столѣтія предпринимаетъ постройку грандіозной Закамской черты, тянувшейся отъ Волги до Бѣлой. Крайнимъ западнымъ фортомъ, расположеннымъ у самой Волги, былъ Бѣлый Яръ; затѣмъ на востокъ шли города Ерыклинскъ, Тіинскъ, Билярскъ, Ново-Шешминскъ, Кичуевскъ, Заинскъ и, наконецъ, уже упомянутый выше, перестроенный и расширенный Мензелинскъ. Между указанными пунктами тянулась сплошная укрѣпленная линія: въ лѣсахъ и болотахъ — засѣки, а на полянахъ и открытыхъ буграхъ — валы со рвами и острожками. Тѣмъ не менѣе и эта грандіозная работа оказалась недостаточной. Набѣги кочевниковъ продолжались, и возникшія было на лѣвомъ берегу Волги русскія поселенія опять пришли въ запустѣніе. Правительство царя Алексѣя Михайловича придумало тогда новый способъ защиты. Послѣ взятія Смоленска и Полоцка, служившая до того времени польскому королю Смоленская и Полоцкая шляхта получила земли вдоль Закамской черты[3]). Въ распоряженіяхъ о надѣленіи новыхъ служилыхъ землями читаемъ слѣдующее: „а построить бы ихъ (шляхтичей) землями, гдѣ напередъ сего бывали села и деревни“. На эти запустѣлыя земли вѣлено было переводить крестьянъ изъ дворцовыхъ селъ Свіяжскаго и Царевококшайскаго уѣздовъ. Хорошо владѣвшая оружіемъ шляхта призвана была защищать земли, полное освоеніе которыхъ никакъ не давалось Московскому правительству.

[1]) А. И., т. V. №208.
[2]) А. И., т. IV. №32. (1649 г.).
[3]) Г. Перетятковичъ. Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вѣка. Од. 1882, стр. 258 и слѣд.

Любопытныя данныя о неустанной борьбѣ, которую вело Московское правительство въ Понизовьѣ, мы находимъ въ выпискахъ изъ приказа Казанскаго дворца о награжденіяхъ воеводъ. Вотъ нѣсколько такихъ выписокъ[1]):

1) „Князь Петръ Волконскій въ 1634 году былъ на Государевѣ службѣ въ походѣ на Государевыхъ непослушниковъ на Казыевскихъ мурзъ и татаръ съ Государевыми ратными людьми, и въ томъ походѣ Казыевъ улусъ повоевали и многихъ татаръ побили и въ языцѣхъ поймали". За это дѣло князь Петръ пожалованъ подарками.

2) „Христофору Рыльскому за Уфимскую службу 1648 и 1649 г. г. за калмыцкій бой и за взятыхъ за 36 человѣкъ и за полонный отбой и за убереженіе соловарнаго острожка учинено..." и т. д.

3) „Ѳедору Сомову за Уфимскую службу 1661, 62 и 63 г. г., что по его посылкѣ взяты въ Уфимскомъ уѣздѣ Сибирскій Консюеръ царевичъ съ женою, да съ сыномъ, да съ племянникомъ, да Чучелея царевича жена съ сыномъ и присланы къ Москвѣ и за осадное на Уфѣ отъ башкирцевъ сидѣніе дано ему..." и т. д.

4) „Ивану Извольскому за службу, что онъ въ 1668 г., будучи на Ломовѣ, учинилъ многую прибыль и башкирцевъ въ походѣ побилъ и русскій полонъ отбилъ и ихъ татарскіе рухляди поймалъ..."

Но особенно широкую и захватывающую картину событій, имѣвшихъ мѣсто во второй половинѣ XVII вѣка на громадномъ пространствѣ между Волгой и Ураломъ рисуетъ намъ „Дѣло о награжденіи князя Михаила Андреевича Волконскаго"[2]). Челобитчикъ недоволенъ, что заслуги его отца и дѣда, князей Андрея и Ѳедора Волконскихъ, по замиренію Уфимскаго края въ шестидесятыхъ годахъ XVII вѣка остались неотмѣченными никакой наградой. Онъ проситъ заднимъ числомъ исправить эту несправедливость, пожаловавъ награду ему, челобитчику, князю Михаилу, который является сыномъ и внукомъ упомянутыхъ выше князей Андрея и Ѳедора Волконскихъ. Князь Михаилъ указываетъ въ своей челобитной, что его отецъ и дѣдъ, будучи воеводами въ Мензелинскѣ, Шешминскѣ и на Уфѣ, начиная съ 1663 года,

„три года воевали воровъ и измѣнниковъ калмыковъ и башкирцевъ", и „съ Государевыми ратными людьми ходили въ походы особными полками за измѣнники калмыки и башкирцы во многія разныя мѣста".

Въ Москвѣ къ челобитной князя Михаила отнеслись, видимо, съ осторожностью и затребовали соотвѣтствующую справку изъ

[1]) Временникъ И. М. О. И. и Др. Росс., книга 7, Смѣсь. Стр. 59—63.
[2]) Тамъ же, стр. 47.

Казанскаго дворца. Приказъ въ своей справкѣ полностью подтверждаетъ все изложенное въ челобитной и отъ себя добавляетъ слѣдующія интересныя подробности:

„Въ 1663 году отпущенъ стольникъ князь Андрей Волконскій изъ Казани для договора съ башкирцы и къ шертѣ приводить, въ Мензелинской". Имъ приведено къ шерти 543 башкирца. Въ Уфѣ ему и князю Ѳедору Волконскому „башкирцы казанскія и осинскія дороги и Ицкихъ волостей въ винахъ своихъ Великому Государю добили челомъ". Къ шерти приведено башкирцевъ, татаръ, чувашей, черемисовъ, вотяковъ 8087 человѣкъ... да поймано 4 человѣка, которые пріѣзжали для призыванія башкирцевъ въ калмыки, и посланы въ Казань, да башкирцевъ 20 человѣкъ перевѣшано, да полону распущено 768 человѣкъ. Князь Андрей въ посылкѣ на Сибирской дорогѣ Киркундѣйскую и иныя волости развоевалъ. Башкирцевъ побито 270 человѣкъ, а русскій и чувашскій полонъ отбитъ и распущенъ по домамъ". Затѣмъ князь Ѳедоръ Волконскій былъ вторично посланъ въ Уфу, такъ какъ „башкирцы всѣ учинились по прежнему въ измѣнѣ и приходятъ войною подъ Мензелинской и въ иныя мѣста". Князь Андрей писалъ ему изъ Мензелинска: „которые деи башкирцы сидѣли отъ измѣнниковъ въ осадѣ и онъ-де къ нимъ посылалъ ратныхъ людей и самъ ходилъ выручать и тѣхъ башкирцевъ выручилъ; а на Уфу идти съ малыми людьми опасается". Тогда къ Мензелинской прибылъ самъ князь Ѳедоръ Волконскій. „И подъ Мензелинской приходилъ Дайчинъ-Тайша съ калмыки и башкирцы многими людьми съ четырехъ сторонъ безвѣстно на сторожевыя сотни и проѣзжую станицу взялъ. И бояринъ князь Ѳедоръ и князь Андрей вышли за острогъ и у Государевыхъ ратныхъ людей были бои и многихъ башкирцевъ и калмыковъ побивали и съ бою калмыки и башкирцы отошли отъ Мензелинской версты съ три, а по смѣтѣ приходило башкирцевъ и калмыковъ съ 7.000 и больше. Да на другой день башкирцы и калмыки съ становъ своихъ пошли назадъ тою же сакмою и бояринъ посылалъ для поиска князя Андрея съ Государевыми ратными людьми за рѣку Мензелу; и воинскіе люди, видя Государевыхъ ратныхъ людей, пошли въ дальнія мѣста, а къ нему князю Андрею пришли отворотные люди и у Государевыхъ ратныхъ людей съ тѣми людьми былъ бой до 7 часа дня и на томъ бою измѣнниковъ и калмыкъ побивали". Только послѣ этой операціи князь Андрей могъ быть посланъ съ хлѣбомъ въ Уфу. „По его князь Андреевой посылкѣ головы сотенные и служилые люди измѣнниковъ зимовья по рѣчкамъ по Тюю да по Неуню, пять деревень Танынскихъ и Ирихтинской и Гайнинской волостей и Соликамской татаръ дворовъ съ 80 и

больше повоевали и измѣнниковъ многихъ женъ и дѣтей побили и въ полонъ поймали. А послѣ того на тѣхъ Уфинскихъ служилыхъ людей приходили измѣнники башкирцы на лыжахъ; и съ ними былъ бой и на томъ бою измѣнниковъ побили и гоняли за ними до трехъ засѣкъ и засѣки забоемъ прошли да острогъ измѣнничій взяли и измѣнниковъ съ женами и съ дѣтьми въ засѣкѣ и въ острогѣ побили, и иныхъ живыхъ взяли и деревни многія разорили, да на бояхъ въ засѣкахъ и въ острогахъ взяли 31 пищалей и мушкетовъ и зелье и свинецъ и привезли въ Уфу; и въ дорогѣ на тѣхъ ратныхъ людей измѣнники трижды приходили и были бои, и на тѣхъ на всѣхъ бояхъ измѣнниковъ ратные люди побили съ 200 человѣкъ и больше, да женъ и дѣтей съ 400, опричь тѣхъ, которые, разбѣжався изъ засѣкъ, позябли". „Полону привели 50 человѣкъ". Всего, по подсчетамъ справки, княземъ Андреемъ въ 1663 году побито 270 башкирцевъ, а въ 1664 году — 680.

Не менѣе красочныя данныя о событіяхъ въ районѣ средней Камы и ея притоковъ можно извлечь изъ Пермской лѣтописи. Въ 1661 году уфимскіе башкиры, совмѣстно съ кунгурскими татарами, взяли приступомъ городъ Кунгуръ, при чемъ предали его огню и мечу. Вотъ что сообщаетъ объ этомъ событіи донесеніе Верхотурскаго воеводы Комынина[1]):

„Кунгуръ-де съ Ильина дня весь повоевали татары, а съ ними 50 человѣкъ литовскихъ людей, и башкирцы, и мордва, и черемиса, и чуваши. И русскихъ людей посѣкли. А сидятъ-де тѣ татаровя на Сылвѣ подъ Спасскимъ монастыремъ, а въ Спасскомъ монастырѣ сидятъ русскіе многіе люди въ осадѣ, а выручить-де ихъ некому, а крестьянскіе дворы на Сылвѣ всѣ выжжены. Татаровя-де, повоевавъ Кунгуръ, ставятъ себѣ острогъ, а стрѣляютъ-де тѣ татаровя, противъ нѣмецкаго, чиненными ядрами".

Послѣ этого приказано было построить новый городъ Кунгуръ у села Мысъ, при чемъ, въ виду постоянной опасности отъ башкирцевъ, возведены были сильныя укрѣпленія: построена 4-угольная срубленная крѣпость съ бойницами, вышиною 3 сажени; въ ней было 8 башенъ, изъ коихъ двѣ съ проѣзжими воротами[2]). Въ 1662 году возмущеніе вспыхнуло на рѣкѣ Исети; измѣнили башкирцы, черемисы, татары и стали разорять русскія слободы. Одновременно поднялись и верхотурскіе вогуличи, крича: „поднялся на Русь нашъ царь"! Возстаніе произошло по уговору съ крымскимъ ханомъ. О сношеніяхъ съ послѣднимъ уфимскихъ башкиръ и казанскихъ татаръ калмыцкіе тайши (начальники) доносили въ Москву еще въ пятидесятыхъ годахъ.

[1]) Шишонко. Пермская лѣтопись, т. III, стр. 679.
[2]) Тамъ же, стр. 671.

Доносили тайши также и о молвѣ среди инородцевъ, что „прежде эти земли были не Государевы, а Казанскія". Башкиры, соединясь съ татарами уфимскими, сылвинскими, казанскими, вятскими и уржумскими, увлекли за собой верхотурскихъ вогулъ и другихъ зауральскихъ инородцевъ. Это движеніе извѣстно подъ именемъ „Перваго Башкирскаго бунта". Вызванъ онъ былъ, несомнѣнно, усиленіемъ русской колонизаціи. Въ слѣдующемъ 1663 году Пермская лѣтопись отмѣчаетъ слѣдующее:

„измѣнники-башкирцы Арамашевской слободы Монастырское село повоевали, церковь Божію со всѣмъ строеніемъ сожгли, хлѣбъ въ житницы и дворъ монастырскій и крестьянскіе дворы всѣ пожгли и мельницу, старца посельского убили, крестьянъ 78 человѣкъ убили, женского полу и дѣвокъ и робятъ въ церкви пожгли и въ полонъ взято 95 душъ, кромѣ младенцевъ, и лошадей и скотъ и овцы отогнали"[1]).

Въ томъ же году бояринъ и воевода кн. Г. С. Куракинъ и Михаилъ Петровичъ Волынскій велѣли:

„Дмитрію Ондр. Аристову ѣхать изъ Казани на Каму рѣку на заставу... и стоять противъ измѣнниковъ башкирцевъ и калмыцкихъ и ногайскихъ воинскихъ людей, и учинить строй по своему усмотрѣнію, чтобъ воинскихъ людей черезъ Каму рѣку въ Казанскій уѣздъ не перепустить. И пріѣхавъ ему Дмитрію быть въ тѣхъ мѣстахъ для береженія отъ прихода воинскихъ людей, стоять съ великимъ береженіемъ и по Камѣ рѣкѣ вверхъ и внизъ посылать проѣзжія станицы по скольку человѣкъ и до которыхъ мѣстъ пригоже, и по Камѣ рѣкѣ велѣть провѣдывать накрѣпко, чтобъ воровскіе воинскіе башкирцы и калмыки и ногайцы черезъ Каму рѣку на Казанскую сторону безвѣстно не пришли и дурна какого надъ казанскимъ уѣздомъ не учинили; и по Камѣ рѣкѣ, гдѣ чаять воровскимъ башкирцомъ переходу, вверхъ и внизъ, поставить крѣпкіе караулы и уѣзднымъ людямъ караульщикамъ приказать въ ночи класть по берегу огни частые, чтобъ по карауломъ огонь отъ огня былъ виденъ, и надъ тѣми караулы самому надсматривать по часту, чтобъ измѣнники башкирцы и калмыки и ногайскіе люди черезъ Каму рѣку тайнымъ обычаемъ не переѣхали и безвѣстно не пришли и людей не побили и въ полонъ не поимали". — Если придутъ „небольшіе воинскіе люди" — самому надъ ними промышлять; если же большіе — отступать къ Казани, и въ уѣздъ послать вѣсть, что „воинскіе люди Каму рѣку перелазятъ и они бъ бѣжали въ городъ и въ лѣса и въ крѣпкія мѣста"[2]).

[1]) Шишонко. Пермская лѣтопись, т. III. стр. 739.

[2]) Тамъ же, стр. 769—771.

Приведенныя длинныя выдержки съ наглядностью рисуютъ тяжелую обстановку борьбы въ Закамскомъ краѣ. Инородцы вовсе не замирены. Наоборотъ, они имѣютъ свои крѣпости-остроги, наполненные боевыми припасами, они сбиваются въ громадныя, многотысячныя скопища, они захватываютъ и уводятъ въ плѣнъ мирное населеніе и угрожаютъ самой Казани. Расправа съ ними воеводъ-усмирителей бываетъ жестокой. Источники все время говорятъ объ избіеніи женъ и дѣтей повстанцевъ. Но все это мало помогаетъ, и кровавая борьба затягивается въ общемъ еще на столѣтіе.

Въ 1670 году приволжскіе инородцы увеличили собой нестройныя полчища Стеньки Разина. Движеніе Разина питалось соціальнымъ протестомъ общественныхъ низовъ Московскаго государства, и естественно, что въ это движеніе вновь, какъ въ эпоху Смуты, влилась самостоятельная струя недовольства инородческаго. Это недовольство имѣло достаточныя основанія, такъ какъ Московскіе администраторы и служилые люди ни въ чемъ не стѣсняли себя въ вымогательствахъ и насиліяхъ относительно инородцевъ. Въ 1639 году, въ результатѣ злоупотребленій при сборѣ ямскихъ денегъ, въ конецъ разоренныя мордовскія племена Терюханъ и Ердзянъ, не дождавшись уборки урожая, бросили свои земли въ Арзамасскомъ уѣздѣ и, забравъ движимое имущество, частью разбрелись по Муромскимъ лѣсамъ, частью ушли внизъ по Волгѣ. Спеціальный изслѣдователь мордвы, Мельниковъ, говоритъ, что „черезъ все XVII столѣтіе продолжаются стѣсненія мордвы, то и дѣло заставляющія ее бѣгать изъ мѣстъ своего жительства; къ тяжкимъ податямъ, къ налогамъ, къ обидамъ воеводскимъ и разныхъ другихъ служилыхъ людей, со временъ патріарха Никона присоединились еще новыя бѣды для мордвы — насильственное обращеніе ихъ въ христіанскую вѣру“[1]). Недовольствомъ была охвачена, разумѣется, не одна мордва. Во всякомъ случаѣ въ шайкахъ Разина мы видимъ и другихъ инородцевъ. „Башкиры, калмыки, мордва и черемисы, говоритъ спеціальный изслѣдователь Разинскаго движенія А. Н. Поповъ[2]), возмутились, ходили шайками, соединялись съ казаками и грабили мирныхъ жителей“. Исторія усмиренія Разинскаго бунта явно свидѣтельствуетъ, что московскимъ воеводамъ приходилось имѣть дѣло и съ инородцами. Такъ, „въ продолженіе двухнедѣльнаго похода къ Симбирску князь Борятинскій (Юрій Никитичъ. *Б. Е.*) постоянно встрѣчалъ разбойничьи шайки и оружіемъ долженъ былъ пролагать себѣ путь въ странѣ чувашей, мордвы и черемисы... Онъ встрѣтилъ при рѣкѣ Казанкѣ новую шайку казаковъ, соединившихся съ мордвою,

[1]) П. Мельниковъ. Очерки мордвы. Русскій Вѣстникъ 1867. VI.

[2]) А. Н. Поповъ. Исторія возмущенія Стеньки Разина. Русская Бесѣда. М. 1857. II, стр. 41.

чувашами и черемисами“[1]). Въ то же время другой князь Борятинскій, Даніилъ, дѣйствовалъ противъ мятежниковъ между Казанью и Нижнимъ. По дорогѣ къ Косьмодемьянску „онъ встрѣтилъ толпы чувашей и черемисовъ, разбилъ ихъ, въ первыхъ числахъ ноября занялъ Василь-городъ“[2]). Въ ноябрѣ же князь Юрій Борятинскій разбилъ одного изъ подручныхъ Разина, атамана Ромашко, поддержаннаго калмыками подъ начальствомъ мурзы Койко. При этомъ у мятежниковъ было взято 11 пушекъ и 24 знамени[3]). Московское правительство знало, что „нагорныя стороны черемиса вся воруетъ съ воровскими казаками“.

Наступившее послѣ Разинской бури относительное затишье на правомъ берегу Волги благопріятствовало развитію тамъ русской колонизаціи. Колонизаціонный потокъ широкой волной перелился черезъ проведенную въ сороковыхъ годахъ засѣчную черту Тамбовъ — Инсаръ — Симбирскъ. Московское правительство оказалось вынужденнымъ для защиты вновь освоенныхъ земель создать новую засѣчную черту, гораздо южнѣе прежней. На Волгѣ, ниже Самарской луки, въ восьмидесятыхъ годахъ XVII столѣтія возникъ городъ Сызрань и на западъ отъ него построена Сызранская засѣчная черта. Что касается лѣваго берега Волги, то тамъ башкирскіе бунты не прекращались даже послѣ того, какъ утихло Разинское движеніе. Въ 1675 году строжайше запрещено было продавать и промѣнивать инородцамъ порохъ, свинецъ, пищали и всякаго рода оружіе. И не напрасно, такъ какъ уже въ слѣдующемъ, 1676, году Казанскій воевода Иванъ Милославскій увѣдомлялъ Кунгурскаго воеводу Ѳедора Алексѣевича Зеленого, что

„башкирцы идутъ воевать съ рѣки Кинели къ Закамской чертѣ, а потому, чтобы въ Кунгурѣ и въ окольныхъ деревняхъ жили крестьяне и всякихъ чиновъ люди съ великимъ береженіемъ и посылали бы по часту для развѣдыванія объ измѣнникахъ башкирцахъ; если же башкирцы нападутъ, то чтобы кунгурцы бѣжали или въ городъ Кунгуръ или въ крѣпкія мѣста — въ осаду“[4]).

Любопытныя свѣдѣнія сообщаетъ царская грамота Чердынскому воеводѣ Дмитрію Наумову (1679 г.):

„башкирцы-де промежъ себя говорили: городъ-де Чигиринъ турскіе и крымскіе люди взяли и Великого Государя людей побили, потому они приходить будутъ, что ихъ вѣра

---

[1]) А. Н. Поповъ. Исторія возмущенія Стеньки Разина. Русская Бесѣда. М. 1857. II, стр. 42.

[2]) Тамъ же, стр. 46.

[3]) Тамъ же, стр. 44—45.

[4]) Шишонко. Пермская лѣтопись, т. IV, стр. 57.

одна, Турскіе-де и Крымскіе станутъ тамъ биться, а они-де, башкирцы и татары станутъ въ Сибири биться и воевать“[1]). Про крымскихъ людей башкиры говорили еще: „мы съ ними одна родня и душа“.

Зимой 1679 года татары и башкиры на лыжахъ подошли къ Кунгуру, взяли острогъ и выжгли окрестныя деревни. Въ слѣдующемъ, 1680, году калмыцкій тайша Аюкай заключилъ союзъ съ крымскимъ ханомъ и послалъ ему на помощь до 3.000 человѣкъ улусниковъ[2]). Въ томъ же году татары и калмыки произвели набѣгъ на Пензу, опустошивъ посадъ и сосѣднія села. Вскорѣ положеніе еще болѣе осложнилось. Возставшіе башкиры привлекли на свою сторону калмыковъ съ ихъ начальникомъ Аюкаемъ. Воеводскія донесенія 1682 года такъ рисуютъ новую опасность:

„Аюкай и иные тайши, собрався со своими ратными людьми, пошли подъ Казанскіе и Уфимскіе уѣзды войною, по присылкѣ воровскихъ башкирцевъ и казанскихъ татаръ... а пошло-де съ ними воинскихъ людей калмыковъ и татаръ съ сорокъ тысячъ“. И далѣе: „Калмыцкій царевичъ Дидюбакъ Бокаевъ съ воинскими людьми съ калмыки зимовалъ подлѣ озера Чердаклы (на лѣвомъ берегу Волги противъ Симбирска), а съ нимъ калмыковъ сорокъ тысячъ“[3]).

Набѣги эти кончились полнымъ опустошеніемъ только-что начавшаго заселяться края. Во всякомъ случаѣ въ памятникахъ, относящихся ко времени непосредственно слѣдующему за этими набѣгами, мы часто находимъ указанія, что та или иная деревня „разорена и выжжена и люди отъ башкирскаго разоренія разбѣжались“. Какъ на одну изъ причинъ возстанія можно указать на мѣры правительства царя Ѳедора Алексѣевича объ отобраніи помѣстій и вотчинъ у не пожелавшихъ креститься мурзъ и татаръ. Наиболѣе непримиримые изъ нихъ, не будучи въ состояніи вынести „такихъ стѣснительныхъ для себя распоряженій правительства, рѣшились въ 1682 году снарядить посольство въ Царьградъ съ челобитьемъ къ султану Магомету IV, „чтобъ имъ изъ подъ державы Царскаго Величества свободнымъ быть“[4]). При Петрѣ Великомъ въ 1705 и 1706 г. г. башкирами была даже сдѣлана попытка возстановить самостоятельное магометанское ханство. Въ 1708 году мятежники, перейдя на правый

[1]) Шишонко. Пермская лѣтопись, т. IV, стр. 342.
[2]) Тамъ же, стр. 363.
[3]) Ист. Библ. за 1878 г., декабрь. Очерки колонизаціи Башкирскаго края. В. Новикова, стр. 45 и 48.
[4]) Можаровскій. Изложеніе хода миссіон. дѣла по просвѣщенію казанскихъ инородцевъ съ 1552 по 1867 г. Чтенія въ И. О. И. и Д. Р. 1880 г., кн. 1, стр. 36.

берегъ Камы, подступили къ самой Казани, но были отбиты и послѣ ряда неудачъ выдали своего хана, который былъ казненъ. Эти бунты причинили краю страшное разореніе. Свидѣтельствуютъ о немъ многочисленные памятники. Такъ, напримѣръ, село Сокольи горы на правомъ берегу Камы башкиры „разорили и церковь сожгли и многихъ крестьянъ побили". А на луговой сторонѣ Волги противъ Самарской луки крестьянамъ на „сѣнныхъ покосахъ въ тѣ годы было разореніе отъ прихода башкирцевъ и сѣна за тѣмъ разореніемъ не кашивали"[1]). Не лучше обстояло дѣло и на правомъ берегу Волги, гдѣ вокругъ Царицына и Саратова земли оставались незасѣянными изъ-за опасенія внезапныхъ приходовъ „Кубанской орды".

Неудачей 1708 года башкирскіе бунты, однако, не кончились, а продолжались до конца двадцатыхъ годовъ XVIII вѣка. Усиленіе русскаго колонизаціоннаго движенія вызвало въ 1735 году новый взрывъ среди инородцевъ-мусульманъ. Возстаніе охватило также казанскихъ татаръ и бушевало, съ перерывами, до 1755 года. Это возстаніе можно разсматривать, какъ послѣднюю самостоятельную попытку мусульманъ Понизовья вооруженной рукою воспрепятствовать дальнѣйшему движенію русскихъ на Востокъ. Въ царствованіе Екатерины II инородцы вооруженной рукой поддержали движеніе Пугачева.

Этими краткими свѣдѣніями и извлеченіями изъ источниковъ можно было бы ограничиться. Однако, слѣдуетъ коснуться содержанія еще одного любопытнаго памятника, относящагося къ 1685 году, а именно, „Наказа воеводѣ князю Ивану Кугушеву о пріемѣ города Инсары у воеводы Ивана Языкова"[2]) (Инсаръ — нынѣ уѣздный городъ Пензенской губерніи). Послѣ обычныхъ указаній относительно городскихъ ключей, провѣркѣ и перевѣскѣ боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ, смотра служилыхъ и всякаго чина людей, новому воеводѣ вмѣнялось въ обязанность: 1) тщательно осмотрѣть засѣки и засѣчныя крѣпости, ворота и башни въ городѣ; 2) беречь степную сторону, для чего „держать сторóжи частыя", какъ на засѣкахъ, такъ и у границъ Ломовскихъ и у Саранскаго лѣса, гдѣ эти сторóжи должны сходиться со сторóжами, посылаемыми изъ сосѣднихъ городовъ; 3) разсылать всюду „вѣстовщиковъ", чтобы

„про воинскихъ людей вѣстей провѣдывать всякими обычаями неоплошно, чтобы воинскіе люди къ Инсарѣ и мимо Инсары засѣчныхъ крѣпостей безвѣстно не прошли и надъ городами

[1]) Г. Перетятковичъ. Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вѣка. Одесса, 1882, стр. 336—337.

[2]) Временникъ И. О. И. и Д. Р., книга 14, смѣсь, стр. 1.

и надъ уѣзды дурна никакого не учинили". Вѣстовщики должны беречься, чтобъ „на нихъ воинскіе люди безвѣстно не пришли и ихъ не побили и въ полонъ не поймали. А будетъ кого въ посылкѣ воинскіе люди возьмутъ въ полонъ и учнутъ разспрашивать про вѣсти и они бъ сказывали, что въ государевыхъ украинныхъ городѣхъ и на Инсарѣ и на Ломовѣ и на Отемарѣ и на засѣкахъ стоятъ воеводы большіе, а съ ними стольники и стряпчіе и дворяне московскіе и жильцы и городовые дворяне и дѣти боярскіе и всякіе служилые многіе съ огненнымъ боемъ. А будетъ къ Инсарѣ или къ Инсарской чертѣ учинится приходъ воинскихъ людей, и князь Ивану, сослався съ Ломовскимъ, Керенскимъ и Отемарскимъ воеводы, въ тотъ татарскій приходъ на Инсарѣ и на Инсарской землѣ со всѣми служилыми людьми жить и съ великимъ береженіемъ и... надъ тѣми воинскими людьми поискъ учинить, а себя и людей уберечь и татаръ черезъ засѣку и мимо засѣкъ въ Государеву сторону не пропустить". Далѣе новому воеводѣ поручалось: „устроить въ русскую сторону стешку невелику"; содержать въ порядкѣ укрѣпленія, вырубая вокругъ нихъ лѣса,

„чтобы за тѣми засѣчными крѣпостями въ лѣсу и въ дубровахъ воинскимъ людямъ укрыться было немочно", и дабы „отъ прихода воинскихъ людей ему, князю Ивану, и всякимъ Инсарскимъ служилымъ и уѣзднымъ людямъ какого дурна не учинилось",

и, наконецъ, ловить „выходцевъ", „языковъ", „полоненниковъ" и разспросныя рѣчи и ихъ самихъ отсылать въ Москву.

Наказъ этотъ любопытенъ тѣмъ, что показываетъ, съ какимъ неослабнымъ вниманіемъ и знаніемъ дѣла слѣдитъ Москва за охраной своихъ юго-восточныхъ границъ. „Воинскими людьми" — мелкими вооруженными бандами — могущими всюду „безвѣстно" проникнуть, буквально кишатъ Приволжскія и Заволжскія земли и степи. Смертельная опасность грозитъ все время, каждый день, каждый часъ.

Итакъ, русская колонизація Понизовья проходила подъ знакомъ неустанной кровопролитной борьбы. Россіи становилось тѣсно въ предѣлахъ территоріи старыхъ удѣльныхъ княжествъ. Русскій колонистъ искалъ на востокѣ и югѣ новыхъ земель для поселенія. Отсюда — первый стимулъ борьбы восточныхъ инородцевъ съ Москвою: они защищали свои родныя земли отъ захвата ихъ русскими поселенцами. Вторымъ мотивомъ этой борьбы явились фискальныя тяготы и утѣсненія со стороны мѣстныхъ агентовъ русской власти. Наконецъ, въ качествѣ третьей причины необходимо выставить моментъ національно-религіозной розни, часто толкавшей нашихъ восточныхъ инородцевъ на путь сношеній съ далекими, но независимыми

мусульманскими государствами. Сюда же нужно отнести смутныя воспоминанія нѣкоторыхъ инородческихъ народовъ о былой независимости, уничтоженной Московскимъ натискомъ. Въ результатѣ лишь послѣ вѣковыхъ, напряженныхъ усилій удалось Россіи окончательно освоить и умиротворить Поволжье.

Б. Еврѣиновъ.

Завѣты Петра Великаго.

Петръ Великій оставилъ нѣчто болѣе значительное, чѣмъ приписываемое ему подложное завѣщаніе, а именно завѣты. Въ нихъ содержится не только отчетъ о его дѣлѣ, но и вся программа творимой Россіи. Какъ и все великое, эти завѣты очень просты. Великая, національняя, культурная Россія, какъ цѣль, служеніе отечеству, общественный подборъ и законность, какъ средства.

Смыслъ великой Россіи Петра — отрицательный и положительный. Отрицательный — ни вселенская держава, ни провинціальная Московія: Петръ не мечталъ о третьемъ Римѣ и вышутилъ псевдоморфозу Священной римской имперіи, пріурочивъ ее къ князь-кесарю Ромодановскому. Положительный смыслъ великой Россіи — расширеніе ея границъ до естественныхъ геополитическихъ предѣловъ. Въ этомъ направленіи дѣло Грознаго и Тишайшаго продолжалъ Великій. Онъ не поддавался соблазну дополнительныхъ присоединеній и непрошенныхъ вмѣшательствъ въ чужія дѣла. Посему онъ не стремился къ раздѣлу Польши, по крайней мѣрѣ настоящей, польской Польши. Онъ хотѣлъ быть въ союзѣ съ нею; какъ гласилъ договоръ 1699 г.: „обѣщаемъ другъ съ другомъ вѣрно и правдиво безъ всякаго предкновенія и лукавства обходитися, твердо другъ съ другомъ вмѣстѣ держатися... безъ всякаго лукавственнаго переворачиванія, вредительнаго разтолкованія и разширенія“. Не принялъ Петръ и представленнаго ему докторами Сорбонны предложенія аббата Пишона, по которому, подчинивъ русскую православную церковь папѣ и получивъ за это званіе императора Московіи, онъ долженъ былъ взять на себя обязательство обратить въ католичество Данію и Швецію, а также посадить на англійскій престолъ Якова Стюарта и такимъ образомъ создать священный союзъ католическихъ монарховъ. Къ Черному морю Петръ стремился, какъ къ выходу изъ Россіи, а не какъ къ выходу въ Царьградъ. Путь въ Китай и Индію занималъ его, какъ мореплавателя, а не какъ завоевателя; и Берингъ менѣе всего напоминалъ conquistador'а. Еще менѣе стремился Петръ къ заморскимъ колоніямъ, ибо онъ довольствовался Сибирью, этимъ золотымъ дномъ и русскимъ Hinterland'омъ. Посему Валишевскій совсѣмъ напрасно раздулъ его несостоявшуюся

африканскую экспедицію — для соревнованія со Швеціею на Мадагаскарѣ.

Петръ не стремился стать ни вселенскимъ владыкою, ни римскимъ цесаремъ, ни восточнымъ императоромъ. Онъ сталъ императоромъ всероссійскимъ. Вся Россія это и есть Великая Россія, что совсѣмъ не равнозначно съ Великороссіею. Такую Россію надлежало еще завоевать. Но завоеваніе разумѣлось какъ средство, а не какъ цѣль. Петру часто приходилось бывать въ полѣ межъ огнемъ. Но онъ не находилъ наслажденія въ бою, какъ таковомъ, и не гонялся за лаврами полководца. У него не было военнаго авантюризма, какъ у Карла XII, который рѣшалъ судьбу Швеціи въ Полтавѣ и Турціи и бросилъ шпагу подъ бунчукъ. Артиллеристъ, какъ и Наполеонъ, Петръ предпочиталъ быть русскимъ бомбардиромъ, чѣмъ международнымъ вершителемъ судебъ Европы. Онъ шумно праздновалъ викторіи. Но еще болѣе радовался онъ миру: „здравствуйте и благодарите Бога, православные, что толикую долговременную войну... всесильный Богъ прекратилъ“. Званіе императора было поднесено ему не послѣ Полтавы, а послѣ Ништадта „за исходатайствованіе толь славнаго и полезнаго мира“. Конечно Петръ Великій не былъ Иванушкою дурачкомъ извѣстной непротивленской сказки Толстого. И онъ понималъ, что надлежало, „надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ, дабы съ нами не такъ стало, какъ съ монархіею греческою“, иными словами дабы и безъ войны Россія всегда была внушительнымъ субъектомъ, а не безпомощнымъ объектомъ международной жизни. Но онъ видѣлъ политическое призваніе Россіи не въ войнѣ, а въ мирѣ. Россійская имперія это миръ, не менѣе внушительный, чѣмъ римскій миръ. Это миръ на пространствѣ отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды и отъ Балтійскаго моря до Тихаго океана. Природой намъ здѣсь суждено поприще для экстенсивнаго распространенія и для интенсивнаго развитія культуры. За этими предѣлами уже нѣтъ всероссійскаго дѣла. За ними начинается жизнь иныхъ народовъ съ ихъ тѣснотою и съ довлѣющими имъ заботами. Но эти предѣлы даны Великой Россіи самою природою и заданы самою исторіею. Они присуждены ей всемірною исторіею, этимъ всемірнымъ судомъ.

Петръ это понялъ и въ мѣру силъ осуществлялъ. Оставляя, какъ выразился Меншиковъ, недостроенную храмину, онъ передалъ своимъ преемникамъ завѣтъ Великой Россіи. Нельзя сказать, чтобы они отъ него отказались. Но они нерѣдко теряли отчетливое представленіе о настоящихъ предѣлахъ Россіи и ея миротворческомъ призваніи. Въ томъ же XVIII столѣтіи русскія войска побывали и въ Пруссіи, и въ Швейцаріи, и въ Италіи. Подъ громъ побѣды Екатерина II затѣяла греческій

проектъ съ Константиномъ Павловичемъ на престолѣ Комненовъ и Палеологовъ. А ея вельможи мечтали о томъ, что аббатъ Сенъ-Пьеръ назвалъ визиратомъ на берегахъ Босфора, столь притягательныхъ для чувственныхъ натуръ съ богатымъ воображеніемъ. Павелъ I обдумывалъ походъ на Индію вмѣстѣ съ Наполеономъ. Александръ I впалъ въ противоположную крайность и уже какъ бы стыдился того, что Екатерининъ Наказъ съ гордостью называлъ „обширностью имперіи". Уклонялось отъ Петрова пониманія Великой Россіи и русское общество. Одни требовали, чтобы царь Россіи пересталъ быть только русскимъ царемъ, чтобы онъ палъ передъ св. Софіею и всталъ, какъ всеславянскій царь. Другіе, какъ Вл. Соловьевъ, хотѣли еще бо́льшаго, чтобы, ставъ цесаремъ, онъ возглавлялъ всемірную имперію. Третьи же, слѣдуя клеветникамъ Россіи, повѣрили, что Великая Россія это тюрьма народовъ; какъ ослѣпленный Самсонъ, стали расшатывать зданіе, внутри котораго сами находились; предоставили всѣмъ народамъ Россіи, кромѣ русскаго, самимъ опредѣлять свои притязанія. И они дождались того, что сначала Великая Россія была укорочена и, ставши на дѣлѣ малою Россіею, получила ироническое наименованіе Великороссіи, а потомъ и самое имя ея было уничтожено и она исчезла въ безличномъ интернаціональномъ союзѣ соціалистическихъ республикъ.

Второй завѣтъ Петра — національная Россія. Это часто отрицается. Неумѣренные хвалители Петра увѣряли, что до него будто не было вообще никакой Россіи, что онъ вывелъ ее изъ небытія, какъ говорилъ Головкинъ, всю ее сдѣлалъ и создалъ, какъ увѣрялъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, что онъ былъ творцомъ россійскаго народа, какъ говорили французы Зотову. Неумѣренные хулители, напротивъ, утверждали, что онъ уничтожилъ русскую національность. Уже кн. Дашкова называла Петра „невѣждою, принесшимъ въ жертву прекрасныя учрежденія, законы, права и привилегіи своихъ подданныхъ". О славянофилахъ и говорить нечего. Выводъ въ обоихъ случаяхъ одинаковый: Петръ не уважалъ національной Россіи и совершенно перетеръ ее, какъ объяснялъ тотъ дьяконъ, который на ектеніяхъ поминалъ его какъ „императера". Но этотъ выводъ невѣренъ. И фактически и принципіально Петръ былъ глубоко національненъ. Его многосторонняя талантливость и неистовая необузданность напоминала крупныхъ людей ренессанса. Но въ еще большей степени онъ былъ русскою натурою со всѣми ея достоинствами и недостатками. То академикъ, то герой, то мореплаватель, то плотникъ, то бомбардиръ, то матросъ, то зубной врачъ, то адмиралъ, то законодатель, то дипломатъ — Петръ всюду проявлялъ свойственную русскому генію быстроту пониманія при несклонности къ заранѣе обдуманному намѣренію. Его безудержный, безшабашный разгулъ тоже обнаруживалъ въ немъ

русскаго, слишкомъ даже русскаго человѣка. Онъ былъ не копіею западныхъ оригиналовъ, а, напротивъ, оригиналомъ для западныхъ копій вродѣ хотя бы Фридриха Вильгельма I, который тоже собственноручно наказывалъ своихъ подданныхъ тростью и устраивалъ пивныя ассамблеи табачной коллегіи. Не только стихійно, но и принципіально Петръ былъ человѣкъ русскій. Къ западной странѣ святыхъ чудесъ онъ относился безъ чужебѣсія, безъ пустого, рабскаго, слѣпого подражанія. Онъ заимствовалъ у Запада въ первую очередь технологію, ибо полагалъ, что въ навигаціонномъ или цыфирномъ ремеслѣ нѣтъ мѣста для націонализма. Заимствовалъ съ большимъ разборомъ: „хорошо перенимать у французовъ науки и художества... а въ прочемъ Парижъ воняетъ". А Остерманъ записалъ даже и такое его заявленіе: „намъ нужна Европа на нѣсколько десятковъ лѣтъ, а потомъ мы къ ней должны повернуться задомъ". Петръ не подражалъ своему старшему современнику, „великому въ малыхъ дѣлахъ и малому въ великихъ", Фридриху Бранденбургскому, при которомъ, какъ тогда говорили, все должно было быть французскимъ: языкъ, одежда, кухня, посуда, танцы, музыка и болѣзнь. Петръ мечталъ: всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ. Но это отнюдь не значило, что онъ покорно спускалъ передъ ними русскій флагъ. Онъ былъ съ излишнею въ иныхъ случаяхъ рѣзкостью непочтителенъ по отношенію къ бородѣ и нѣкоторымъ инымъ внѣшнимъ проявленіямъ русскаго быта. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ сознательно и глубоко преданъ тому, что особенно цѣнно во всякой національности: родной вѣрѣ, родному языку, народу и отечеству.

Петръ былъ преданъ православію и не измѣнилъ ему. Католики часто считаютъ русскаго императора главою православной церкви. Посему, напримѣръ, теперь иные ревнители католичества считаютъ, что съ уничтоженіемъ монархіи въ Россіи наступилъ благопріятный моментъ для папской супрематіи. Тогда надѣялись добиться этого черезъ самодержца Петра. Какъ предупреждалъ Куракинъ изъ Вѣны, „здѣсь въ овизіяхъ и въ дишкурсахъ говорятъ къ соединенію релижіи". Изъ Рима пускалось въ ходъ la piú fina circospezzione e prudenza, какъ гласила инструкція французскому нунцію. Аббатъ Пишонъ хотѣлъ склонить Петра признаніемъ законности его второго брака, а также присоединеніемъ къ проекту подчиненія русской церкви папѣ плана „академіи свободныхъ и механическихъ искусствъ" — afin de mieux policer ses sujets et pour faire fleurir le commerce. Однако и это не помогло. Петръ оказался гораздо болѣе устойчивымъ по отношенію къ католичеству, чѣмъ Павелъ I или Александръ I или Владиміръ Соловьевъ, признавшій себя полномочнымъ отъ имени всего русскаго

народа сказать „аминь“ въ отвѣтъ на призывъ къ уніи. Петръ заступался за православныхъ въ Польшѣ. А при посѣщеніи базиліанскаго монастыря въ Полоцкѣ съ останками Іосафата Кунцевича онъ даже черезчуръ воинственно понялъ свое призваніе поборника православія.

Не тяготѣлъ Петръ и къ протестанству. Его основою является піетизмъ или нѣмецкая Gesinnung. На русской почвѣ это даетъ штундизмъ, адвентизмъ, отчасти толстовство. Ко всему этому у Петра не было ни малѣйшей склонности. Терпимый къ иновѣрцамъ, онъ боролся съ прозелитизмомъ лютеранъ. Настасья Зима, вздумавшая обращать русскихъ въ то, что Посошковъ назвалъ „люторскимъ зловѣріемъ“, подверглась пыткѣ. И не при Петрѣ, а при Аннѣ Іоанновнѣ была конфискована направленная противъ протестанства книга „Камень вѣры“.

Петръ не измѣнилъ православію и былъ органически преданъ ему. Онъ хорошо зналъ обрядъ, охотно пѣлъ на клиросѣ, читалъ апостола, звонилъ въ колокола. Правда, его всепьянѣйшія и всешутѣйшія забавы иногда глубоко оскорбляли вѣрующихъ. Но и въ этомъ сказывалось нѣчто, къ сожалѣнію, типично русское, именно склонность къ озорству, нерѣдко оскорбительному для святыни. Въ отличіе отъ Петра III, поносившаго православіе, какъ таковое, Петръ Великій оставался вѣрнымъ, хотя иногда и блуднымъ сыномъ православной церкви, безконечно далекимъ отъ современнаго комсомольства съ его принципіальнымъ и противохристіанскимъ кощунствомъ. Недаромъ онъ побилъ Татищева, когда тотъ, предваряя вольтерьянство, вздумалъ слишкомъ свободно выражаться о церкви и писаніи. Петръ крѣпко держалъ „скиптръ въ православіи во осмотрѣніе великого Россійского царствія“. Ему помогали два святителя — Димитрій Ростовскій и Митрофаній Воронежскій. Памятуя, что значила для Москвы Троицко-Сергіевская лавра, онъ выстроилъ въ Санктъ-Петербургѣ Александро-Невскую лавру. Онъ, который все преобразовывалъ, не коснулся вѣры и догматовъ, не воспользовался по отношенію къ нимъ тѣмъ, что западная теорія абсолютизма именовала jus reformandi. Онъ не принималъ своей дубинки за пастырскій посохъ и не называлъ себя главою церкви, какъ это однажды неосмотрительно сдѣлалъ Павелъ I. А между тѣмъ западная доктрина абсолютизма, особенно гоббезьянство, учившее, что нѣсть Бога аще не отъ власти, толкала его на это, также какъ примѣръ англійскаго короля Генриха VIII или нѣмецкое Staatskirchentum. Въ трудномъ „случаѣ совѣсти“, когда рѣшалась судьба царевича Алексѣя, онъ ожидалъ отъ „духовнаго чина, яко учителей слова Божія“, чтобы они „безъ всякаго лицемѣрства и пристрастія“ направили его. Если Стефанъ Яворскій подписывалъ свои письма „рабъ и подножіе, смиренный Стефанъ, пастушокъ Рязанскій“, то онъ

это дѣлалъ по собственному усердію, а не по требованію Петра, вообще отмѣнившаго всякія унизительныя къ нему обращенія. Значитъ ли это, что Петръ посягалъ на церковь? На что онъ дѣйствительно посягнулъ, такъ это на церковную администрацію. Религіозный, но безъ теократизма, не признававшій ни цезаропапизма, ни папоцезаризма, не притязавшій ни на magisterium, ни на ministerium, Петръ, какъ и Константинъ Великій, считалъ себя внѣшнимъ епископомъ, т. е., буквально, надзирателемъ церкви. И посему онъ „на совѣсти несуетный имѣлъ страхъ, да не будетъ безотвѣтенъ и неблагодаренъ Вышнему, аще пренебрежетъ исправленіе духовнаго чина“. Его преобразованіе церковнаго управленія было, быть можетъ, не во всѣхъ отношеніяхъ удачно. Но оно было произведено при участіи епископовъ и съ ихъ согласія въ окаянное, какъ выразился святитель Димитрій Ростовскій, время съ „окаянными іереями“, которые „искали Іисуса не для Іисуса, а для хлѣба куса“, съ епископами, которые въ трудныхъ случаяхъ уклончиво говорили „сердце царево въ рукѣ Божіей есть“ и умывали себѣ руки водою, предоставляя царю обагрять свои руки въ крови, съ клерикальными монархомахами, которые, какъ выразился Ѳеофанъ Прокоповичъ, „аки бы шпіонами къ Богу ходили“ и „льстятъ себѣ окаянные, что они по самомъ Бозѣ поборствуютъ, и руки своя не оскверняютъ, но освящаютъ аще бы и на кровопролитіе устремились“. Обвинять Петра въ параличѣ церкви это значитъ прежде всего мало вѣрить въ церковь, которой дано обѣтованіе, что ея не одолѣютъ даже врата адовы. Назвать Петра сыномъ погибели и антихристомъ могли только тѣ, которые вмѣсто него подставляли какое-то воображаемое лицо, какъ это дѣлалъ странникъ Евѳимій, называвшій его императоромъ, ибо иначе не выходило звѣриное число 666.

Не менѣе, чѣмъ къ родной вѣрѣ, Петръ былъ привязанъ и къ родному языку. Онъ говорилъ и писалъ по русски. И его не привлекали „чужихъ нарѣчій погремушки“. Въ отличіе отъ болѣе досужихъ монарховъ ему некогда было упражняться въ прозѣ или стихахъ. Какъ выразился Пушкинъ, онъ „бросилъ на словесность взоръ разсѣянный, но проницательный“. Однако, этого было достаточно, чтобы оставить слѣдъ въ русской литературѣ въ видѣ несравненныхъ указовъ и писемъ. Если не считать техническихъ неологизмовъ и шутливыхъ, не совсѣмъ грамотныхъ иностранныхъ обращеній вродѣ Min Her alegenade Kenich, Min Her Gubernor Archangel и подписей Piter, Kapitein Piter, то языкъ Петра — это чистый, красочный родной языкъ, а не макароническій, вродѣ того мнимо русскаго, на которомъ писалъ Куракинъ, или того мнимо нѣмецкаго, на которомъ современный ему прусскій король объявилъ: ich stabilire die souveraineté wie ein rocher de bronze. Между тѣмъ иныя

произведенія Екатерины II приходилось переводить съ французскаго языка на русскій. А Фридрихъ II своими произведеніями входитъ, собственно говоря, въ исторію не нѣмецкой, а французской литературы. Старые историки нѣмецкой литературы объясняли творчество Лессинга патріотическимъ желаніемъ прусскаго подданнаго доказать своему государю, что можно недурно писать и на родномъ языкѣ. Петръ въ такихъ представленіяхъ не нуждался. При немъ не русскіе авторы писали на иностранныхъ языкахъ, а, напротивъ, иностранные авторы усердно переводились на русскій языкъ, переводились „внятно" и „обходительнымъ языкомъ".

Петръ былъ привязанъ и къ родному народу. Онъ не называлъ себя нѣмцемъ, какъ Иванъ Грозный, производившій свой родъ отъ какого-то Пруса. Не слѣдовалъ онъ и Людовику XIV, который сливалъ со своею особою не только государство, но и націю. Подъ народомъ Петръ разумѣлъ весь народъ, а не дворянство, какъ это дѣлалось тогда на Западѣ, особенно въ Польшѣ, этой „сѣверной Испаніи", гдѣ съ давнихъ временъ различались populus и plebs, или во Франціи, гдѣ, напримѣръ, Монтескье объяснялъ: la nation, c'est-à-dire les seigneurs et les évêques. Петръ не отдѣлилъ себя отъ народа стѣнами и рѣшетками, какъ въ Эскуріалѣ или Версалѣ. Совсѣмъ напротивъ, какъ писалъ Стефанъ Яворскій, „съ нами ястъ, піетъ, спитъ, сидитъ, любовно бесѣдуетъ съ нами; аки единъ отъ сосѣдъ и друговъ нашихъ премирно сожительствуетъ и, забывъ себя быти царя и монарха, его же подсолнечная трепещетъ, всякому есть приступенъ". Сотрудники Петра не просили, какъ это сдѣлалъ впослѣдствіи Ермоловъ, чтобы ихъ произвели въ нѣмцы. Зато въ общеніи съ Петромъ „дебошанъ французскій" изъ нѣмецкой слободы Le Fort превратился въ совсѣмъ русскаго Лефорта. А арапъ Петра Великаго Ганнибалъ сталъ предкомъ Пушкина, который былъ не только, какъ Дюма, „потомокъ негровъ безобразный", но и величайшій поэтъ русской національности.

Наконецъ, Петръ горячо любилъ отечество, любилъ не какъ оффиціальный „отецъ отечества", получившій это званіе отъ сената, синода и генералитета, а какъ вѣрный его сынъ. Любилъ до превращенія самодержавія въ самопожертвованіе. Онъ не презиралъ земли родной, причемъ родною для него была именно русская земля, тогда какъ, напримѣръ, Петру III Пруссія была дороже Россіи. Петръ Великій не смотрѣлъ на Россію только какъ на безразличный объектъ властвованія, какъ это нерѣдко бывало на Западѣ, почему, напримѣръ, Станиславъ Лещинскій, потерявъ польскій престолъ, былъ вознагражденъ Лотарингіею, а Лотарингскій герцогъ получилъ сначала Тоскану, а потомъ руку Маріи-Терезы.

Такимъ образомъ, Россія Петра это не интернаціоналъ и не страна, управляемая иностранцами. Этотъ его завѣтъ былъ искаженъ послѣ его смерти. Пошло иностранное засилье. Сначала появились нѣмецкіе временщики, заставившіе оскорбленный народъ вспомнить именно Петра:

Изъ гробницы встань, русскій Бѣлый царь,
Ты взгляни-ка, царь, радость гвардіи...
Что не царь нами теперь властвуетъ
И не русскій князь отдаетъ приказъ,
А командуетъ, потѣшается
Злой тиранъ Бирономъ изъ Нѣмечины.

А потомъ пошло французское вліяніе. Послѣ Петра, который принадлежалъ русскому отечеству и тѣломъ и душою, появились русскіе, утверждавшіе, что только тѣло ихъ принадлежитъ Россіи, душа же — коронѣ французской, или вопрошавшіе: „развѣ я скотъ, чтобы не послѣдовать тому, что хоть одинъ разъ случилось въ Парижѣ?“ Русская національность была предоставлена черному или „подлому“ народу безъ европейской культуры. А эта культура была предоставлена денаціонализованнымъ верхамъ.

Между тѣмъ, Петръ не мыслилъ національности безъ культуры. Его Россія это культурная Россія. Это не только та Россія, которая дана прошлымъ, но также и даже по преимуществу та, которая задана будущимъ. Его патріотизмъ былъ не охранительный, а творческій, не догматическій, а критическій — недаромъ онъ потребовалъ, чтобы въ переводѣ Пуффендорфа было возстановлено выпущенное мѣсто, нелестное для Россіи. Родную исторію онъ понималъ не какъ естественный стихійный процессъ, а какъ творческую эволюцію, какъ непрерывное дѣланіе, причемъ промедленіе времени смерти неминуемой подобно. Сначала реформы, а потомъ успокоеніе. Петръ имѣлъ мужество открыто признать культурную отсталость тогдашней Россіи отъ прочей Европы. Онъ имѣлъ еще большее мужество усмотрѣть въ этомъ не преимущество, а недостатокъ. Не презирая земли родной, онъ не презиралъ также и чужихъ земель. Онъ не восхищался ни невзыскательностью нашей тогдашней духовной культуры, ни неразработанностью правового, политическаго и хозяйственнаго строя, ни низкимъ уровнемъ матеріальной культуры. Такъ какъ на Западѣ техника культуры была совершеннѣе, то Петръ и пошелъ къ нему на выучку, ибо, какъ объяснялъ Карамзинъ, „благоразумно ли искать, что сыскано?“ Учился онъ и у друзей и у враговъ, ибо, какъ объяснялъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, „яко же Самсонъ въ трупѣ льва убіеннаго сладкій сотъ обрѣлъ, такъ и мы Божіею помощью можемъ и во вредномъ пользу получить“. Какъ выразился проф. Брюкнеръ, жизнь Петра это была непрерывная анкета. Цѣль

ея состояла не въ томъ, чтобы Россія оставалась вѣчнымъ подмастерьемъ Запада, а въ томъ, чтобы она съ нимъ сравнялась, а потомъ и превзошла его. Полагая, что на зеркало нечего пенять, коли рожа крива, Петръ не задумался поставить соотечественниковъ даже передъ недоброкачественнымъ „Юности честнымъ зерцаломъ“ иностраннаго производства, ибо уповалъ, что когда усовершенствуется русское національное лицо, это зерцало будетъ конечно отброшено, какъ уродующее кривое зеркало. По свидѣтельству Корба Петръ заявилъ: „русскіе не хуже другихъ народовъ одарены отъ природы... если тѣ развили свой умъ, то почему же намъ не развить его: развѣ мы какіе-нибудь выродки человѣческаго рода?“

И раздался въ честь науки
Пѣсенъ хоръ и пушекъ громъ.

Увѣренный въ творческихъ силахъ Россіи, Петръ далъ ей не только выходъ на западъ, но и Западу входъ въ нее: „мы давно старую обыкность, по которому въѣздъ сюда иноземцамъ не вовсе свободенъ былъ, отставили и оное при нашемъ государствованіи отложили“. Иностранцамъ было предоставлено жить въ Россіи „по законамъ божескимъ, jure civile romano и инымъ обыкностямъ populorum moraliorum“. Петръ не только прорубилъ окно въ Европу, но и разрушилъ то моральное средостѣніе, которое создавала Польша. Эта страна, чрезвычайно отсталая политически, бывшая еще въ концѣ XVIII вѣка, какъ замѣтилъ Рамбо, феодальнымъ государствомъ XI вѣка посреди могущественныхъ державъ, съ давнихъ временъ притязала на званіе послѣдняго оплота культуры (antimurale christianitatis), хотя Пушкинъ и возражалъ: „христіанское просвѣщеніе было спасено истерзанною и издыхающею Россіею, а не Польшею“. Польша сумѣла внушить Западу, что за ея границею начинается Азія и дикость. И вотъ Петръ разсѣялъ это предубѣжденіе. Какъ замѣтилъ Неплюевъ, „сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими“. Россія, и притомъ мощная, независимая, національная, смѣло и свободно вошла въ домъ европейскихъ народовъ. Слово „европейскій“ тогда вообще много значило. Недаромъ, когда въ 1701 году курфюрстъ Фридрихъ Бранденбургскій сталъ королемъ Прусскимъ, то это, какъ ему писалъ Петръ, „возвышеніе короны“ было понято на Западѣ такъ, что онъ „поднялъ Пруссію съ нѣмецкаго положенія на европейское“. Подобнымъ же образомъ благодаря Петру русскіе, выражаясь словами Головкина, были „въ общество политичныхъ народовъ присовокуплены“. И тогда было сдѣлано открытіе, что развитіе русскаго народа въ общемъ идетъ тѣмъ же путемъ, что и на западѣ Европы. Начиная свой Наказъ словами „Россія есть держава европейская“, Екатерина уже не убѣждала Европу, а выражала тогдашнее европейское мнѣніе о

Россіи. Это заслуга Петра. И это его завѣтъ. Завѣтъ смотрѣть на Россію, какъ на страну европейскую, которая, хотя и имѣетъ великую цивилизующую миссію на Востокѣ, должна развивать свою національную культуру въ живомъ общеніи съ прочими европейскими странами. Она не должна унижаться передъ Западомъ. Напротивъ, она должна заставить его относиться къ ней съ уваженіемъ. Трудно помѣшать другимъ насъ ненавидѣть. Но отъ насъ зависитъ, чтобы насъ не презирали. Петръ и добился этого. „Нынѣ же — писалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ — которіи насъ гнушалися, яко грубыхъ, ищутъ усердно братства нашего, которіи безчестили, славятъ, которіи грозили, боятся и трепещутъ, которіи презирали, служити намъ не стыдятся“. И этотъ завѣтъ Петра, завѣтъ культурной Россіи часто искажался впослѣдствіи. А теперь онъ повергнутъ въ прахъ. Внутри нашего отечества культура разрушается, отчасти стихійно, отчасти планомѣрно. А внѣ Польша опять внушаетъ Западу, что оплотомъ и стѣною Европы является именно она, Польша, и что за ея границами находятся уже не европейцы и не славяне, а какіе-то открытые Духинскимъ туранцы съ паназіазизмомъ въ душѣ, какъ выражается проф. Здзѣховскій.

Россія, какъ держава европейская, также потому не можетъ отгородиться отъ прочей Европы китайскою стѣною, что у нея есть славянское призваніе. Петръ это понялъ и оставилъ соотвѣтственный завѣтъ. Онъ сознавалъ себя славяниномъ и соотвѣтственно поступалъ. Онъ потому преслѣдовалъ старую одежду, что она „болѣе похожа на татарскую, чѣмъ на сродную намъ легкую славянскую“. Во флотъ онъ набиралъ не голландцевъ, а южныхъ славянъ. Приглашая изъ-за границы служащихъ и мастеровъ, онъ отдавалъ преимущество „единоязычнымъ“ славянамъ изъ Чехіи, Моравіи, Силезіи. Въ Вѣнѣ онъ такъ сблизился со славянами, что австрійское правительство приняло особыя мѣры для разъединенія ихъ съ нимъ. Въ Прагѣ при немъ образовалась русская колонія. Наказныя статьи Гр. Гр. Островскому предписывали ему „ѣхать до Славенской или до Словацкой и до Шклявонской земли... да и о томъ провѣдать: тотъ вышеупомянутой Славянской народъ Славенской ли языкъ употребляетъ, и мочно ли съ ними Русскому человѣку о всемъ говорить и разумѣть? И изъ нихъ какова ни есть чина, человѣка того Славенского народа и языка привесть съ собою въ Амстрадамъ“. Когда Петръ увидѣлъ, что писавшій его портретъ чешскій художникъ Купецкій понималъ его русскіе вопросы, а онъ понималъ его чешскіе отвѣты, онъ на радостяхъ расцѣловалъ его. И недаромъ Лейбницъ, желавшій обратить на себя особое вниманіе Петра, замѣтилъ ему, что они оба — славяне и принадлежатъ къ расѣ съ блестящимъ будущимъ. Кромѣ Россіи, при Петрѣ было только одно независимое славянское

государство, именно Польша. И Петръ проявлялъ по отношенію къ ней славянскую взаимность, „дабы Польши весьма не покинуть“, даже когда онъ въ „немаломъ сомнѣніи обрѣтался“ относительно ея „сикурса“. Онъ обсуждалъ съ Пруссіею планъ не раздѣла Польши, а ея защиты. И посему въ 1700 году онъ писалъ Августу II: „какъ возможно, трудимся о Вашей пользѣ не только сами, но и курфюрштa Бранденбурского въ то привлекаемъ“. Послѣ побѣды Карла XII надъ польскими войсками при Клишовѣ (1702 г.) онъ писалъ ему же: „истинная есть любовь, еже во всякихъ случаяхъ дружбу сохранять. То для, хотя и съ великою печалью слышали нѣкоторой несчасливой случай, недавно учинившейся; но какъ при счасти, такъ и при противномъ случаѣ, вамъ истиннымъ намѣреніемъ пребываемъ и пребывати будемъ, елико возможно намъ, по крайней мѣрѣ“. И въ 1706 г. онъ помогъ Польшѣ, „оставя свое государство весьма безъ обороны“. Не кто иной какъ Петръ поставилъ Россіи задачу освобожденія южныхъ славянъ и всемѣрнаго содѣйствія ихъ культурному подъему. На конгрессѣ въ Карловцахъ (1698 г.) онъ потребовалъ отъ турокъ, „да будетъ великая свобода и вольности“ славянамъ. Въ грамотѣ 1711 г. онъ обращался къ славянамъ не какъ завоеватель, а какъ освободитель: „за честь и славу вашу, за свободу и вольность вашу и наслѣдниковъ вашихъ“. Военное соглашеніе съ черногорцами 1712 г. гласило: „допущавамо имъ сваку слободу да су своевластни“. Ввиду неудачи на Прутѣ Петръ не могъ оказать южнымъ славянамъ военной помощи. Зато онъ оказалъ имъ помощь матеріальную въ видѣ „своихъ золотыхъ персонъ“ и вообще денегъ, а также культурную. Въ „городѣ Фіумѣ, что на Адріатикѣ“ онъ распорядился выстроить церковь, „понеже около онаго мѣста безчисленные россійскаго языка обрѣтаются народы“. Въ Черногорію и Сербію онъ посылалъ учителей и книги. Валишевскій замѣтилъ, что эти учителя и книги могли болѣе пригодиться въ Москвѣ. Для политики эгоизма это было бы конечно лучше. Но славянская политика Петра не была политикою эгоизма.

Все это не могло не произвести огромнаго впечатлѣнія на славянъ, особенно южныхъ. Черногорская былина прославила

нашего Царя Славинскога,
Славинскога но и Ришћанскога!

Запись, сдѣланная въ 1711 году въ Сремскихъ Карловцахъ, гласила, что Петръ — „царъ и самодръжацъ васемъ православнимъ по васуду обретающимъ“. А черногорскій владыка Данило писалъ: „я самъ Московъ! Московъ! Московъ!“ и положилъ начало традиціи, по которой и донынѣ многіе черногорцы увѣряютъ, что ихъ 180 милліоновъ. Однако самъ-то Петръ не понималъ всеславянства какъ всепоглощенія славянъ Россіею. Онъ просто питалъ добрыя славянскія чувства, при которыхъ

другъ познается въ бѣдѣ, а великая Россія царствуетъ на страхъ врагамъ, а не друзьямъ.

Такимъ образомъ Петръ Великій завѣщалъ какъ цѣль, къ которой надо стремиться, великую, національную и культурную, отзывчивую къ славянамъ Россію. Какія же средства онъ завѣщалъ для достиженія этой цѣли? Прежде всего служеніе отечеству. Этимъ онъ произвелъ переворотъ въ пониманіи призванія публичной власти не только въ Россіи, но и во всей прочей Европѣ. Русское, какъ выражался Иванъ Грозный, самодержство соотвѣтствовало тому, что на Западѣ называли majestas или souveraineté. Тожество понялъ князь Куракинъ, когда, говоря о „повойрѣ“ (pouvoir), онъ назвалъ царя „наибольшимъ суверенъ“, а также Ѳеофанъ Прокоповичъ, назвавшій самодержавіе „маестатомъ“. Западная теорія считала суверенную власть неограниченною, не связанною ни Божескими ни человѣческими законами: Гоббесъ училъ, что „дѣло царей различать добро и зло“, а Спиноза — что подданные обязаны безпрекословно повиноваться, даже если бы власть предписала величайшую нелѣпость. Теоріи соотвѣтствовала практика. И западные суверены и русскіе самодержцы располагали огромною возможностью распоряженія. Крижаничъ писалъ Алексѣю Михайловичу: „въ твоихъ рукахъ, царь, чудодѣйственный жезлъ Моисеевъ, которымъ ты можешь творить дивныя чудеса“. А Боссюе объяснялъ, что распоряженіями монарховъ „удаются войны, водворяется миръ, царствуетъ справедливость и даже земля какъ будто охотнѣе рождаетъ плоды“. Какъ же употреблялась такая власть? Одинъ отвѣтъ далъ Людовикъ XIV, другой — Петръ Великій. Людовикъ, какъ замѣтилъ Монтескье, свелъ всю страну къ столицѣ, столицу ко двору, а дворъ къ собственной особѣ. Онъ сталъ королемъ-солнцемъ, вокругъ котораго вращалась вся Франція. Всѣ и все должны были служить его удобствамъ. Когда придворный экипажъ такъ подкатилъ къ его крыльцу, что ему чуть не пришлось ждать, это было невѣроятное происшествіе: j'ai failli attendre. Онъ съ большою церемоніею, въ присутствіи и при участіи птенцовъ своего гнѣзда, ложился спать, вставалъ, мѣнялъ сорочку, дѣлалъ туалетъ, даже самый интимный. Внѣ его особы для него не было государства. И посему легенда приписала ему изреченіе: l'état c'est moi, философски обоснованное Спинозою, который заявилъ: rex est ipsa civitas. Внѣ себя онъ не видѣлъ и націи: la nation ne fait pas corps en France; elle réside toute entière dans la personne du roi. Онъ считалъ себя полнымъ распорядителемъ собственности всѣхъ своихъ подданныхъ. И онъ разорялъ страну ради своихъ личныхъ прихотей и династическихъ интересовъ. Примѣръ былъ заразителенъ. Въ Германіи появились маленькіе Людовики XIV, устраивавшіе свои маленькіе Версали.

Такимъ образомъ формула Людовика XIV: государство — это я; и все въ странѣ для меня. Формула Петра Великаго иная: „воины! се пришелъ часъ, который долженъ рѣшить судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и церковь. А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россія въ блаженствѣ и славѣ для благосостоянія вашего". Выше себя онъ ставилъ Россію. Посему, попавъ на Прутѣ въ трудное положеніе, онъ писалъ сенату, что, если онъ будетъ захваченъ турками, то онъ уже не царь и даже его собственноручныя распоряженія тогда недѣйствительны. Итальянская ragione di stato, ставшая французскою raison d'état и нѣмецкою Staatsraison, впервые у Петра потеряла черты личнаго и династическаго эгоизма и превратилась въ публичное служеніе. Это новое начало было потомъ усвоено и отчасти присвоено двумя нѣмецкими монархами, выразившими его по-французски: Фридрихомъ II (un prince est le premier serviteur et le premier magistrat de l'état) и Леопольдомъ II (le souverain n'est qu'un délégué du peuple pour lequel il est fait). Но право первенства принадлежитъ Петру. Какъ писалъ проф. Ключевскій, „благо отечества, общее благо родной земли, русскаго народа или государства – понятія, которыя Петръ едва ли не первый у насъ усвоилъ". Принимая императорскій титулъ, онъ такъ объяснилъ свое призваніе: „надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ, которой Богъ намъ предъ очьми кладетъ, какъ внутрь, такъ и внѣ, отчего облегченъ будетъ народъ".

Такая задача обязывала. Обязывала къ тому, что Платонъ называлъ дорическою гармоніею слова и дѣла. Всегда въ работѣ пребывая, Петръ, какъ выразился Державинъ, „въ пыли и въ потѣ блисталъ величествомъ въ работѣ". Всю церемоніальную сторону власти онь предоставилъ князь-кесарю, а самъ, сойдя съ престола и засучивъ рукава, приступилъ къ публичному служенію. Его парадизомъ былъ не роскошный дворецъ вродѣ Версаля, а фортеція, адмиралтейство и новый городъ на берегу пустынныхъ волнъ. Онъ не превращалъ арміи въ матеріалъ для потѣхи, для блестящихъ парадовъ, а, напротивъ, превратилъ потѣшныхъ въ армію, „ибо сія есть едина изъ двухъ необходимыхъ дѣлъ къ правленію, еже распорядокъ и оборона". Онъ самъ проходилъ службу отъ бомбардира и матроса до полковника и адмирала, получая „366 рублевъ" жалованья. Заграницу онъ ѣздилъ не ради „луччего плезира", какъ князь Куракинъ, а чтобы научиться лучше служить Россіи: „азъ есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую". Понимая, что воздѣйствовать на людей можно только живымъ примѣромъ, Петръ не ограничился царскимъ искусствомъ, усвоилъ 14

ремеслъ и училъ своихъ подданныхъ труду, иногда самому черному. Онъ „при Божіей помощи не чаялъ празднымъ быть“. Онъ горѣлъ въ работѣ и преждевременно сгорѣлъ въ ней. Его осуждали за это. Княгиня Дашкова ворчала: „совсѣмъ не дѣло Петра было лазить по мачтамъ и работать съ топоромъ на верфяхъ“. Мабли возмущался: „отъ васъ ждали не аттестата въ плотничьемъ искусствѣ“. Посѣтивъ Саардамскій домикъ, Наполеонъ замѣтилъ, что для блага страны можно было бы заняться и не плотничьимъ ремесломъ. Наконецъ, Валишевскій поучаетъ Петра, что онъ совсѣмъ напрасно „спасъ барку и жизнь нѣсколькихъ человѣкъ, но оставилъ въ опасности управляемое имъ большое судно съ экипажемъ“. Но Петръ не былъ бы Петромъ, если бы поступалъ иначе. Надъ многими поставленный, онъ и въ маломъ былъ вѣренъ.

Трудясь самъ для Россіи, Петръ требовалъ того же и отъ своихъ сотрудниковъ. Онъ не поддавался фаворитизму и не ввелъ въ неписанное русское право института, который педантическіе нѣмцы назвали das Maitressenthum. Онъ окружилъ себя не льстецами и царедворцами или монархистами, какъ особою привилегированною партіею, а людьми, закаленными въ трудахъ державства и войны. Онъ отмѣнилъ холопское обращеніе подданныхъ къ царю, запретилъ снимать шапки, проходя мимо дворца, и при встрѣчахъ съ нимъ становиться на колѣни и кланяться до земли. Зато всѣ состоянія должны были служить Россіи. Созданное Петромъ шляхетство было только „ради службы благородно и отъ подлости отлично“. Посему „для знатной породы никому никакого ранга не позволяемъ, пока они намъ и отечеству никакихъ услугъ не покажутъ и зато характера не получатъ“. Нѣтчики шельмовались. Въ офицеры производились только тѣ, которые „знаютъ съ фундамента солдатское дѣло“. Крѣпостное состояніе крестьянъ понималось Петромъ не какъ помѣщичья привилегія, а какъ государственное тягло. Вовлекая все населеніе въ строительство Россіи, Петръ жестоко каралъ эгоизмъ или, какъ выражался Щербатовъ, самство тѣхъ, кто отлынивалъ отъ дѣла или понималъ службу не какъ служеніе, а какъ кормленіе, позволяя себѣ „великія неправды и грабительства“, чѣмъ „многіе всякихъ чиновъ люди, а наипаче крестьяне приходятъ въ разореніе и бѣдность“. Уклонявшихся отъ служенія Россіи Петръ „смирялъ шумомъ наказанія“, хотя бы это былъ его собственный сынъ, этотъ русскій Донъ Карлосъ: „знай, что мало радости получишь, если не будешь слѣдовать моему примѣру“, предупреждалъ онъ царевича Алексѣя. „За мое отечество и людей моихъ я живота своего не жалѣлъ и не жалѣю; какъ могу тебя непотребнаго пожалѣть?“. И не пожалѣлъ. Какъ Авраамъ повелъ своего сына на закланіе Іеговѣ, такъ и Петръ принесъ своего сына въ жертву государству.

Служеніе Россіи вызывало необходимость общественнаго подбора ея слугъ. Дѣло требовало дѣятелей. Какъ Діогенъ искалъ человѣка, такъ Петръ искалъ работниковъ. Надо было ихъ подобрать. Подборъ же могъ быть двоякій — естественный и искусственный. Естественный подборъ — это либерализмъ, предоставленіе населенію полной гражданской свободы въ предположеніи, что путемъ природнаго соревнованія сама собою выдѣлится духовная, политическая и хозяйственная аристократія. Петръ на это не пошелъ и, къ огорченію Радищева, не утвердилъ „вольность частную“: „англійская вольность здѣсь не у мѣста“, полагалъ онъ. Это понятно. Онъ тянулъ въ гору, а милліоны подъ гору. Какъ же онъ могъ предоставить усмотрѣнію этихъ милліоновъ дѣло, не терпѣвшее промедленія? Къ тому же ему приходилось преодолѣвать не только инерцію, но и дѣятельное сопротивленіе: „если бы — писалъ Нартовъ — когда-нибудь случилось философу разбирать архиву тайныхъ дѣлъ его, вострепеталъ бы онъ отъ ужаса, что содѣлывалось противъ сего монарха“. Щербатовъ вычислилъ, что русскій народъ самъ собою пришелъ бы въ то состояніе, въ которое Петръ его привелъ, черезъ двѣсти лѣтъ послѣ 1682 года, т. е. въ 1892 году, значитъ, только въ концѣ царствованія Александра III, „да и то считая, что въ теченіе бы сего великаго времени не было никакого помѣшательства, ни внутренняго, ни внѣшняго“. Къ тому же Петръ жилъ въ эпоху абсолютизма и меркантилизма. И онъ не перешагнулъ въ сторону либерализма и конституціонализма. Онъ не былъ предтечею ни Адама Смита съ его ученіемъ о свободномъ происхожденіи народнаго богатства, ни Ж. Ж. Руссо съ его ученіемъ о непогрѣшимой всеобщей волѣ большинства, ни авторовъ декларацій неотчуждаемыхъ правъ. Посошковъ рекомендовалъ ему народосовѣтіе. Но Петръ свелъ „устроеніе черезъ совѣты“ и „взысканіе истины соборнымъ сословіемъ“ только къ организаціи коллегій и „словеснаго консиліума“. Побывавъ въ англійскомъ парламентѣ, онъ не сталъ предтечею Монтескье, а вынесъ иное впечатлѣніе: „весело слушать, когда подданные открыто говорятъ своему государю правду; вотъ чему надо учиться у англичанъ“. Процвѣтавшее же у ближайшихъ польскихъ сосѣдей народосовѣтіе служило скорѣе предостереженіемъ, чѣмъ поощреніемъ. Толстой писалъ изъ Варшавы: „есть одна палата великая, которую поляки называютъ изба сенаторская; въ той палатѣ бываетъ у поляковъ сеймъ, у которой палаты окна разбиты отъ нестройнаго совѣта и отъ несогласія во всякихъ дѣлахъ... И всегда у нихъ между собою мало бываетъ согласія, въ чемъ они много государства своего растеряли“. Хотя Петръ, расшевеливши русское общество, и создалъ фактически условія, при которыхъ безъ всякой правительственной помощи выдѣлились и Посошковъ, и Демидычъ,

родоначальникъ Демидовыхъ, и Ломоносовъ, онъ все же принципіально болѣе тяготѣлъ къ подбору искусственному, организованному. Для этого онъ прежде всего упразднилъ преимущества, основанныя на происхожденіи. Каждому предоставлялось стать предкомъ знатныхъ потомковъ. Но никто не могъ ни на что притязать только за заслуги своихъ предковъ; какъ замѣтилъ князь Куракинъ, „его величество склоннымъ явился, дабы уничтоживаніемъ великихъ фамилій отнять у нихъ повойръ весь“, благодаря чему родовая знать осталась „безъ всякаго повойря въ консиліи или палатѣ, токмо спектакулями“. Далѣе, людьми качества, какъ выражаются французы, Петръ стремился сдѣлать людей дѣйствительно качественно достойныхъ. Какъ замѣтилъ Левекъ, „поклонникъ талантовъ, онъ ихъ откапывалъ и набиралъ изъ самыхъ подонковъ общества, поднимая до подножія трона, возводя на самый тронъ“. Его гнѣздо было открыто и для того, что русскій монархомахъ князь Курбскій презрительно называлъ „простымъ всенародствомъ“. Онъ издалъ спеціальные указы „о не бытіи при выборѣ сродникамъ и креатурамъ“ и „о отрѣшеніи дураковъ отъ наслѣдства“. Единственнымъ титуломъ созданной имъ аристократіи былъ талантъ и трудъ. Это понялъ царевичъ Алексѣй, писавшій о себѣ: „непотребенъ сталъ къ толикаго народа правленію, гдѣ требуется человѣка не такого гнилого, какъ я“. Табель о рангахъ открывала возможность лѣстничнаго восхожденія сообразно энергіи и дарованіямъ. Во всемъ этомъ сказался демократизмъ Петра, не тотъ упадочный демократизмъ, который растворяетъ качество въ количествѣ и демагогически обращается къ толпѣ съ молитвою Господнею: да будетъ воля твоя, а тотъ здоровый демократизмъ, который во всѣхъ слояхъ общества черпаетъ аристократію таланта и труда.

И этотъ завѣтъ Петра, завѣтъ общественнаго подбора былъ искаженъ и забытъ. Уже при его жизни раздавались жалобы, что иные изъ его сотрудниковъ „всячески со своими пріятелями и фамиліями намѣреваются“. Послѣ его смерти птенцы гнѣзда Петрова стали важными птицами и получили вкусъ къ олигархіи. Съ силою и славою возродилась родовая знать и стала съ высока смотрѣть не только на „подлыхъ“, но и на дворянскихъ parvenus.

У насъ нова рожденьемъ знатность,
И чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй.

Началась государственная карьера фаворитовъ. Дворянское званіе стало разсматриваться не какъ призваніе по принципу noblesse oblige, а какъ привилегія, изъятіе. Недоросли уже съ младенчества, „дома живучи, всѣ унтеръ-офицерскія званія проносили“. Заслуга и служеніе были вытѣснены фаворомъ и привилегіею. Манифестъ 1762 года о пожалованіи „всему россійскому

благородному дворянству вольности и свободы" былъ воспѣтъ Ржевскимъ, увѣрявшимъ, что Петръ III

Россіи вольность далъ и далъ ей благоденство.

Въ дѣйствительности вольность и благоденство были даны не Россіи, а одному изъ ея сословій. Оно получило при Петрѣ III свободу отъ служенія государству, а при Екатеринѣ II „особое нарицаніе въ чести" за заслуги „начальствовавшихъ въ древности мужей". Былъ закрѣпленъ подчиненный „жребій" мѣщанъ и подлыхъ людей. Крѣпостное состояніе крестьянъ утратило публичноправный характеръ и получило частновладѣльческій смыслъ. Соціальная монархія Петра такъ подрывалась, что, какъ замѣтилъ Пушкинъ, намъ угрожалъ чудовищный феодализмъ. Дворянство стало стремиться низвести монарха съ надсословной высоты, превратить его въ перваго дворянина и такимъ образомъ втянуть его въ свои односторонніе интересы. И это ему въ значительной степени удалось. Екатерина II, которую не безъ извѣстнаго основанія считали дворянскою царицею, въ рескриптѣ на имя Бибикова назвала себя „казанскою помѣщицею" и обязывалась „цѣлость, благосостояніе и безопасность дворянства ничѣмъ нераздѣлимо почитать съ собственною нашею и имперіи нашей безопасностью и благосостояніемъ". Въ составленной Державинымъ отвѣтной рѣчи дворянство заявило императрицѣ: „принимаемъ тебя въ свое товарищество; когда угодно тебѣ, равняемъ тебя съ собою. Но за сіе ходатайствуй и ты за насъ предъ престоломъ величества твоего". Петровъ завѣтъ общественнаго подбора часто нарушался и въ XIX столѣтіи. То преклонялись передъ общественными верхами, видя только въ нихъ опору престола и государства, что было несостоятельно съ точки зрѣнія соціальной физики. То преклонялись передъ общественными низами, идеализируя ихъ, во всей ихъ отсталости и тѣмъ затрудняя ихъ соучастіе въ гражданскомъ и политическомъ соревнованіи и сотрудничествѣ, что было несостоятельно съ точки зрѣнія мирнаго разрѣшенія соціальнаго вопроса. Явились условія, вызывавшія раздраженіе разночинцевъ и хожденіе въ народъ съ цѣлями не только гуманитарными, но и агитаціонными. Такъ подтачивался завѣщанный Петромъ аристодемократическій строй.

Кромѣ служенія отечеству и общественнаго подбора Петръ видѣлъ средство для осуществленія великой, національной и культурной Россіи въ законности. Извѣстную дилемму „люди или учрежденія" онъ рѣшилъ очень просто: и люди и учрежденія, люди, но подъ контролемъ учрежденій. Въ этомъ отношеніи онъ совершенно расходился съ тогдашнею теоріею и практикою абсолютизма. Суверенная власть считалась свободною отъ законовъ, legibus soluta. Она внѣзаконна и надзаконна, не sublex, а exlex. Законъ это всякое благоусмотрѣніе короля — car tel

est notre bon plaisir — мѣняющееся не только со вступленіемъ на престолъ новаго лица, — neuer König, neu Gesetz, — но и съ перемѣною расположенія одного и того же вѣнценосца. Даже его ошибка имѣетъ правообразующее значеніе: error principis facit jus. Забыто было старинное начало: lex erat, rex cadit. Государство считалось земнымъ богомъ. А иногда таковымъ считалъ себя и государь, какъ это, если вѣрить злому языку Сенъ-Симона, дѣлалъ Людовикъ XIV, передъ которымъ, по его же свидѣтельству, „одно упоминаніе законовъ, права было уже преступленіемъ". Отъ подданныхъ требовалось слѣпое повиновеніе, безъ разсужденія. Mich rais naieren, твердилъ Фридрихъ-Вильгельмъ I, подкрѣпляя эту сентенцію argumento baculino, щедро расточаемыми собственноручными ударами трости.

Петръ иначе понималъ свое положеніе. Послѣ его смерти, когда его завѣты превозносились на словахъ и искажались на дѣлѣ, его, какъ выразился Нартовъ, превратили въ какого-то земного бога. „Отъ богъ, онъ твой былъ, Россія", увѣрялъ Ломоносовъ. Державинъ спрашивалъ: „не Богъ ли въ немъ сходилъ съ небесъ?" Уподобленіе Петра Богу принято даже кощунственный характеръ. Крекшинъ обращался къ умершему отцу отечества съ молитвою Господнею „Отче нашъ, Петръ Великій". А Сумароковъ, уподобляя Петра Спасителю, превратилъ его родное село Коломенское въ Россійскій Вифлеемъ. Все это было совершенно немыслимо при жизни Петра. Онъ вѣрилъ въ себя. И посему, когда онъ на морѣ подвергся опасности и его спутники дрогнули, онъ ихъ успокаивалъ: „чего боитесь? царя везете". Но еще больше онъ вѣрилъ въ Бога. И онъ хорошо зналъ разницу между Богомъ и самимъ собою, чувствовалъ наоосъ отдѣляющаго разстоянія. Къ себѣ же самому онъ относился не догматически, а критически, не вмѣняя себѣ въ законъ страстей единый произволъ. Онъ умѣлъ критиковать самого себя и въ личныхъ сношеніяхъ и въ публичной дѣятельности. „Я какъ поѣхалъ отъ васъ, не знаю; понеже былъ зѣло удоволенъ Бахусовымъ даромъ; того ради всѣхъ прошу, есть ли кому какую нанесъ досаду, прощенія". Онъ охотно признавался въ своихъ ошибкахъ: „сіе сначала несмотря учинено, что нынѣ исправить надлежитъ". Послѣ Нарвской неудачи онъ признался, что войну „начали какъ слѣпые, не вѣдая силы противниковъ и своего состоянія". И на одномъ докладѣ онъ положилъ резолюцію: „не знаю, что подписать". Какъ показываетъ случай съ княземъ Я. Долгорукимъ, разорвавшимъ его указъ, онъ не запрещалъ raisonnieren. Жалобу, поданную на него лично, онъ передалъ въ сенатъ и подчинился его рѣшенію.

Такимъ образомъ Петръ умѣлъ критически относиться къ самому себѣ. Не предавался онъ иллюзіямъ и относительно

другихъ. Даже ближайшіе его сотрудники не только ошибались или проявляли „послѣдованіе раку“, но и прямо злоупотребляли своимъ положеніемъ, не исключая въ беззаконіи зачатаго Меншикова и даже правдиваго Я. Долгорукаго, который тоже былъ „не безъ причины“. Строгій къ самому себѣ, Петръ не былъ снисходителенъ и къ другимъ, особенно къ „плутамъ, которые ни во что иное тщатся, точію мины подъ всякое добро дѣлать, и несытость свою исполнять“. Онъ увѣщевалъ, бранилъ, билъ дубинкою, ссылалъ и казнилъ своихъ неисправныхъ агентовъ. Наказывалъ сурово, тѣмъ болѣе, что гуманный Беккарія выступилъ только черезъ сорокъ лѣтъ послѣ его смерти: петербургскій вице-губернаторъ Корсаковъ былъ публично высѣченъ кнутомъ, вице-канцлеръ баронъ Шафировъ возведенъ на эшафотъ и сосланъ, оберъ-фискалъ Нестеровъ колесованъ, сибирскій губернаторъ князь Гагаринъ повѣшенъ. Но ничто не помогало. По словамъ кн. Куракина „мздоимство великое и кража государственная продолжались съ умноженіемъ, и вывести сію язву было трудно“. Когда Петръ пригрозилъ, что перевѣшаетъ всѣхъ виновныхъ, Головкинъ возразилъ, что онъ тогда останется совсѣмъ безъ подданныхъ. Все это внушило Петру пессимизмъ по отношенію къ людямъ: „всякъ человѣкъ есть ложь... монстры человѣческіе не по виду тѣлесъ, а по уродливымъ нравамъ ...шляются во всенародной кунсткамерѣ“. Но нельзя было оставаться при одномъ пессимизмѣ. Надо было дѣйствовать. Фискалы, эти ревизоры инкогнито, призванные слѣдить, дабы, какъ выразился Ѳеофанъ, ни одно злодѣйство „аки въ зеліи ехидна укрытися не могло“, оказались не на высотѣ. Недостаточнымъ оказалось и многоликое „око государево“ въ видѣ прокуроровъ. Необходимо было положить конецъ отмѣченному уже Флетчеромъ злу, состоявшему въ томъ, что существовалъ лишь изустный законъ, почему народъ долженъ былъ „признавать источникомъ своихъ законовъ и блюстителями правосудія тѣхъ, противъ несправедливости которыхъ ему слѣдовало бы имѣть значительное количество хорошихъ и строгихъ законовъ“. Необходимы были учрежденія, которыя по мысли, высказанной Спинозою и рекомендованной Петру Лейбницемъ, автоматически заставляли бы людей исполнять ихъ обязанности. Необходимы были „уставы и всякіе законы“, которые, какъ объяснялъ Ѳеофанъ, „у подданныхъ послушанія себѣ не просятъ, аки бы свободнаго, но истязуютъ яко должнаго“. Петръ былъ особенно озабоченъ этимъ въ послѣдніе годы своей жизни, когда онъ сознавалъ, что не вѣчно будетъ именно онъ „по своей волѣ и благомнѣнію управлять“ и что нѣтъ достойнаго наслѣдника, который продолжалъ бы его дѣло. Сознавалъ это и Я. Долгорукій: „внутренняя расправа и правосудіе это ваше главное дѣло... когда ты займешься этимъ, можетъ быть, и

больше отцовъ сдѣлаешь. Да и пора уже тебѣ о томъ подумать". Петръ и подумалъ. „Ревнуя по закону Божіему, дабы во всѣхъ отъ Бога данныхъ Его Императорскому Величеству государствахъ судъ былъ всѣмъ повсюду равный, безъ богоненавистнаго лицемѣрія и противныя истиннѣ проклятыя корысти", онъ заботился о первой изъ всѣхъ властей, власти судебной. Онъ стремился сдѣлать ее безупречною, „понеже судъ Божій есть" и „проклятъ всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ". Онъ стремился сдѣлать судъ независимымъ отъ администраціи, которой былъ данъ приказъ „до юстиціи не касаться". Для дѣлъ челобитчиковыхъ онъ установилъ инстанціи. Для управленія онъ завелъ административный аппаратъ, возглавляемый управительнымъ сенатомъ. Надъ всѣми этими учрежденіями онъ поставилъ законъ „яко крѣпкая забрала правды и яко же не рѣшимыя оковы злодѣянія". Законность онъ сдѣлалъ символомъ государственности. Служеніе государству онъ отожествилъ съ соблюденіемъ закона. И для нагляднаго обученія законности, не довольствуясь окомъ государевымъ въ лицѣ прокурора, онъ велѣлъ поставить во всѣ присутственныя мѣста зерцало съ указомъ о храненіи правъ гражданскихъ: „понеже ничто такъ ко управленію государства нужно есть, какъ крѣпкое храненіе правъ гражданскахъ, понеже всуе законы писать, когда ихъ не хранить, или ими играть какъ въ карты, прибирая масть къ масти, чего нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ было, а отчасти и еще есть, и зѣло тщатся всякія мины чинить подъ фортецію правды". Символика Петровскаго зерцала чрезвычайно характерна. Подобно тому, какъ въ храмѣ Божіемъ силы небесныя съ нами невидимо служатъ, въ присутственномъ мѣстѣ невидимо присутствуетъ законъ; видимое же зерцало является скрижалью законности, а заодно и зеркаломъ, укоризненно отражающимъ „безсоюзство, разности и свары" исполнителей, а также всякое злоупотребленіе. Ввиду отмѣченнаго еще Крижаничемъ „худого законоставія" Петръ приступилъ къ кодификаціи, пытаясь согласовать отечественную традицію съ необходимыми реформами и рецепціею иностранныхъ законовъ. Ему не суждено было довести это дѣло до конца и увѣнчать его основными законами. И онъ умеръ, оставивъ не столько готовую законность, сколько завѣтъ законности.

И этотъ завѣтъ Петра Великаго былъ плохо понятъ и даже искаженъ. Народная оппозиція усмотрѣла въ его учрежденіяхъ нѣчто отъ антихриста. Въ pendant къ „иператору" изъ сенаторовъ были сдѣланы „сенатри" и тогда тоже получалось звѣриное число. Еще въ 1855 году послѣдователь Ѳедосѣевскаго толка Ермаковъ заявилъ: „сенатъ же вашъ есть дьявольскій комитетъ". Въ Екатерининскомъ Наказѣ, провозглашенномъ

Евангеліемъ законности, проблема законности была понята скорѣе какъ литературное упражненіе, чѣмъ какъ отвѣтственное и неотложное государственное дѣло. Не поняла Петра и вошедшая послѣ него въ моду на Западѣ т. н. наука законодательства. Такъ, Монтескье совсѣмъ не оцѣнилъ введеннаго Петромъ порядка подачи жалобъ по инстанціямъ. Вмѣсто того, чтобы привѣтствовать отмѣну системы, при которой Московскіе цари, отложивъ государственныя дѣла, лично творили судъ и расправу по случайнымъ жалобамъ и даже ябедамъ отдѣльныхъ лицъ, Бордосскій магистратъ усмотрѣлъ въ этомъ покровительство боярскому средостѣнію, терроръ, неприступность царя для подданныхъ. Какъ показалъ проф. Тарановскій, Монтескье въ своихъ сужденіяхъ о „Московіи“ основывался на книгѣ Перри, вышедшей въ 1716 году, когда Петръ только началъ приниматься за „гражданство“. Посему въ Россіи Петра, какъ впрочемъ и во Франціи Людовика XIV, Франціи „Персидскихъ писемъ“ Монтескье усмотрѣлъ не законную монархію, а азіятскую деспотію. Мабли поучалъ Петра: „что это за порядокъ, если онъ держится одною только личностью! Слѣдовало начать съ того, чтобы привить своимъ подданнымъ любовь къ закону, къ порядку, къ общественному благу“. „Въ васъ ожидали найти законодателя“, разочарованно замѣтилъ онъ автору указовъ о храненіи правъ гражданскихъ и о государственныхъ уставахъ и ихъ важности. Наука законодательства не узнала и не признала въ Петрѣ законодателя, ибо она понимала законодательство не какъ черную, кропотливую работу надъ посильнымъ упорядоченіемъ отечественныхъ учрежденій, а какъ провозглашеніе отвлеченныхъ, пригодныхъ для всѣхъ народовъ и временъ положеній, которыя чудесно мѣняютъ населеніе и дѣлаютъ его счастливымъ. Сообразно съ этимъ Монтескье увѣрялъ, что законодатель можетъ „изъ людей сдѣлать животныхъ и изъ животныхъ людей“, Филанджіери, что „для мудраго законодателя нѣтъ ничего невозможнаго“, а Гельвецій, что „законодательство дѣлаетъ все“. Такое законодательство казалось дѣломъ легкимъ и пріятнымъ. „Хотите имѣть хорошіе законы? спрашивалъ Вольтеръ: сожгите ваши законы и сочините новые“. Или, какъ говоритъ маркизъ Поза Филиппу II у Шиллера въ „Донъ-Карлосѣ“: ein Federzug von dieser Hand, und neu geschaffen wird die Welt. Петръ, не желавшій всуе законы писать, мало соотвѣтствовалъ такому взгляду на законодательство. Но именно этотъ взглядъ привился послѣ него въ Россіи. Посему вмѣсто того, чтобы продолжать въ духѣ Петра осуществленіе его завѣта законности, Екатерина II вела переговоры съ Филанджіери, а Александръ I съ Бентамомъ, чтобы они стали русскими Солонами и Ликургами въ духѣ модной западной науки законодательства.

Правильно поняли Петровъ завѣтъ законности два лица, Сперанскій и проф. Градовскій. Сперанскій стремился, какъ онъ выразился, „посредствомъ законовъ утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сей власти болѣе достоинства и силы“. Посему статья 47 основныхъ законовъ въ составленной имъ редакціи гласила: „имперія Россійская управляется на твердомъ основаніи положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ самодержавной власти исходящихъ“. Эту статью А. Д. Градовскій положилъ въ основаніе своей системы русскаго государственнаго права, ибо, объяснялъ онъ, „ученіе о законѣ и его значеніи, какъ основаніи русскаго государственнаго управленія, должно предшествовать изложенію всѣхъ другихъ институтовъ государственнаго права“, не исключая и верховной власти. Но въ общемъ завѣтъ законности у насъ слишкомъ часто пренебрегался какъ правительствомъ, такъ и обществомъ. Какъ часто у насъ отвергалась правомѣрность во имя этики, соціологіи, политики или метафизики, ибо, какъ писалъ Алмазовъ, „широки натуры русскія“ и „нашей правды идеалъ не влѣзаетъ въ формы узкія юридическихъ началъ“.

Такимъ образомъ, если, выражаясь языкомъ Ѳеофана Прокоповича, мы „посмотримъ черезъ исторіи, аки черезъ зрительныя трубки на мимошедшіе вѣка“, то въ старинѣ Петровскихъ завѣтовъ мы узнаемъ новизну нашихъ чаяній — возсозданіе великой, національной, культурной Россіи, которой должны служить всѣ „народы росскіе“, въ которой должны отбираться достойнѣйшіе и способнѣйшіе и въ которой, не стѣсняя почина и творчества, законность является зерцаломъ управленія. Петръ вывелъ за порогъ сознанія философію Россіи и выявилъ ея, какъ говорятъ французы, идеи-матери. Конечно, двѣсти лѣтъ, отдѣляющихъ насъ отъ смерти Петра, не прошли безслѣдно. Усложнилась техника осуществленія старыхъ задачъ. Явились и новыя задачи — вродѣ цѣлесообразной организаціи самоуправленія и представительства, разрѣшенія національныхъ и классовыхъ противорѣчій и т. п. Но основными, трансцендентальными завѣтами творимой Россіи по прежнему остаются завѣты Петра. Они пребываютъ неколебимо какъ Россія. Они живы до сихъ поръ. Мы и сейчасъ можемъ повторять слова, сказанныя рязанскимъ епископомъ Гавріиломъ Бужинскимъ черезъ годъ послѣ смерти Петра: „Петръ Великій, аще и умре, но живъ есть“. Донынѣ остаются въ силѣ слова Неплюева: „на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ, и чтобы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ“, или, какъ писалъ митрополитъ Платонъ, „все, что ни видимъ, что ни вообразимъ, Петръ или изобрѣлъ, или утвердилъ, или основалъ, или къ тому случай подалъ“. Какъ тутъ не вспомнить словъ

Бѣлинскаго: „для меня Петръ — моя философія, моя религія, мое откровеніе во всемъ, что касается Россіи“. И не правъ ли былъ Пушкинъ, когда въ минуты унынія онъ вновь обрѣталъ бодрость, вспоминая Петра Великаго, его дѣло и его завѣты?

Е. Спектор скій.

Бумаги Сперанскаго.

(Какъ могли попасть въ руки декабристовъ преобразовательные планы Сперанскаго)[1]).

Рано утромъ, 18 марта 1812 года, очевидецъ наблюдалъ, какъ передъ особнякомъ у Таврическаго сада клали на дровни кипы бумагъ. Небрежно связанные листы разносилъ вѣтеръ. Ихъ ловили и приносили обратно. Это были бумаги государственнаго секретаря Сперанскаго. Хозяина ихъ въ это время полицейскій приставъ мчалъ въ Нижній по глухой Тихвинской дорогѣ. Письмо ссыльнаго, отправленное изъ Нижняго государю уже 23 марта, полно тревогой за судьбу „своего единственнаго достоянія“ и содержитъ такую фразу: „L'unique bienfait, que j'oserai solliciter pour le moment c'est de ne pas permettre, que les papiers sassés dans mon cabinet soient éparpillés ou egarés“.

Бумаги, по степени заботы о ихъ сохранности, можно раздѣлить на четыре категоріи. О первой разсказываетъ Де-Сангленъ, находившійся ночью въ сосѣдней комнатѣ съ кабинетомъ, въ которомъ его начальникъ, министръ полиціи Балашовъ, пріѣхавшій отправить въ ссылку Сперанскаго, попустилъ сжечь нѣкоторые документы[2]), о чемъ Де-Сангленъ, директоръ департамента полиціи, и доложилъ Его Величеству. Вторая часть бумагъ была вложена Сперанскимъ въ пакетъ и черезъ Балашова передана государю[3]). Третья опечатана въ письменномъ столѣ. И, наконецъ, четвертая, состоявшая изъ всякихъ текущихъ канцелярскихъ дѣлъ, не вызвала къ себѣ бережнаго отношенія, что̀ видно изъ способа ихъ перевозки. Количество бумагъ объясняется личностью ихъ обладателя. Онъ былъ не только первымъ чиновникомъ имперіи, а и книжникомъ, богословомъ и политическимъ мыслителемъ. Не рѣдко онъ самъ „особливо“ сѣтовалъ на хлопоты съ книгами и бумагами, „кои каждый день, кажется, изъ подъ земли выходятъ и распложаются“.

[1]) Настоящая статья — отрывокъ главы изъ сочиненія, подготовленнаго къ печати (около 500 страницъ): „Жизненный путь графа М. М. Сперанскаго“.

[2]) Это были, вѣроятно, записки Балашова къ Сперанскому.

[3]) Перлюстрованная переписка иностранныхъ дипломатовъ.

Въ извѣстномъ Пермскомъ письмѣ изгнанникъ нѣсколько разъ останавливаетъ вниманіе императора на своихъ бумагахъ, но уже съ другой стороны. Во первыхъ, онѣ заключаютъ только его собственныя мнѣнія („ибо я никогда не вѣрилъ слѣпо чужимъ"); затѣмъ, онѣ ясно доказываютъ его политическое одиночество („во всѣхъ бумагахъ ... открылъ ли кто одинъ слѣдъ, одну тѣнь какой либо связи..."); наконецъ, онъ ничего не имѣетъ, „если бы бумаги и дѣла мои ... напечатать". Адресатъ нивачто не согласился бы на огласку. Свидѣтельствомъ — Высочайшее распоряженіе: разобравъ бумаги, хранить ихъ наряду съ государственными актами. Почему такая честь? Пермское письмо дѣлаетъ намекъ о тайнѣ, какою автора связалъ государь („одинъ Богъ былъ и будетъ свидѣтелемъ между вами и мною"). Въ Нижегородскомъ письмѣ, написанномъ сгоряча, прямое указаніе: „Ce travail, sire, source première et unique de tout ce qui est arrivé". Можно думать, что здѣсь идетъ рѣчь о планѣ преобразованія Россіи, одобренномъ императоромъ, а о хронологическомъ расписаніи введенія одного новаго учрежденія за другимъ (черновикъ сохранился до сихъ поръ среди бумагъ Сперанскаго)[1]).

Касаясь этой дѣятельности своего бывшаго начальника, декабристъ Г. С. Батеньковъ предугадывалъ ея судьбу. „По русскимъ политическимъ условіямъ создатель законопроекта у насъ безымененъ и безправенъ. Безправность объясняется возможностью взять изъ-подъ спуда проектъ и, въ главныхъ основаніяхъ, измѣнить его не всегда къ лучшему. Самая безыменность представляется случаемъ, поэтому нельзя винить лично Сперанскаго. Онъ успѣлъ, однако, высказать много добрыхъ началъ и оставилъ намъ очерки великаго зданія, которыми наука воспользоваться можетъ". Другой декабристъ, Н. И. Тургеневъ, сыгравшій, какъ увидимъ, значительную роль въ исторіи бумагъ реформатора, при томъ, надо замѣтить, относившійся къ нему не благосклонно, высоко оцѣниваетъ политическія сочиненія своего судьи на Верховномъ уголовномъ судѣ. Потомство, говоритъ въ своей книгѣ „О Россіи и русскихъ" Тургеневъ, не можетъ не быть благодарнымъ Сперанскому за его идеи о лучшемъ будущемъ Россіи. Формулировка ихъ сдѣлана въ планѣ преобразованія имперіи. Языкъ этого произведенія, по мнѣнію Тургенева, отличается прямотою, вызываетъ симпатіи читателя, любящаго свою родину[2]). Какъ отнеслось потомство,

[1]) Бумаги Сперанскаго свидѣтельствуютъ о строгой политической послѣдовательности осуществленія плана, а не порознь, какъ настоялъ государь.

[2]) „La Russie et les Russes". Paris. 1847. Ср. также критику Тургеневымъ Сперанскаго. Русскій Архивъ. 1910 г., III, 211.

можемъ отчасти судить по слѣдующему обстоятельству. Потомству не скоро пришлось ознакомиться съ планомъ. Ровно черезъ 50 лѣтъ послѣ конфискаціи бумагъ, появилась книга Корфа о жизни реформатора. Изъ дневниковъ мы знаемъ, какъ она была встрѣчена: потомковъ взволновала судьба русскаго геніальнаго человѣка. Но, гласятъ замѣтки, тщетно искали, напрасно допрашивали, не находили и роптали. Между тѣмъ авторъ книги предупреждалъ: „подробности тогдашнихъ предположеній займутъ нѣкогда важную страницу въ исторіи Россіи", однако, „по вполнѣ политическимъ причинамъ онъ (авторъ) оставляетъ ихъ безъ разсмотрѣнія". Ни многочисленные враги, заключаетъ одинъ изъ потомковъ, ни немногіе страстные поклонники не могли поднять завѣсы, за которою скрывалась мысль государственнаго человѣка, долго хранимая въ тайнѣ.

Не остается сомнѣнія, что то, что искали, о чемъ допрашивали Корфа, надъ чѣмъ опустили завѣсу, — то, что представляетъ болѣе широкій слой русскаго общества, первыми узнали декабристы. И самая ссылка Сперанскаго, какъ мы знаемъ, была одною изъ причинъ недовольства декабристовъ[1]). Напротивъ, къ политическому противнику Сперанскаго, Карамзину, т. е. къ его политическимъ мнѣніямъ, декабристы относились отрицательно[2]).

Записки декабристовъ позволяютъ утверждать, что нѣкоторые изъ нихъ не только были освѣдомлены до 14 декабря о содержаніи плановъ Сперанскаго, но и ссылались на нихъ въ подкрѣпленіе своихъ замысловъ[3]).

При какихъ же условіяхъ могло произойти такое освѣдомленіе?

Отвѣту можетъ помочь оффиціальная переписка о бумагахъ Сперанскаго и Магницкаго, а также иныя обстоятельства. Кто получалъ доступъ къ нимъ? кого могли интересовать черновики, копіи разныхъ проэктовъ и трактатовъ, затерявшихся въ бумажной лавинѣ? По отправленіи Сперанскаго въ ссылку, государь скоро оставилъ столицу. Его намѣстникомъ явился генералъ-фельдмаршалъ графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ, назначенный и предсѣдателемъ комитета министровъ. Сначала ему, а потомъ подъ его надзоромъ „Секретному комитету 1813 года", Высочайше вѣряется судьба означенныхъ бумагъ. Прежде всего они подверглись разслѣдованію комиссіи. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ здѣсь былъ сенаторъ Кошелевъ, находившійся въ постоянной перепискѣ съ государемъ. Фактическій управляющій

[1]) См. позднѣйшее письмо члена тайнаго общества В. Ѳ. Раевскаго. Русская Старина. 1902 г., №3, стр. 601.

[2]) См. упомянутую книгу Н. И. Тургенева и разборъ Введенія къ Исторіи Государства Россійскаго Н. Муравьева.

[3]) См. Записки Д. И. Завалишина. Мюнхенъ. 1904.

дѣлами комиссіи былъ статсъ-секретарь Молчановъ. Его имя — въ рядѣ документовъ, объ охранѣ бумагъ «государственнаго секретаря Сперанскаго и статсъ-секретаря Магницкаго» за время съ 18 марта 1812 г. по 10 февраля 1813 г.; въ нихъ неизмѣнны слова „о ключахъ и печатяхъ Молчанова".

Комиссія раздѣлила бумаги на три части. Одна, по принадлежности, была отправлена въ Государственный Совѣтъ, т. е. точнѣе въ Государственную канцелярію. Другая — въ Комиссію составленія законовъ. Бумаги обѣихъ категорій касались текущаго дѣлопроизводства названныхъ учрежденій. Третья же — заключала, главнымъ образомъ, личныя бумаги Сперанскаго, его работы оффиціальнаго и неоффиціальнаго характера. Но среди нихъ остались и нѣкоторыя дѣла, непосредственно направленныя къ первому сановнику имперіи, по довѣрію къ нему государя, а также государственные документы высокой исторической цѣнности. Вѣроятно, для комиссіи было не ясно, куда направить бумаги двухъ послѣднихъ категорій, но претенденты на нихъ постепенно нашлись.

Среди бумагъ находились: проэкты конституцій, переданные государемъ Сперанскому; проэктъ его конституціи; политическія записки и доклады, касающіеся освобожденія крестьянъ; подсобныя работы, собиравшіяся Сперанскимъ и представлявшіяся ему сотрудниками по разнымъ отдѣламъ законодательства, напримѣръ: Радищева, „О законоположеніи"; сочиненіе проф. Кукольника по исторіи русскаго права и т. д.; многія черновыя бумаги его, относящіяся къ изъясненію самаго Сперанскаго на проэктъ гражданскаго уложенія. Изъясненія эти заключали параллельныя выписки (сравнительно со статьями русскаго уложенія) изъ прусскаго, австрійскаго, шведскаго уложеній, англійскаго права, не говоря о французскихъ гражданскихъ законахъ Наполеона[1]).

Все идейное наслѣдіе размѣстили въ трехъ сундукахъ, запертыхъ и опечатанныхъ статсъ-секретаремъ Молчановымъ 11 августа 1812 г. Молчановъ сообщаетъ бывшему помощнику Сперанскаго, тогда уже исправлявшему должность государственнаго секретаря, А. Н. Оленину: графъ Николай Ивановичъ (котораго и въ оффиціальныхъ бумагахъ того времени именовали только по имени и отчеству), согласно Высочайшему повелѣнію, назначилъ мѣстомъ храненія сундуковъ Государственную Канцелярію. Во исполненіе этого Молчановъ проситъ распоряженія А. Н. Оленина о принятіи ихъ[2]). Сундуки были приняты спеціально назначеннымъ для того коллежскимъ совѣтникомъ Меркурьевымъ. Онъ доносилъ Оленину отъ 6 сентября

[1]) Архивъ Гос. Совѣта. По описи бумагъ Сперанскаго № 35 и др.
[2]) Отношеніе статсъ-секретаря Молчанова статсъ-секретарю Оленину 11 августа 1812 г. за № 1751. Арх. Гос. Совѣта.

1812 г., что нашелъ замки и печати Молчанова въ исправности. Но еще 14 августа 1812 г. графъ Николай Ивановичъ приказалъ А. Н. Оленину вывезти изъ Санктпетербурга вмѣстѣ съ Архивомъ Государственнаго Совѣта бумаги Сперанскаго и Магницкаго. Указанъ и путь: отправить сундуки для погрузки на Крохинскую пристань. Бумаги обоихъ ссыльныхъ долго пролежали на пристани. Однако, имъ не пришлось оставить столицу. Вскорѣ къ А. Н. Оленину поступаютъ отношенія: вынуть изъ сундуковъ нѣкоторыя бумаги, принадлежащія другимъ учрежденіямъ или понадобившіяся для текущей работы. Такъ, 20 сентября адмиралъ Шишковъ изъ числа бумагъ Сперанскаго затребовалъ дѣло о содержимомъ въ Санктпетербургской тюрьмѣ дворянинѣ Сухаревѣ. 8 октября 1812 г. министръ финансовъ Гурьевъ, находившійся тогда въ большой близости къ императору, проситъ Оленина возвратить въ кабинетъ Его Величества разные акты, въ томъ числѣ съ собственноручными замѣчаніями императрицы Екатерины II.[1] Въ приложенномъ къ отношенію Гурьева спискѣ показаны, между прочимъ, два „учрежденія“ Сената. Одно изъ нихъ имѣетъ поправки самой покойной императрицы (оно хранится въ Архивѣ Государственнаго Совѣта). Документы о Сенатѣ находились у Сперанскаго потому, что изготовленный имъ проэктъ „учрежденія“ Сената прошелъ черезъ Государственный Совѣтъ, былъ утвержденъ царемъ, но, по докладу самого автора, не введенъ въ дѣйствіе, такъ какъ вызвалъ сильнѣйшую оппозицію.

На эти требованія А. Н. Оленинъ отвѣчалъ каждому одно и тоже: „бумаги Магницкаго и Сперанскаго въ трехъ сундукахъ, за ключами и печатями Молчанова, назначены къ высылкѣ изъ столицы[1]) и отправлены до Крохинской пристани“. Но вотъ самъ главнокомандующій приказалъ Молчанову отыскать въ сундукахъ нѣкоторыя бумаги[2]). Молчановъ не могъ не повиноваться. Нельзя же было искать эти бумаги на пристани. И онъ вернулъ ихъ въ Государственную Канцелярію. Объ этомъ свидѣтельствуетъ расписка титулярнаго совѣтника Никулинцева, принявшаго сундуки во всей исправности и за цѣлыми печатями[3]). Затѣмъ, переписка, сохранившаяся въ Архивѣ Государственнаго Совѣта и имѣвшаяся въ нашемъ обозрѣніи, не содержитъ указаній, чтобы, по выемкѣ требуемыхъ документовъ, кто либо получилъ доступъ къ хранимымъ бумагамъ. Онѣ поступили въ вѣдѣніе такъ называемаго Секретнаго комитета 1813 г. „Настоятельное положеніе“ современныхъ дѣлъ, какъ выразился Александръ I, отклоняло его отъ разбора дѣла Сперанскаго на неопредѣленное время, И естественно, что

[1]) Отношеніе 21 сентября. № 60.
[2]) 10 февраля 1813 г., за № 267.
[3]) 20 февраля 1813 г.

безъ разрѣшенія императора доступъ къ сундукамъ преграждался. Тѣмъ болѣе, что враги, поневолѣ удовлетворившись происшедшимъ съ государственнымъ секретаремъ, считали его политическимъ мертвецомъ (впрочемъ, исключая Розенкампфа). Такъ продолжалось до 1819 г., когда Сперанскій возбудилъ ходатайство о возвращеніи ему рукописи, содержавшей переводъ весьма распространеннаго тогда религіозно-мистическаго сочиненія, начатый авторомъ еще въ 1805 г. Рѣчь шла о знаменитой книгѣ, приписываемой Ѳомѣ Кемпійскому. Общественное настроеніе той эпохи находилось въ соотвѣтствіи съ содержаніемъ предпринятаго труда. По поводу него Сперанскій вступаетъ въ переписку съ А. И. Тургеневымъ. Сперанскій имѣлъ привычку самымъ тщательнымъ („изящнымъ“) образомъ работать надъ „буквальнымъ“ переводомъ ежедневно („вмѣсто молитвы“). Въ ссылкѣ онъ продолжалъ работу надъ 4-ой частью и указалъ на нее своему старому сослуживцу А. И. Тургеневу, отвѣчая на подозрѣнія „гонителей“ въ атеизмѣ и деизмѣ[1]). Самъ А. И. Тургеневъ интересовался религіозной и массонской литературой. Изданіе книги не могло миновать его по должности директора департамента главнаго управленія духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Государь, освѣдомившись о просьбѣ Сперанскаго, изъявилъ согласіе на выемку рукописи и не скрылъ удивленія, что громадная текущая работа государственнаго секретаря не остановила посвятить свой отдыхъ труду моральнаго и религіознаго характера. Онъ высказалъ сомнѣніе въ правильности обвиненій въ безбожіи, взведенныхъ на его бывшаго сотрудника. Книга была издана въ томъ же году[2]).

Вскорѣ на того же Тургенева возлагается новое порученіе, еще тѣснѣе связанное съ прикосновеніемъ его къ бумагамъ Сперанскаго.

Надо сказать, что А. И. Тургеневъ, въ началѣ своей карьеры, по рекомендаціи Карамзина, поступилъ въ Комиссію составленія законовъ помощникомъ референдарія первой экспедиціи. Здѣсь онъ познакомился съ Сперанскимъ, когда тотъ былъ назначенъ директоромъ Комиссіи. При своей громадной работоспособности, и эти обязанности государственный секретарь выполнялъ съ увлеченіемъ. Его не поколебали даже члены Государственнаго Совѣта[3]), отвергнувшіе представленный проэктъ

[1]) Письмо дочери. Иркутскъ, 10 декабря 1819 г.

[2]) „О подражаніи Христу“, Ѳомы Кемпійскаго. Въ четырехъ частяхъ съ присовокупленіемъ избранныхъ мѣстъ изъ его творенія.

[3]) По возвращеніи Сперанскаго изъ заточенія, Оленинъ, возвращая ему бумаги, писалъ, между прочимъ, что „проэктъ гражданскаго уложенія принятъ былъ за видъ ниспроверженія коренныхъ нашихъ законовъ и замѣненія оныхъ совершенно новыми... Сія часть дѣяній верховнаго совѣщательнаго сословія доказываетъ, сколь далеко могутъ увлекаться отъ настоящаго предмета даже и весьма умные люди...“

гражданскаго уложенія (какъ выразился Карамзинъ — „переводъ Наполеонова Кодекса“). Онъ просилъ государя сложить съ него всѣ остальныя званія и должности, оставивъ лишь директоромъ Комиссіи[1]). Та же просьба повторилась изъ Перми. Кочубей говорилъ, что составленіе законовъ — настоящій элементъ Сперанскаго. Это его пристрастіе знали въ Комиссіи, подвергшейся послѣ его паденія коренной реорганизаціи. Учредили совѣтъ. Въ него вошли: Розенкампфъ, первый референдарій, Дружининъ и А. И. Тургеневъ (оставшійся въ Комиссіи, несмотря на другія должности). Предсѣдателемъ Совѣта и главно-управляющимъ Комиссіи состоялъ князь Лопухинъ. Онъ велъ дѣло, напоминая своего стараго предшественника по управленію Комиссіей — графа Завадовскаго. Кромѣ компилятивной и копировальной дѣятельности Розенкампфа, работа почти прекратилась. Лопухинъ считалъ, что сначала, до составленія гражданскаго уложенія, необходимо должны установиться ясныя начала государственнаго права, и заботился о накопленіи экономическихъ суммъ[2]).

Въ концѣ 20-го и началѣ 21-го года въ столицѣ распространилась ошеломляющая вѣсть. Впечатлѣніе, порожденное ею, было подобно тому, какое вызвало въ свое время извѣстіе о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы: „Сперанскій возвращается“! Вспомнили рѣчи государя на польскомъ сеймѣ и эстляндскому дворянству. Произошло „большое движеніе партій“ — по наблюденію князя Кочубея. Статсъ-секретарь Лонгиновъ, какъ мы увидимъ, причастный также къ сохраненію бумагъ Сперанскаго, передаетъ слухъ, что будто-бы даже часть дѣлъ Аракчеева переходитъ къ возвращающемуся заточнику. Иные сановники боялись его, подобно князю А. Н. Голицыну, какъ привидѣнія. И, однако, множество ихъ писемъ предупредительно отправляется къ сибирскому генералъ-губернатору. Слухи дошли и до Лопухина. Дальновидный вельможа также рѣшилъ подготовиться къ пріѣзду опальнаго. Онъ предугадалъ: возвращеніе къ дѣламъ Сперанскаго не можетъ миновать Комиссіи составленія законовъ — любимаго Сперанскимъ дѣла, къ

[1]) Архивъ Гос. Совѣта. Дѣло Государ. Канцеляріи. № 548 - 131. 1810 г.

[2]) Записка нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы д. т. с. сенатора И. В. Лопухина, сочиненная имъ самимъ. Такое состояніе дѣлъ въ Комиссіи хорошо было извѣстно петербургскому обществу. Бывшій другъ Сперанскаго, В. Н. Каразинъ, основатель Харьковскаго университета, будучи въ столицѣ, записалъ эпиграмму: „Лѣтъ девять составляли, милліона два сожрали, напослѣдокъ составленье обратилось въ оставленье“. „Достойно примѣчанія, говоритъ онъ, что сію эпиграмму на г. Розенкампфа съ товарищи не человѣкъ сдѣлалъ, но природа сама, неодушевленная природа произвела“: буква „с“ на вывѣскѣ Комиссіи на Литейной отпала.

которому онъ былъ приставленъ императоромъ и которое теперь остановилось. Александръ I выразился однажды, что Сперанскаго могъ бы замѣнить только Н. И. Тургеневъ.

Князь Лопухинъ проситъ того же Оленина возвратить, съ Высочайшаго соизволенія, въ Комиссію составленія законовъ всѣ работы бывшаго ея директора, касавшіяся его прежнихъ проэктовъ по уложенію. Понятно, что выполнить такую просьбу могли только очень освѣдомленные люди и пользовавшіеся при этомъ большимъ довѣріемъ. Но Розенкампфъ былъ страстнымъ врагомъ Сперанскаго, помогалъ всячески его паденію, называя его работы „colossal verworene Ansichten". Дружининъ — законовѣдъ стараго закала — раздѣлялъ мнѣніе Карамзина и членовъ Государственнаго Совѣта о гражданскомъ уложеніи Сперанскаго. Оставался Тургеневъ, А. И., какъ нельзя болѣе подходившій къ предстоящему порученію и пользовавшійся довѣріемъ государя. Онъ вошелъ въ переписку съ намѣстникомъ Сибири и хорошо зналъ ходъ къ его сундукамъ. Ему и было приказано отдѣлить требуемыя бумаги и доставить ихъ въ Комиссію.

Таковъ былъ послѣдній разборъ бумагъ. Послѣ него часть ихъ направлена въ архивъ Комитета Министровъ, а остальныя возвращены Олениньмъ хозяину (въ ноябрѣ 1821 г.)[1]) при упомянутомъ письмѣ.

Можно быть увѣреннымъ, что Александръ Ивановичъ Тургеневъ — лицо, имѣвшее доступъ къ бумагамъ Сперанскаго, взявшее изъ нихъ что ему приказывалось, а попутно, что ему заблагоразсудилось.

Самъ Александръ Ивановичъ интересовался религіозной, отчасти массонской, археологической литературой (для чего и предпринималъ и получалъ командировки заграницу). Но у него былъ братъ Николай Ивановичъ Тургеневъ, о которомъ такъ лестно выразился императоръ. Онъ служилъ въ Государственномъ Совѣтѣ, былъ сотрудникомъ Мордвинова, хорошо зналъ Сперанскаго (въ перепискѣ братьевъ Тургеневыхъ встрѣчается его имя), спеціализировался въ вопросахъ государственнаго управленія, политической экономіи, въ особенности финансовъ; напечаталъ большое сочиненіе о налогахъ; упорно и страстно, всегда и вездѣ, защищалъ идею освобожденія крестьянъ. Наряду съ Муравьевымъ онъ считался во главѣ Сѣвернаго общества. Радикализмъ Тургенева сдѣлался извѣстнымъ царю. Однажды царь предупредилъ его, что имѣющихся противъ Тургенева уликъ достаточно, чтобы его уничтожить. Вскорѣ послѣ этого, сопровождаемый сожалѣніемъ Пестеля и другихъ единомышленниковъ, 24 апрѣля 1824 г. онъ уѣзжаетъ заграницу поправлять разстроенное здоровье.

[1]) Гос. Архивъ. По описи бумагъ М. М. Сперанскаго №7.

Вотъ кому А. И Тургеневъ передалъ планы Сперанскаго. И вотъ черезъ кого за время съ 1819, 1821 по 1824 годъ, будущіе декабристы могли познакомиться съ содержаніемъ нѣкоторыхъ бумагъ Сперанскаго, что́ они сами и подтверждаютъ. Заграницей Н. И. Тургеневъ опубликовалъ политическіе планы Сперанскаго разныхъ эпохъ[1]).

Что бумаги изъяты А. И. Тургеневымъ, подтверждается еще однимъ обстоятельствомъ. Въ связи съ іюльской революціей возобновляются противъ Сперанскаго былыя обвиненія о связи его съ декабристами. Извѣстно, какъ относился императоръ Николай Павловичъ ко всѣмъ проэктамъ, оставшимся отъ царствованія его предшественника. Онъ уничтожалъ ихъ, „comme inutiles pour la patrie — по его словамъ[2]). Въ числѣ другихъ донесеній императоръ получилъ и отъ того, чьи бумаги хранились въ трехъ сундукахъ. Магницкій, интересуясь судьбою своихъ бумагъ, естественно разузналъ и о судьбѣ бумагъ своего бывшаго патрона и друга. Былой сотрудникъ Сперанскаго отличался, между прочимъ, большимъ бахвальствомъ и однажды сказалъ, говорятъ: „когда левъ клалъ намъ свою голову, не дураки же мы были, чтобы не попробовать остричь ему когти".

Въ донесеніи 1831 г. Магницкій перечисляетъ бумаги Сперанскаго, которыя считалъ относящимися къ „ихъ предпріятію".

„Введеніе для одного государя къ проэкту конституціи для Россіи и его первая (исполнительная) часть учрежденіемъ новаго Государственнаго Совѣта и Министерствъ приведена въ дѣйствіе. Вторая (судная) читана мною въ Государственномъ Совѣтѣ и одобрена, а третья (законодательная и касающаяся освобожденія крестьянъ — code agraire), прочтенная уже государемъ, не внесена въ Совѣтъ по причинѣ приближенія военныхъ обстоятельствъ 1812 г. Въ бумагахъ сихъ важны разные проэкты конституцій для Россіи и особенно одинъ, написанный рукою князя Чарторижскаго, равно какъ и введеніе, которое писалъ Сперанскій, возвратясь изъ Эрфурта, гдѣ онъ былъ съ государемъ и откуда, кажется, привезъ разныя иноземныя впечатлѣнія".

Въ своемъ донесеніи Магницкій прямо указываетъ на Александра Тургенева, какъ виновника похищенія нѣкоторыхъ изъ этихъ государственныхъ бумагъ.

---

[1]) Проэкты Сперанскаго, копіи его политическаго трактата 1802 года съ собственноручными поправками находятся въ Архивѣ братьевъ Тургеневыхъ въ рукописномъ отдѣленіи Императорской публичной библіотеки.

[2]) См. ниже повелѣніе барону Корфу о бумагахъ Сперанскаго.

Оставшіеся послѣ смерти Сперанскаго (въ 1839 году) бумаги вновь поступили туда, гдѣ столько времени находились ихъ предшественницы, хранимыя въ трехъ сундукахъ (т. е. въ Государственную Канцелярію). Вновь была назначена Комиссія для разбора бумагъ покойнаго графа. Въ нее вошли Данковъ, Танѣевъ и Корфъ[1]), о книгѣ котораго мы упоминали[2]).

Данковъ, большой недругъ Сперанскаго, писалъ Корфу: „М. Г. Баронъ Модестъ Андреевичъ! По Высочайшему повелѣнію имѣю честь препроводить у сего къ вашему превосходительству, для храненія при дѣлахъ Государственнаго Совѣта, нѣкоторыя изъ бумагъ, послѣ покойнаго дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Сперанскаго найденныхъ, въ прилагаемой у сего описи означенныя. Е. И. Величеству благоугодно, что изъ тѣхъ бумагъ сихъ, которыя, по ближайшему усмотрѣнію вашему, окажутся ненужными ни для текущаго производства, ни для справки, были уничтожены"[3]).

Корфъ приказалъ статсъ-секретарю Лонгинову хранить всѣ бумаги. Хранитель первый составилъ статью о Сперанскомъ (если не считать біографію Кантынъ-Каменскаго[4]) и нѣкоторыхъ (впрочемъ, недостовѣрныхъ) свѣдѣній о Сперанскомъ въ воспоминаніяхъ Булгарина, того же года. Статья Лонгинова[5]) могла появиться только черезъ 10 лѣтъ послѣ замѣтокъ Булгарина, и вотъ по какому поводу. Прикосновеніе къ личности реформатора вызвало слѣдующее постановленіе цензурнаго комитета и соотвѣтствующій докладъ императору (2 апрѣля 1848 года): цензорамъ было дано вразумленіе и предписаніе не пропускать ничего о Сперанскомъ, ибо дѣло это „бывъ правительствомъ всегда оставляемо подъ покровомъ тайны, слишкомъ еще близко нашей эпохѣ". Рукою императора на подлинникѣ написано: „совершенно справедливо".

Любопытно, что Лонгиновъ и послѣдующіе авторы, до Ключевскаго включительно, пользуются свѣдѣніями, заимствованными у Н. И. Тургенева. Многіе работали надъ матеріалами, освѣщающими дѣятельность Сперанскаго ранѣе появленія книги Корфа, а результаты своихъ трудовъ могли напечатать только въ начавшуюся эпоху шестидесятыхъ годовъ. Такъ, въ дневникѣ извѣстнаго Никитенка помѣчено: „обработалъ Сперанскаго"

[1]) Въ ту пору государственный секретарь, т. е. замѣститель Сперанскаго.

[2]) Архивъ Гос. Совѣта. По описи бумагъ Сперанскаго. № 188. Погодинъ признается, что, при разсмотрѣніи бумагъ Сперанскаго послѣ смерти реформатора, онъ оставилъ часть ихъ у себя (Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина. Книга 13, стр. 236-37).

[3]) Архивъ Гос. Совѣта. № 412/6. 13 апрѣля 1839 года.

[4]) „Словарь достопамятныхъ людей Русской земли" (1847).

[5]) Русскій Вѣстникъ 1859, №№ 19, 20.

— напечатано могло быть, по цензурнымъ условіямъ, только черезъ 10 лѣтъ.

Тамъ же, подъ 5-мъ декабря 1861 г., записано: „прискорбное явленіе... великій государственный дѣятель, принесшій отечеству такія важныя услуги, обогатившій сокровищницу русской науки такимъ великимъ произведеніемъ, претерпѣвшій такія безпримѣрныя страданія, не можетъ до сихъ поръ явиться въ полномъ своемъ свѣтѣ, со всѣми своими свидѣтельствами на судъ исторіи, на судъ соотечественниковъ".

Что же побудило Корфа не исполнить Высочайшее повелѣніе? Отвѣтъ находимъ въ его дневникѣ (послѣ разбора бумагъ покойнаго). „Читалъ и благоговѣлъ передъ этимъ перомъ, этой бездной учености, этимъ необъятнымъ трудолюбіемъ, этимъ энциклопедическимъ умомъ! Чего тутъ нѣтъ, начиная отъ высшихъ философическихъ истинъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ мистицизма: исторія, религія, философія, классическія и религіозныя древности, законодательство въ теоріи и практикѣ, администрація, финансы — о всемъ тутъ есть не только матеріалы, не только отвлеченныя замѣтки, но и полныя разсужденія и цѣлыя книги. И все это своею рукой и такимъ языкомъ, какимъ никто никогда не писалъ у насъ о подобныхъ предметахъ. И какъ интересна частная его переписка съ значительнѣйшими государственными людьми и учеными его вѣка!".

Ар. Фатѣевъ.

Судьба Записокъ Карамзина О Россіи и Польшѣ при императорѣ Николаѣ I.

Карамзинъ — человѣкъ мысли и пера, не политическаго дѣйствія. Но бывали и у него выступленія въ активной политической роли. Имъ онъ подводитъ итогъ въ концѣ царствованія императора Александра I. Имѣемъ въ виду извѣстный отрывокъ мемуаровъ, цитируемый почти во всѣхъ жизнеописаніяхъ, сжатую политическую автобіографію знаменитаго русскаго историка. Ея немногія строки написаны въ минуту тяжелаго политическаго раздумья надъ ходомъ русской исторіи и своимъ отношеніемъ къ ней. Останавливаетъ вниманіе, что въ этой дневниковой записи нѣтъ ни слова о двухъ самыхъ значительныхъ политическихъ произведеніяхъ. Они же — рѣчи перваго и послѣдняго выступленій Карамзина передъ лицомъ императора Александра I. Они родились въ тайнѣ, какъ и все, касавшееся тогда важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ. Однако, получили извѣстность не только въ столичныхъ, но и въ провинціальныхъ кругахъ.

Передъ нами — подлинныя звенья русской политической дѣйственной мысли. „Записки“ отвѣчали воззрѣніямъ опредѣленныхъ правящихъ группъ въ послѣдовательности царствованій Александра и Николая. Хотя оба августѣйшихъ брата встрѣтили ихъ неблагосклонно, но по разному. Насколько первый, въ началѣ, былъ доступенъ мнѣніямъ подданныхъ, даже совершенно частнаго характера, настолько второй казался недосягаемымъ.

Съ момента воцаренія, кабинетъ Александра I обратился въ своеобразный парламентъ. Никогда стѣны Зимняго дворца не заключали такого количества оффиціальныхъ, неоффиціальныхъ, именныхъ, тайныхъ и явныхъ произведеній этого рода. Ихъ безпрерывное шествіе къ государю, въ первую половину царствованія, открылось въ связи съ задуманными имъ, отчасти проведенными, реформами.

Шествіе начинается экспансивной Запиской В. Н. Каразина, основателя Харьковскаго университета. Любопытно это произведеніе жителя краевъ, гдѣ прежніе хлѣборобы обыкновенно защищали поля и себя своей вооруженной рукою. Степнякъ помѣщикъ, размашисто набрасывая политическую программу, совѣтуетъ Александру „соединить воина съ поселяниномъ“. Идея,

передуманная потомъ Александромъ, приняла форму военныхъ поселеній, неправильно приписанныхъ иниціативѣ графа Аракчеева.

Шествіе кончается запиской Н. М. Карамзина „О старой и новой Россіи въ ея гражданскомъ и политическомъ отношеніи“. Въ ней реформы тріумвирата и Сперанскаго — министерствъ, Государственнаго Совѣта и др. называются десятилѣтними заблужденіями Александра.

Императоръ Николай I, покончивъ съ декабристами, весьма подозрительно отнесся къ братниному политическому наслѣдію, въ томъ числѣ, и къ упомянутому шествію политическихъ произведеній. Причемъ судьба ихъ, по сохранности, увидимъ сейчасъ, не одинакова. Теперь стало извѣстнымъ отношеніе преемника Александра къ призваннымъ и непризваннымъ мнѣніямъ представителей русскаго общества. Онъ подвергъ тщательному уничтоженію документы изъ кабинета своего предшественника. На нѣкоторыхъ обложкахъ осталась собственноручная надпись по французски: „я сжегъ ихъ, какъ безполезныя для отечества“.

Слѣдуетъ замѣтить, что иные любопытные отголоски тогдашней политической борьбы, къ моменту смерти Александра въ Таганрогѣ, оказались для наслѣдника внѣ предѣловъ досягаемости. Между ними — и Записка Карамзина. Но слухи о политическихъ выступленіяхъ историографа доносились къ царю и взяты подъ сомнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, уже одна форма Записокъ была бы непріемлема и не одному Николаю I. Въ запискѣ „О Россіи“ авторъ называетъ монарха умомъ неопытнымъ, тщеславнымъ, самолюбивымъ. Въ „Мнѣніи (голосѣ) русскаго гражданина о Польшѣ“[1]) предупреждаетъ, что царь можетъ остаться въ своемъ дворцѣ съ генералами, служащими „вамъ, т. е. своимъ выгодамъ, но не отечеству; народъ русскій не будетъ съ вами, вы лишитесь любви его“. Александру наносилось ими личное политическое оскорбленіе. Самодержавное сердце Николая почувствовало бы въ нихъ нарушеніе подданнымъ его прерогативы. Недаромъ, записка Карамзина „О Россіи“ кончается фразой: „возвращаюсь къ безмолвію вѣрноподданнаго съ сердцемъ чистымъ...“

Въ Архивѣ Государственнаго Совѣта имѣются слѣды, что оба названныхъ сочиненія, благодаря распространенію ихъ копій въ чиновномъ и аристократическомъ мірѣ столицы, побудили монарха къ попыткѣ непосредственнаго ознакомленія съ ними. Когда авторъ ихъ уже двадцать шесть лѣтъ покоился въ могилѣ, Высочайшее повелѣніе указало произвести надъ ними

[1]) Такое названіе, варіирующееся въ копіяхъ, имѣла вторая записка Карамзина „О Польшѣ“.

слѣдствіе[1]). Передавая Высочайшее повелѣніе, министръ Императорскаго Двора, князь Волконскій ставитъ шефу третьяго отдѣленія С. Е. В. канцеляріи двоякую задачу: розыскать подлинникъ сочиненія Карамзина, извѣстнаго въ петербургскомъ обществѣ подъ заглавіемъ „Мысли о Россіи“, и произвести разслѣдованіе о духѣ, въ какомъ оно написано.

Разсказываемый эпизодъ можетъ представлять интересъ, между прочимъ, въ двухъ отношеніяхъ, — какъ лишняя черта, характеризующая отношенія императора Николая Павловича къ своему предшественнику и къ своему исторіографу. Извѣстно, что проэктъ перваго манифеста, порученный Карамзину, былъ забракованъ (царь нашелъ непріемлемымъ восхваленіе своего брата). Эпизодъ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ и на преемственность политическихъ направленій и ихъ носителей.

Докладъ графа Блудова требуетъ слѣдующаго примѣчанія. Въ министерствѣ Императорскаго Двора существовалъ обычай — ежемѣсячно составлять вѣдомости о неисполненныхъ Высочайшихъ повелѣніяхъ, при чемъ излагались и причины неисполненія. По этой графѣ нѣкоторыя Высочайшія повелѣнія показывались изъ одной мѣсячной вѣдомости въ другую. Такъ случалось съ иными даже погодно. Въ данномъ случаѣ, докладъ графа Блудова, заказанный 19 января, уже 20 января 1852 г. лежалъ на столѣ государя.

Въ немъ устанавливается, что сочиненія Карамзина съ заглавіемъ, подъ какимъ оно распространялось въ петербургскомъ обществѣ, а именно „Мысли о Россіи“, нѣтъ. Составитель доклада предполагаетъ, что, можетъ быть, это сочиненіе ничто иное, какъ написанная въ 1811 году, для великой княгини — впослѣдствіи королевы Вюртембергской — Екатерины Павловны, записка „О древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніи“, или же другая, читанная императору Александру I въ 1819 г. Послѣдняя посвящена была проэкту присоединенія части возвращенныхъ отъ Польши областей Царству Польскому. Первая составлена Карамзинымъ по порученію сестры государя, вручена ею царю въ Твери и никогда не была возвращена автору. Подлинника нигдѣ не оказалось, и потому приказъ Николая I — найти его, не могъ быть исполненъ.

Въ докладѣ имѣются, однако, свѣдѣнія, позволяющія дѣлать предположенія о судьбѣ Записки.

[1]) Арх. Гос. Сов.: 1) О доставленіи министру Императорскаго Двора, для доклада государю, свѣдѣній о рукописныхъ сочиненіяхъ историка Карамзина, № 50; 2) О Высочайшемъ повелѣніи начальнику третьяго отдѣленія графа Д. Н. Блудова, 19 генваря 1852 г. № 256.

По утвержденію Блудова, слѣды ея обнаружились только по смерти Аракчеева. Докладъ говоритъ, что въ 1834—35 годахъ появилось нѣсколько экземпляровъ политическаго произведенія Карамзина. Одинъ изъ нихъ „доставленъ мнѣ — Блудову". Другая Записка о Польшѣ хранилась у автора въ тайнѣ. Черезъ мѣсяцъ по кончинѣ императора Александра I, Карамзинъ показывалъ ее графу Блудову, но снять копіи не позволилъ. Тѣмъ не менѣе она также получила распространеніе.

Записку „О древней и новой Россіи" Блудовъ дѣлитъ на части историческую и критическую; прежде чѣмъ дать оцѣнку, сообщаетъ, что первая часть, т. е. первые листы сочиненія, напечатаны Пушкинымъ въ 1835 или 36 г. въ его журналѣ „Современникъ"; что тѣ же листы исторической части нашли себѣ мѣсто въ печати еще разъ: они помѣщены въ концѣ Исторіи Государства Россійскаго, въ пятомъ, компактномъ онаго изданіи господиномъ Эйнерлингомъ. Что касается записки „О Польшѣ", ходившей по рукамъ въ петербургскихъ оффиціальныхъ кругахъ и носившей также заглавіе „Мысли о Россіи", то хотя теперь и есть ея копіи, но вѣрны ли? — ставитъ вопросъ докладчикъ. И не даетъ отвѣта.

Весьма характерно удостовѣреніе Блудова въ томъ, что записка Карамзина „О Россіи въ ея гражданскомъ и политическомъ отношеніяхъ" найдена среди бумагъ покойнаго министра юстиціи графа Дашкова. Послѣ фактическихъ данныхъ, Блудовъ обращается къ оцѣнкѣ. Останавливается, главнымъ образомъ, на второй части записки „О Россіи". По мнѣнію освѣдомителя, изслѣдованіе духа карамзинскаго сочиненія убѣждаетъ его въ искренности автора, нелицепріятіи и соотвѣтствіи эпиграфу: „Нѣсть льсти во языцѣ моемъ" — стихъ 138 псалма. Патріотизмъ Карамзина не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Правда, объ иныхъ дѣйствіяхъ правительства онъ судитъ иногда строго и, быть можетъ, до нѣкоторой степени, не совсѣмъ справедливо. Блудовъ склоненъ примѣнить ту же мѣрку къ инымъ мнѣніямъ въ части исторической. Онъ находитъ слишкомъ рѣзкими и не вполнѣ основательными отзывы о преобразованіяхъ Петра Великаго, точно также и о реформахъ, коихъ Карамзинъ былъ свидѣтелемъ въ первые годы царствованія императора Александра I.

Гораздо сокращеннѣе свѣдѣнія и отзывъ о запискѣ по поводу Польши. „Иныя мѣста сей Записки — утверждаетъ Блудовъ — можно назвать почти пророческими". Вотъ откровенныя слова Карамзина императору, вызвавшія, между прочимъ такую оцѣнку:

„Государь. Если Вы возстановите древнюю Польшу, то, или падетъ Россія, или русскіе снова зальютъ Польшу кровью

и возьмутъ Прагу штурмомъ". Изъ этого вовсе нельзя заключить, что Карамзинъ врагъ Польши. Нѣтъ. Мнѣніе Карамзина — пусть Польша существуетъ. Но пусть существуетъ также и Россія.

Резюмэ докладчика сводится къ слѣдующему. Сочиненіе, послужившее поводомъ дознанія, называется замѣчательнымъ, особливо въ отношеніи историческомъ. Основная мысль его — Россія, какъ государство, и государство сильное, создана и потомъ два раза спасена, успокоена и возвеличена самодержавіемъ. Въ самодержавіи не только прочный, но и необходимый залогъ ея могущества и благоденствія; что все противное правиламъ онаго можетъ имѣть вредныя, а при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ и гибельныя для нея послѣдствія. Съ этою главною мыслью и выводами изъ нея согласны всѣ разсужденія сочинителя.

Оставляя въ сторонѣ политическія воззрѣнія докладчика, нельзя не замѣтить, что его произведеніе составлено въ спѣшномъ порядкѣ за одну ночь. Возникаетъ даже вопросъ: не было оно готово заранѣе? Во всякомъ случаѣ, авторъ, внѣ всякаго сомнѣнія, владѣлъ бо́льшими матерьялами, чѣмъ воспользовался. Ему оставалась форма изложенія и выборъ.

Вѣдь Блудову были поручены послѣ смерти Карамзина всѣ бумаги историка. Онъ — также редакторъ посмертнаго двѣнадцатаго тома Исторіи Государства Россійскаго. Нельзя, наконецъ, не припомнить, что въ молодости онъ принадлежалъ къ общественно-литературной группѣ Карамзина. О своемъ другѣ, — ея второй лидеръ, — министръ юстиціи Дмитріевъ говоритъ: мы видѣли въ немъ и моралиста, и критика, и патріота, и политика. Кромѣ поэтовъ, напримѣръ, Пушкина, въ нее же входили нѣкоторые будущіе государственные дѣятели и чиновники высокаго ранга. Здѣсь Козодавлевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, покровительствуемый Новосильцевымъ и покровитель Розенкампфа — врага Сперанскаго, самаго непримиримаго, какого только можетъ имѣть человѣкъ въ жизни; здѣсь министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ и другіе, а также упомянутый Дашковъ и самъ Блудовъ, до смерти убѣжденные непріятели того же реформатора. Всѣ эти лица боролись на два политическихъ фронта: противъ Шишкова и противъ создателя Министерствъ и Государственнаго Совѣта.

Всеподданнѣйшій докладъ называетъ моментомъ распространенія записки Карамзина „О Россіи" — время послѣ смерти Аракчеева. Надо замѣтить: дѣйствительно, Александръ I освѣдомлялъ временщика о самыхъ интимныхъ государственныхъ документахъ, нѣкоторые изъ нихъ передавалъ Аракчееву на храненіе. Тотъ важнѣйшіе переплеталъ, дѣлалъ на нихъ свою

надпись. Образцы такихъ документовъ остались въ Архивѣ Военнаго Министерства, куда, намъ извѣстно, поступили бумаги самого Аракчеева послѣ его кончины.

Но, во-первыхъ, возбуждаетъ сомнѣніе заявленіе Блудова, что копія первой Записки Карамзина попала къ нему лишь послѣ того, когда фаворита Александра I уже не было въ живыхъ. Какъ душеприказчикъ надъ бумагами покойнаго историка, какъ человѣкъ — что̀ показываетъ переписка — хорошо знавшій исторію бесѣдъ Карамзина съ царемъ, не могъ ли онъ ознакомиться и раньше съ содержаніемъ политическихъ работъ своего довѣрителя?

Во-вторыхъ, болѣе чѣмъ сомнительно утвержденіе о начальномъ моментѣ распространенія въ русскомъ обществѣ записки Карамзина „О Россіи“. Этому противорѣчитъ слѣдующій фактъ. Она была напечатана еще въ 1818 г. въ Украинскомъ Вѣстникѣ. Фактическимъ редакторомъ-издателемъ этого Вѣстника состоялъ упомянутый В. Н. Каразинъ.

Такому близкому человѣку, какъ Блудовъ, не могло не стать извѣстнымъ, какія административно-политическія непріятности послѣдовали вслѣдъ за тѣмъ для Карамзина. Опубликованіе Записки, конечно, могло быть сдѣлано по плохой копіи. Но самаго факта въ докладѣ Блудова нѣтъ. И понятно. Внесеніе его внесло бы и диссонансъ въ политическую апологію Карамзина, какъ мыслителя и государственнаго дѣятеля.

Не случайно, что записка имѣлась и у Пушкина, и у Дашкова, т. е. арзамасцевъ, какъ и самъ Блудовъ. Если онъ не могъ выполнить Высочайшаго повелѣнія о подлинникѣ, то все же какая-то лучшая копія позволяла ему судить и сомнѣваться въ точности списковъ, циркулировавшихъ въ петербургскомъ обществѣ. Быть можетъ, по той же причинѣ онъ и не представилъ при докладѣ наилучшей копіи. Прочтеніе ея, можно думать, не восполнило бы впечатлѣнія, какое хотѣлъ создать Блудовъ своимъ докладомъ. Вѣдь въ докладѣ тонъ сочиненій Карамзина характеризуется сочетаніемъ убѣжденности, искренности, нелицепріятія, „въ языцѣ“ отсутствіемъ „льсти“. Если, по французской пословицѣ, „тонъ дѣлаетъ музыку“ — въ томъ числѣ и политическую, — то соотвѣтствуетъ ли тонъ Карамзина тону обычныхъ профессіональныхъ политическихъ рѣчей?

А. Фатѣевъ.

Когда и гдѣ крестился Владиміръ Святой?

Споръ о времени и мѣстѣ крещенія кіевскаго князя Владиміра Великаго (Святого) — споръ довольно давній; въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, въ связи съ исполнившимся тогда 900-лѣтіемъ крещенія Руси, онъ вызвалъ обширную литературу, а 20 лѣтъ спустя академикъ Шахматовъ, своей статьею „Корсунская легенда о крещеніи Владиміра“[1]), вновь оживилъ его, поставивъ, такъ сказать, на новые рельсы. Оригинальный подходъ къ вопросу, тонкій и глубокій анализъ, оперировавшій, за почти полнымъ отсутствіемъ новыхъ данныхъ, все надъ тѣмъ же старымъ матеріаломъ, какой былъ у прежнихъ изслѣдователей, вызвали не только общій интересъ къ самому вопросу, но и завоевали выводамъ „Корсунской легенды“ многочисленныхъ сторонниковъ. Шахматовъ пришелъ къ заключенію, что лѣтописный разсказъ о крещеніи Владиміра въ Корсунѣ есть простая легенда, сложившаяся не безъ вліянія былиннаго элемента, — легенда, окрасившая два дѣйствительныхъ историческихъ факта: взятіе Корсуня и женитьбу Владиміра на царевнѣ Аннѣ. Такой выводъ, во всемъ его цѣломъ, нельзя, однако, считать достаточно правильнымъ: при всей заманчивости предложеннаго рѣшенія трудной проблемы, это все же только догадка, нуждающаяся въ опорѣ данныхъ болѣе конкретныхъ и болѣе несомнѣнныхъ; и при всемъ вниманіи къ заслуженному ученому авторитету покойнаго академика, позволительно думать, что тайна, окутывающая крещеніе Владиміра, по прѣжнему все еще не раскрыта. Нижеслѣдующія строки берутъ на себя (заранѣе готовъ признать это) рискованную задачу показать спорность и непріемлемость Шахматовскихъ тезисовъ.

---

[1]) Сборникъ статей, посвященныхъ В. И. Ламанскому по случаю 50-лѣтія его ученой дѣятельности. Часть II. Спб. 1908.

I.

Въ распоряженіи изслѣдователей долгое время находилась одна только т. наз. Несторова лѣтопись (иначе: Повѣсть временныхъ лѣтъ), относившая мѣсто крещенія Владиміра къ Корсуню, а время — къ 988 году, — году, когда взятъ былъ и самый Корсунь. Этимъ показаніемъ руководились, вплоть до половины прошлаго столѣтія и даже нѣсколько позже, почти всѣ историки: Карамзинъ, Погодинъ, Соловьевъ, Филаретъ, архіепископъ Черниговскій; митрополитъ Макарій, Иловайскій, Бестужевъ-Рюминъ, не говоря уже про dii minores русской исторіографіи.

Но вотъ, митр. Макарій, въ ту пору скромный архимандритъ и инспекторъ Петербургской Духовной Академіи, открылъ и обнародовалъ въ 1849 году „Память и Похвалу князю Владиміру“ Іакова Мниха. Эта „Память“ внесла полную смуту въ сложившіяся и, казалось, прочно окрѣпшія представленія: прямо не опредѣляя ни мѣста крещенія ни его года, Іаковъ давалъ, однако, основаніе моментъ крещенія относить на цѣлый годъ раньше и 988-й замѣнить 987-мъ, а взятіе Корсуня отдѣлить отъ акта крещенія на цѣлыхъ два года и относить его къ 989-му[1]).

Тогда же стало извѣстнымъ и другое произведеніе древнерусской письменности: „Чтеніе о житіи Бориса и Глѣба“, прямо указывавшее на годъ 6495-й, т. е. 987-й, какъ на годъ крещенія Владиміра.

Таковы были первые удары, направленные противъ Повѣсти временныхъ лѣтъ; они пробили въ ней чувствительную брешь и серьезно пошатнули ея устои. Этого мало. На лѣтопись обрушился новый ударъ, притомъ направленный совсѣмъ изъ-за угла, откуда его, казалось, менѣе всего можно было ожидать: со стороны арабскихъ писателей, — ударъ тѣмъ болѣе вѣскій и серьезный, что онъ нанесенъ былъ вполнѣ объективной рукою: независимость арабскихъ показаній отъ показаній русскихъ, незаинтересованность ихъ въ ходѣ русскихъ событій, стояла внѣ всякаго сомнѣнія.

Въ 1876 году, по почину академика Куника (1874), извѣстный нашъ византинистъ В. Г. Васильевскій[2]), а въ 1883 году не менѣе извѣстный арабистъ, баронъ Розенъ[3]) ввели въ оборотъ

[1]) „По святомъ же крещеньи поживе блаженый князь Володимеръ 28 лѣтъ... На третье лѣто (по крещеніи) Корсунь городъ взя“. Согласно лѣтописи, Владиміръ умеръ въ 1015 году. 1015 — 28 = 987.

[2]) Русско-Византійскіе отрывки. II. Къ исторіи 976—986 годовъ (изъ ал-Мекина и Іоанна Геометра). Журн. Мин. Нар. Просв. 1876, мартъ. (Труды В. Г. Васильевскаго. Томъ II, вып. 1-й. Спб, 1909).

[3]) Императоръ Василій Болгаробойца. Извлеченія изъ лѣтописи Яхъи Антіохійскаго. Спб. 1883 (Записки Имп. Академіи Наукъ, т. XLIV).

исторической науки свидѣтельства арабскихъ историковъ: первый — указалъ на ал-Макина, второй — на Яхъю: точныя хронологическія данныя, вычитанныя въ ихъ сочиненіяхъ, не оставляли никакого сомнѣнія въ томъ, что взятіе Корсуня кіевскимъ княземъ во всякомъ случаѣ произошло лишь послѣ апрѣля 989 года, никакъ не раньше; и въ то же время ходъ событій въ томъ видѣ, какъ онъ былъ изложенъ названными арабскими писателями, вынуждалъ относить переговоры и заключеніе условій о крещеніи Владиміра и о бракѣ его съ греческой царевною сравнительно задолго до этого взятія, примѣрно года за полтора, если не болѣе.

Такова была общая сумма данныхъ, съ которыми послѣ 1883 года пришлось считаться историку. Предстояла трудная и сложная задача: произвести анализъ накопленныхъ данныхъ, согласовать и примирить ихъ, подтвердить справедливость однихъ, опровергнуть достовѣрность другихъ. Открылось широкое поле для домысловъ и догадокъ; появились гипотезы одна смѣлѣй и субъективнѣе другой. Иначе впрочемъ не могло и быть: въ распоряженіи изслѣдователя находилась единственная[1]) безспорная, не заподозрѣнная, не вызывающая сомнѣній дата: 7—13 апрѣля 989 г. — дни, когда на небѣ показались и стояли огненные столбы: ихъ видѣли одинаково и въ Константинополѣ и въ Каирѣ. Эта дата получила особо важное значеніе въ силу заявленія византійскаго историка Льва Діакона, современника этого небеснаго явленія, а именно, что огненные столбы предвѣщали для грековъ два большихъ бѣдствія: захватъ Верріи мисянами (болгарами) и завоеваніе Корсуня тавроскиѳами (русскими). Показаніе, дѣйствительно, важное: теперь стало возможнымъ, — болѣе того: теперь надлежало утверждать, что Корсунь былъ взятъ Владиміромъ послѣ 13 апрѣля 989 года, не раньше[2]). Такой выводъ, конечно, давалъ историку прочный устой для его разсужденій; но на одномъ устоѣ еще нельзя воздвигать прочнаго зданія, и отсутствіе другихъ подпоръ не замедлило сказаться.

Просторъ для субъективнаго толкованія текста обусловливался не одною только бѣдностью или неточностью хронологическихъ данныхъ: самыя познанія нашихъ историковъ въ наукѣ лѣтосчисленія страдали въ методологическомъ отношеніи.

[1]) Въ наше время едва ли необходимо доказывать противорѣчія и недостовѣрность многихъ хронологическихъ датъ Повѣсти временныхъ лѣтъ.

[2]) Васильевскій, Ж. М. Н. Пр. 1876, мартъ, 157: „Точный смыслъ словъ Льва Діакона, вполнѣ подтверждаемый и разъясняемый хронологическими отмѣтками ал-Мекина, подрываетъ, можно сказать, въ корнѣ авторитетъ русскаго лѣтописнаго сказанія, низпровергаетъ окончательно и въ самомъ основаніи все его построеніе“ (Труды Васильевскаго, т. II, вып. 1-й, стр. 100).

Напримѣръ, въ то время, какъ одни утверждали, что въ старину, при опредѣленіи числа лѣтъ, протекшихъ отъ одного событія до другого, въ общую сумму зачислялись оба года, и начальный и конечный (Соболевскій), другіе, наоборотъ, примѣняли къ старинному счету пріемы современные (Завитневичъ и др.). Вслѣдствіе этого 28 лѣтъ Іакова Мниха („по святомъ же крещеніи поживе блаженый князь Володимеръ 28 лѣтъ") вычитали или изъ 1015 (годъ смерти Владиміра) или изъ 1014, и, въ результатѣ, получали, конечно, разныя цифры: сторонники перваго пріема считали себя въ правѣ настаивать на годѣ 988-мъ, какъ годѣ крещенія: 1015 — 28 = 987[1]); сторонники же второго — на 987-мъ: 1014 — 28 = 986[2]).

Помимо того, показанія источниковъ страдали неполнотой, краткостью, обидной недоговоренностью. „Ходи Владиміръ къ порогамъ" — зачѣмъ? съ какой цѣлью? Да и къ порогамъ ли? Не есть ли пороги испорченное чтеніе вмѣсто порохи, т. е. по Роси? (Соболевскій). — „Побѣди Владиміръ Болгары" — какихъ болгаръ? Волжскихъ или Дунайскихъ?..

Такого рода толкованія давали возможность приходить къ выводамъ иногда прямо противоположнымъ одинъ другому: видѣть въ „Похвалѣ Владиміру" Іакова Мниха то полное противорѣчіе съ „Повѣстью временныхъ лѣтъ", „низпровергать окончательно и въ самомъ основаніи все построеніе русскаго лѣтописнаго сказанія" (Васильевскій, см. выше въ примѣчаніи), то, наоборотъ, полную согласованность ея съ лѣтописью и, значитъ, вящшее подтвержденіе ея достовѣрности (Соболевскій).

Отсутствіе точныхъ данныхъ открывало широкое поле для догадокъ; возможные выводы опирались на возможность предположенія. Паденіе Корсуня относили не только къ „послѣ" 7-13 апрѣля 989 года, но и къ „до" 27 іюля этого года[3]). Въ

[1]) „Древне-русскіе люди были мало знакомы съ именованными числами и производили дѣйствія съ ними не по ариѳметическимъ правиламъ, а какъ-нибудь проще, вѣроятно, по пальцамъ; при этомъ, высчитывая годы отъ событія до событія, они обыкновенно включали въ нихъ число оба года, въ которые совершились событія". Вотъ почему, для того, чтобы узнать годъ крещенія Владиміра по Іакову, надобно „вычесть изъ 1015 не 28, а 27, и признать искомымъ годомъ 988 годъ, т. е. тотъ годъ, подъ которымъ говорится о крещеніи въ лѣтописи" (Соболевскій, Въ какомъ году крестился св. Владиміръ? Журн. Мин. Нар. Просв. 1888, іюнь, 399).

[2]) Завитневичъ, Владиміръ Святой какъ политическій дѣятель. Кіевъ. 1888, стр. 121.

[3]) „И случились въ Каирѣ въ ночь на субботу... (7 апрѣля 989 г.) громъ и молнія и буря сильная... И вышло съ неба подобіе огненнаго столба... И взошло солнце съ измѣненнымъ цвѣтомъ и продолжало восходить... до вторника... (12 апрѣля 989 г.) ...И появилась звѣзда хвостатая на западѣ въ ночь на воскресенье... (27 іюля 989 г.), и стояла двадцать слишкомъ дней и исчезла" (Яхъя, 28-29, у Розена). Огненные столбы, по словамъ Льва Діакона, предвѣщали взятіе Корсуня, а комета — землетрясеніе 25 октября 989 года (Васильевскій, Ж. М. Н. Пр. 157; Труды, 101).

силу чего? Въ силу того, что Левъ Діаконъ, связывая два небесныхъ явленія съ паденіемъ Корсуня, захватомъ Верріи и землетрясеніемъ 25 октября, и пріурочивая къ каждому знаменію особое событіе, можетъ быть, дѣйствительно, опирался на дѣйствительно имѣвшее мѣсто чередованіе явленій небесныхъ съ явленіями земными[1]).

Подобное толкованіе текста, разумѣется, не могло исключить появленія и другихъ домысловъ: Корсунь держался еще долгое время спустя послѣ 27 іюля; не даромъ-де въ октябрѣ мѣсяцѣ императоръ Василій вынужденъ былъ пойти на уступки и войти въ соглашеніе съ бунтовщикомъ Вардою Склиромъ[2]).

Время прибытія въ Константинополь русскаго вспомогательнаго отряда ставилось въ связь съ императорской новеллой 4 апрѣля 988 года, составленной, какъ извѣстно, въ очень минорныхъ тонахъ: именно этотъ минорный тонъ, полный отчаянія, наводилъ на мысль, что столь нетерпѣливо ожидавшаяся греками помощь еще не успѣла прибыть къ этому дню[3]). Несомнѣнно, въ этомъ соображеніи много справедливаго; однако, все же это лишь одно предположеніе, а не достовѣрный историческій фактъ. Вотъ почему ничто не мѣшало (особенно кому это было выгодно въ интересахъ своего построенія и въ подтвержденіе своихъ домысловъ) совершенно отрицать зависимость новеллы отъ неприбытія русскаго отряда и утверждать, что даже и при наличности его положеніе все еще вызывало тревогу, пока битва при Хрисополѣ, лѣтомъ 988 года, не внесла нѣкотораго успокоенія и не придала бо́льшей увѣренности въ самихъ себѣ[4]).

[1]) Розенъ, 215: появившаяся 27 іюля, вслѣдъ за огненными столбами, комета предвѣщала землетрясеніе. „Если теперь допустить, что Левъ при связываніи этихъ знаменій съ указанными событіями не увлекается, такъ сказать, симметричностью, пріурочивая къ каждому знаменію особое событіе, то мы должны будемъ признать, что взятіе Верріи болгарами и Корсуня русскими случилось не только позже 7 апрѣля, но и раньше 27 іюля".

[2]) Не отказывая выводамъ Розена (о паденіи Корсуня раньше 27 іюля) въ правдоподобности, Завитневичъ все же считаетъ ихъ произвольными: по его мнѣнію, въ словахъ Льва Діакона можно вычитать скорѣе опроверженіе ему, чѣмъ подтвержденіе. Византійскій историкъ подчеркиваетъ въ кометѣ рѣзкость и быстроту ея движеній — аналогія съ воспослѣдовавшимъ затѣмъ землетрясеніемъ; въ огненныхъ же столбахъ 7-13 апрѣля — ихъ появленіе на сѣверной части неба — „съ той именно стороны, съ которой потомъ нашла гроза на Корсунь". При паденіи Корсуня еще въ іюлѣ непонятны станутъ большія милости, оказанныя Вардѣ Склирѣ еще въ октябрѣ мѣсяцѣ (О мѣстѣ и времени крещенія Св. Владиміра и о годѣ крещенія кіевлянъ. Кіевъ. 1888, стр. 22; отт. изъ „Трудовъ Кіевск. Дух. Акад." 1888, январь).

[3]) „Трудно допустить, чтобы послѣ прибытія значительнаго русскаго союзнаго отряда императоръ могъ говорить такимъ безнадежнымъ и полнымъ отчаянія тономъ о своихъ постоянныхъ неудачахъ, какимъ проникнутъ этотъ хрисовулъ" (Розенъ, 198).

[4]) Завитневичъ, О мѣстѣ и времени крещенія, 15.

Точно также и домыслъ Голубинскаго о крещеніи Владиміра въ 987 году и притомъ дома, не въ Корсунѣ, ничего неправдоподобнаго въ себѣ не заключаетъ, но и онъ опирается не на реальный фактъ, а на другую такую же правдоподобность: на общее расположеніе Владиміра къ христіанству, — расположеніе, основа которому, въ свою очередь, не реальныя данныя, а субъективное толкованіе лѣтописнаго текста и „Житія Владиміра“[1]).

Могла ли наша исторіографія воздвигнуть зданіе прочное и устойчивое во всѣхъ его частяхъ, если, напримѣръ, авторомъ „Чтенія о житіи Бориса и Глѣба“ одни могли называть Нестора - Лѣтописца (митр. Макарій, Срезневскій, Шахматовъ, Абрамовичъ и др.), а другіе (Голубинскій) — Несторомъ же, но просто Печерскимъ, современникомъ того, Лѣтописца? если „Память и Похвалу Владиміру“, писанную І. Мнихомъ, одни могли серьезно относить ко второй половинѣ XI вѣка (Голубинскій и др.), другіе же, не менѣе серьезно, „съ наибольшею вѣроятностью“, считали ее написанною „не раньше конца XII в., всего скорѣе въ XIII в., до нашествія Батыя“ (Соболевскій)? и если, не довольствуясь Кіевомъ и Корсунемъ, какъ мѣстомъ крещенія Владиміра, искали его еще и въ Константинополѣ?[2]).

Не обошлось и безъ неосторожныхъ увлеченій. Желаніе вычитать въ текстѣ то, что могло бы послужить для подтвержденія ихъ домысловъ, нерѣдко дѣлало нашихъ изслѣдователей плѣнниками этого желанія, побуждая ихъ (пускай даже безсознательно) идти въ желательномъ направленіи значительно дальше, чѣмъ это могла допустить спокойная, объективная критика.

Іаковъ Мнихъ говоритъ: „Крестишеся князь Володимеръ въ десятое (10-е) лѣто по убіеніи брата своего Ярополка“. Одни принимаютъ свидѣтельство въ данной редакціи — оно совпадаетъ съ ихъ толкованіемъ другихъ памятниковъ и съ ихъ конструкціей хода событій; зато другіе вмѣсто „десятое“ (10-е) читаютъ: девятое (9-е) — иначе имъ пришлось бы отказаться отъ хронологическихъ соображеній, на которыхъ они настаиваютъ: „десять“ (10) — говорятъ они — это ошибка; не даромъ-де въ лѣтописяхъ Никоновской и Псковской, въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ, читается „девять“ (9) (Голубинскій, 120—131). Какъ будто не могли ошибиться именно Псковская и Никоновская, исказивъ правильную дату, показанную Іаковомъ!

---

[1]) Голубинскій, Исторія русской церкви, т. I, пол. первая, 2-е изд., 151-152.

[2]) Ѳ. И. Успенскій въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1884, апрѣль, 315.

Оспаривать показаніе того же Іакова о взятіи Корсуня Владиміромъ на третій годъ своего крещенія у изслѣдователей не имѣется достаточныхъ основаній — какъ же быть, если это показаніе расходится съ ихъ утвержденіемъ, что крещеніе и взятіе Корсуня совершилось въ одномъ и томъ же году? Выходъ найденъ; но только каждый находитъ его на свой ладъ: одни говорятъ о вторичномъ взятіи Корсуня — въ первый разъ Корсунь взятъ былъ въ 988 году, въ годъ крещенія Владиміра, въ другой разъ — на третій годъ[1]); другіе разрѣшаютъ ребусъ еще упрощеннѣе: Іаковъ смѣшалъ одинъ Корсунь съ другимъ, греческій съ русскимъ; ему слѣдовало бы сказать: не „взя Корсунь“, а „созда Корсунь“, — говорить не о завоеваніи греческаго города, а о построеніи русскаго на рѣкѣ Роси: русскій Корсунь упоминается въ лѣтописи въ XII в., но основанъ, „безъ сомнѣнія, Владиміромъ вскорѣ послѣ взятія его греческаго соименника“[2]).

Точно также и съ датою Нестора-Лѣтописца (иначе: Печерскаго), показавшаго годъ крещенія 987 (6495): „это случайная замѣтка“, и передъ другими датами, свидѣтельствующими о 988-мъ годѣ, не заслуживаетъ-де предпочтенія[3]).

Ну, а какъ же быть съ показаніемъ Льва Діакона: огненные столбы предвѣщали паденіе Корсуня, явились на небѣ 7 апрѣля 989 года, значитъ, Корсунь палъ послѣ этого числа? значитъ, не въ 988 году? И на это готовъ отвѣтъ: Левъ Діаконъ „могъ смѣшать событіе 988 года, взятіе Корсуня, съ событіями 989-го и увидѣть въ знаменіи послѣдняго года предвѣстіе событія 988 года“, — иными словами, Левъ Діаконъ пріурочилъ огненные столбы къ взятію Корсуня, забывъ, что тотъ былъ взятъ раньше, въ 988 г.; между тѣмъ какъ эти столбы, въ дѣйствительности, предвѣщали какое-нибудь другое бѣдствіе, болѣе позднее, дѣйствительно случившееся послѣ ихъ появленія на небѣ[4]).

Чуть ли еще не болѣе запутала вопросъ т. наз. „Записка готскаго топарха“. Извѣстная въ наукѣ еще съ 1818 года, она сравнительно поздно вошла, по настоящему, въ оборотъ русской исторіографіи[5]), зато сразу стала предметомъ разнообразныхъ истолкованій. Васильевскій категорически отказывался видѣть въ

[1]] П. Г. Лебединцевъ, Когда и гдѣ совершилось крещеніе кіевлянъ при св. Владимірѣ? Кіевская Старина 1887, сентябрь.

[2]] А. И. Соболевскій, Въ какомъ году крестился св. Владиміръ? Журн. Мин. Нар. Просв. 1888, іюнь, 401—402.

[3]] Тамъ же, 400.

[4]] Тамъ же.

[5]] Куникъ, О запискѣ готскаго топарха. Спб. 1874 (Записки Акад. Наукъ, т. XXIV, ч. 1).

ней данныя, имѣвшія отношенія къ полуострову Крыму, а слѣдовательно и къ вопросу о крещеніи Владиміра; онъ пріурочивалъ Записку ко времени войны Святослава Игоревича съ болгарами и греками, вообще мѣстомъ описываемыхъ дѣйствій считалъ не Крымъ, а нижній Дунай и прилегающія къ нему области[1]). Такъ же отрицательно отнесся къ Крыму и академикъ Успенскій, съ тѣмъ, однако, существеннымъ отличіемъ, что событія онъ относилъ къ эпохѣ гораздо болѣе ранней, къ самому началу X вѣка, и вмѣсто Дуная переносилъ ихъ на Донъ (къ постройкѣ крѣпости Саркелъ на берегахъ этой рѣки)[2]). Съ другой стороны Крымъ нашелъ себѣ защиту въ лицѣ Газе, ф. Кене, Гедеонова, Куника, Ламбина, Иловайскаго, Завитневича, Вестберга, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ пріурочивали Записку не только къ Крыму, но и къ крещенію Владиміра въ Корсунѣ, вообще къ пребыванію кіевскаго князя на Таврическомъ полуостровѣ[3]).

II

Конечный результатъ всѣхъ этихъ домысловъ, гипотезъ, натянутыхъ сближеній не могъ быть удовлетворительнымъ, и не удивительно, если Шахматовъ не вступилъ на старый путь, а примѣнилъ къ рѣшенію задачи совсѣмъ иные пріемы, стараясь прежде всего вскрыть первоначальное зерно лѣтописнаго сказанія, а затѣмъ прослѣдить процессъ дальнѣйшаго его роста: позднѣйшія наслоенія и тѣ измѣненія, какимъ оно подверглось на протяженіи этого процесса. О выводахъ Шахматова упоминалось выше. Въ нихъ, къ сожалѣнію, чувствуется какая-то предвзятость, точно изслѣдователь, принимаясь за свой анализъ, выходилъ изъ уже заранѣе сложившагося убѣжденія въ легендарности Корсунской „легенды“, въ ея исторической недостовѣрности. Вотъ ходъ его разсужденій:

1. Мы знаемъ, что Владиміръ крестился въ Кіевѣ за два года до похода на Корсунь.

2. Поэтому лѣтописный разсказъ о крещеніи Владиміра въ Корсунѣ есть разсказъ баснословный.

3. Легенда появилась въ Корсунѣ, но „письменную обработку она могла найти на Руси, въ Кіевѣ“.

4. Посредникомъ въ переходѣ легенды изъ Корсуня на русскую почву могло быть корсунское духовенство.

[1]) Васильевскій, Русско-Византійскіе отрывки. IV. Записка греческаго топарха. Журн. Мин. Нар. Просв. 1876, іюнь (Труды, т. II, вып. 1-й).

[2]) Успенскій, Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ IX и X вв. Оттискъ изъ „Кіевской Старины“. Кіевъ. 1889.

[3]) Газе, Брунъ, Куникъ, Завитневичъ; второй и третій, впрочемъ, скорѣе предположительно, чѣмъ безусловно.

5. Сочинить Корсунскую легенду могъ: а) „прежде всего кто-либо изъ потомковъ корсунскихъ поповъ, вывезенныхъ Владиміромъ“; или б) „позднѣе прибывшій въ Кіевъ грекъ-корсунецъ“.

6. Вывезенную изъ Корсуня легенду предстояло обставить историческими данными — русская лѣтопись для такой цѣли была непригодна: во-1-хъ, едва ли она была доступна греку, а главное, для грека естественно было „умышленно ее игнорировать: **вѣдь, онъ собирался рѣшительно отрицать то, о чемъ сообщала русская лѣтопись,** а именно фактъ крещенія Владиміра въ Кіевѣ“.

7. „Весьма естественно, что этому греку пришлось обратиться къ устнымъ преданіямъ о Владимірѣ, къ историческимъ сказаніямъ и пѣснямъ. Въ нихъ онъ надѣялся найти объясненіе похода на Корсунь, а также подробности объ осадѣ Корсуня и взятіи его“.

8. Въ результатѣ получилось сплетеніе корсунскихъ легендъ о чудесномъ обращеніи въ христіанство съ русскими легендами „о походѣ на Корсунь и военныхъ подвигахъ Владиміра вообще“[1]).

Къ этимъ тезисамъ привела изслѣдователя, логически, предвзятая предпосылка: яко бы историческій фактъ крещенія въ Кіевѣ. „Логику“ видитъ онъ и въ процессѣ образованія самой легенды: „Пріуроченіе крещенія самого Владиміра ко времени этого взятія (т. е. взятія Корсуня) было для корсунцевъ логически необходимымъ. Вокругъ воспоминанія объ осадѣ и взятіи Корсуня Владиміромъ должна (курсивъ Шахматова) была возникнуть христіанская легенда“[2]). Другими словами, корсунскій авторъ описываетъ не то, что было въ дѣйствительности, а то, что ему хочется показать, какъ дѣйствительно бывшее. Шахматовъ не называетъ корсунскаго „списателя“ легенды сознательнымъ выдумщикомъ; но все же передъ нами, очевидно, не простой лѣтописецъ, какъ мы привыкли понимать таковыхъ, а своего рода баснописецъ, субъективная призма котораго, преломляя историческія событія, не пропускаетъ нежелательныхъ для него лучей.

При всемъ остроуміи своего критическаго анализа, Шахматовъ, однако, былъ въ силахъ доказать — не легендарность факта, а лишь легендарность той обстановки, того литературнаго одѣянія, въ какое память народная одѣла корсунскія событія. Въ самомъ дѣлѣ, откуда слѣдуетъ, что именно „легенда“ о крещеніи вторглась въ повѣствованіе объ историческихъ фактахъ, а не наоборотъ: что къ историческимъ

[1]) Сборникъ... Ламанскому, II, 1087—1089.
[2]) Тамъ же, 1087.

фактамъ, позднѣе, примѣшалась легенда, какъ плодъ народной фантазіи? Лѣтописецъ изложилъ намъ три событія: взятіе Корсуня, крещеніе Владиміра и женитьбу его на царевнѣ Аннѣ. Первое и послѣднее событіе — факты несомнѣнно историческіе; но, вѣдь, лѣтопись и ихъ окутала легендарною дымкой?!... Не знай мы, изъ другихъ источниковъ, что эти факты, дѣйствительно, имѣли мѣсто, пожалуй, и ихъ можно было бы отнести въ разрядъ легендъ, признать и ихъ за плодъ народной фантазіи! Какое же нашлось основаніе выдѣлить именно крещеніе изъ категоріи историческихъ, дѣйствительно, происшедшихъ фактовъ? Молчаніе греческихъ источниковъ? То, что въ своемъ разсказѣ они ограничиваются лишь сообщеніемъ о взятіи Корсуня и о женитьбѣ? Но для отрицанія факта крещенія одного молчанія еще не достаточно. Крещеніе варварскаго князя, въ представленіи тогдашняго византійскаго общества, было явленіемъ не Богъ вѣсть какимъ; по малозначительности своей, оно не особенно и выдѣлялось изъ ряда другихъ текущихъ событій. Мало ли этихъ язычниковъ накрестили въ это время греки! Гораздо знаменательнѣе была потеря Корсуня, важнаго опорнаго пункта на сѣверныхъ границахъ Имперіи: потеря эта тревожила и бередила, какъ рана. Да и вынужденная жертва: отдача варвару Анны, царственной отрасли Византійскаго дома, больно задѣвала національное самолюбіе грека: эти двѣ темы его сердцу были гораздо ближе; на нихъ преимущественно и остановилось вниманіе византійскаго лѣтописца.

Если Шахматовъ считаетъ возможнымъ, въ своихъ умозаключеніяхъ, искать себѣ опоры въ томъ, что „могло“, „должно“ быть, что кажется „весьма вѣроятнымъ“[1]), то съ не меньшимъ правомъ и, думается, съ гораздо бо́льшимъ основаніемъ можно предложить, въ противовѣсъ, совсѣмъ иное разъясненіе происхожденія „легенды“:

Владиміръ крестился въ Корсунѣ. Корсунцы, мѣстные жители и современники событія, были, конечно, хорошо освѣдомлены о немъ. Помнили о событіи и ближайшія поколѣнія: дѣти и внуки, хотя бы по одному тому, что оно связалось съ другимъ, для нихъ особенно важнымъ и памятнымъ событіемъ — долговременной осадой и паденіемъ ихъ родного города, страхами и лишеніями, пережитыми въ ту пору. Свѣдѣніе о фактѣ крещенія не могло не быть занесено въ Кіевъ; среди стараго поколѣнія были отдѣльныя лица, непосредственные свидѣтели его. Крещеніе же, само по себѣ, явилось, въ глазахъ русскаго общества, событіемъ такой громадной важности, къ

[1]) Сравн. въ „Разысканіяхъ о древнѣйшихъ р. лѣтописныхъ сводахъ“, 149, 153, 155, все въ связи съ тѣмъ же крещеніемъ Владиміра, его: „трудно предположить“, „гораздо вѣроятнѣе“, „я не сомнѣваюсь“.

тому же оно сопровождалось такимъ крупнымъ военнымъ успѣхомъ, что не удивительно, если память народная разукрасила его и облекла въ легендарно-былинную одежду. Развѣ не такъ же поступала она и въ другихъ подобныхъ случаяхъ? Развѣ, вспоминая объ удачномъ походѣ Олега на Царьградъ, не заставила она его прибивать свой щитъ къ его вратамъ? поднимать ладьи на колеса и по сушѣ гнать ихъ подъ крѣпостныя стѣны? ставить паруса паволочиты и кропійные? не заставила сердце византійскаго императора плѣниться чарами Ольги-христіанки?..

Цѣнное подтвержденіе своему мнѣнію о крещеніи Владиміра не на родинѣ, а въ Корсунѣ, я нахожу въ греческомъ апокрифическомъ „Видѣніи Исаіи о послѣднемъ времени“, съ которымъ насъ знакомитъ, въ выдержкахъ, академикъ Истринъ[1]). Въ этомъ „Видѣніи“ пророчески предвозвѣщается наступленіе поры, когда евангеліе будетъ проповѣдано „въ человѣкоядцахъ и кровопійцахъ“, и царица Анна будетъ отдана „безстудному змію“. Это пророчество, составленное „заднимъ числомъ“; этотъ „плодъ полукнижнаго-полународнаго творчества“, выросшій въ „монашеской средѣ“, В. М. Истринъ сближаетъ съ Корсунской легендой: „это — все то, что говорила впослѣдствіи“ и эта послѣдняя: „царевна отправилась еще къ „безстудному змію“; евангеліе еще не было проповѣдано „человѣкоядцамъ и кровопійцамъ“; слѣдовательно, „змій“ еще не былъ просвѣщенъ христіанствомъ, не былъ еще крещенъ; слѣдовательно, его крещеніе произошло позднѣе прибытія къ нему царевны Анны“.

„Корсунская легенда“, говоритъ Шахматовъ, „выросла, хотя и въ греческой средѣ, но на русской почвѣ и имѣла опредѣленную тенденціозную задачу“. Этого онъ, конечно, не сказалъ бы про „Видѣніе Исаіи“: апокрифъ, разумѣется, выросъ не только въ греческой средѣ, но и на греческой почвѣ. Не предполагать же, что легенда изъ Кіева перешла въ Константинополь и тамъ дала матеріалъ для „Видѣнія“? Думать такъ было бы явной натяжкой. Поэтому отпадаетъ и возможность допустить въ немъ какую-либо тенденціозность по отношенію къ явленіямъ, жизненнымъ и злободневнымъ исключительно для русской среды. Ради какихъ побужденій?

Авторъ этой яко-бы „легенды“ отчетливо представляетъ себѣ, въ какой именно церкви крестился Владиміръ: это церковь св. Василія[2]): она стоитъ въ центрѣ города Корсуня, на Торго-

[1]) Замѣчанія о началѣ русскаго лѣтописанія. „Извѣстія отд. р. яз. и сл. Росс. Академіи Наукъ 1921 г“. т. XXVI, 94-95 (Спб. 1923).

[2]) Можно спорить о наименованіи церкви; „Обычное житіе Владиміра“ называетъ ее церковью св. Іакова, и, допуская, какъ это дѣлаетъ Шахматовъ, что при томъ она называлась еще (по гречески) василикою, можно вмѣстѣ съ нимъ и Голубинскимъ вывести „чтеніе св. Василиска

вой площади: подлѣ („въскраи“) того дома, гдѣ жилъ самъ князь, передъ палатами царевны Анны („цѣсаричина полата за олтарьмь“); церковь эта „стоить и до сего дьне“. Конечно, можно говорить, будто всѣ эти детали — принадлежность не исторіи, а легенды, которой естественно было нарисовать ихъ, разъ ужъ она пошла по пути фантазіи; однако, эти детали слишкомъ реальны, чтобъ позволительно было отказывать имъ въ исторической достовѣрности. А кромѣ того, наше вниманіе останавливаетъ на себѣ еще одно обстоятельство. Передъ возвращеніемъ въ Кіевъ Владиміръ поставилъ въ Корсунѣ церковь, и здѣсь намъ снова даны точныя указанія топографическія: „на горѣ, иже съсыпаша средѣ града, крадуще присъпу, яже цьркы стоить и до сего дьне“.

Что могло побудить Владиміра явиться храмоздателемъ въ городѣ, который онъ, возвращая въ чужія руки, покидалъ навсегда? Не въ воспоминаніе же своей побѣды надъ греками: взятія Корсуня? Такого рода памятникъ едва ли бы долго сохранился въ рукахъ тѣхъ, кому онъ постоянно напоминалъ бы о ихъ пораженіи. Въ воспоминаніе брака съ греческой царевной? Но и въ этомъ случаѣ побудительные мотивы оставались бы спорными, неясными: построеніе церкви — актъ благочестивой вѣры, и бракъ тутъ не при чемъ. Къ тому же для грековъ, выдававшихъ царевну Анну вынужденно, такая церковь тоже была бы лишь тяжелымъ напоминаніемъ о нанесенной имъ ранѣ. Зато вполнѣ естественно было поставить жертвенникъ Господу Богу въ благодарность за ниспосланную милость. Корсунская церковь Владиміра была именно тою безкровною жертвою, которую новый исповѣдникъ Христа возносилъ ко престолу Всевышняго, и такъ естественно было вознести ее именно тамъ, гдѣ свѣтъ истины впервые озарилъ вчерашняго язычника и указалъ ему истинный путь. Для грековъ же новопоставленная церковь была болѣе чѣмъ пріемлемою: она являлась горделивымъ памятникомъ ихъ просвѣтительной дѣятельности.

Вотъ почему въ „Корсунской легендѣ“ я предпочитаю видѣть не миѳъ, облеченный въ историческую одежду, а, наоборотъ, историческій фактъ, изукрашенный фантастическимъ уборомъ.

въ Новгор. 1-й лѣтописи и св. Василья въ Лавр. и Переясл. лѣтописяхъ“ (Сборникъ... Ламанскому, 1122-1123) — дѣло не въ названіи, а въ точности топографическихъ указаній. „Мы не имѣемъ достовѣрныхъ указаній на существованіе въ Корсунѣ церкви св. Іакова“ (Шахм., тамъ же), и кто знаетъ, можетъ быть, объясненіе лѣтописной записи дастъ не „Іаковъ“, не „василика“, а христіанское имя „Василій“, полученное Владиміромъ при крещеніи?

III

Какъ извѣстно, въ сколько-нибудь значительномъ числѣ греки появились на Руси лишь съ учрежденіемъ Кіевской митрополіи (1037). Гордые сознаніемъ своей высокой культурной миссіи, они шли въ далекую страну насаждать тамъ истинную вѣру и просвѣщеніе и свысока смотрѣли на свою духовную паству. Неудивительно, если въ Кіевѣ они не встрѣтили, въ широкихъ слояхъ общества, особенно теплаго пріема. Ихъ высокомѣрное обращеніе съ „сѣверными варварами“ больно задѣвало чувство достоинства русскихъ людей. Самолюбіе задѣто было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ убѣжденнѣе новые исповѣдники Христа считали себя въ правѣ гордиться своими достиженіями. Громадность и величіе дѣлъ Владиміра воочію предстали предъ ними: въ ихъ глазахъ Великій Свѣтильникъ Русскій имѣлъ всѣ права на причисленіе его къ лику святыхъ — греки же отказывали имъ въ канонизаціи. Содѣйствовать сближенію такая позиція, конечно, не могла. Напрасно Иларіонъ краснорѣчиво отстаивалъ въ своемъ знаменитомъ „Словѣ о законѣ и благодати“ русскую точку зрѣнія — его голосъ не былъ услышанъ. Византійская церковь непремѣннымъ условіемъ возведенія во святые ставила наличность чудесъ — Владиміръ же, въ своей загробной жизни, не проявлялъ ихъ.

А тамъ подошла война съ Византійской имперіей (1043 - 1046); русскіе воины двинулись по знакомой дорогѣ на Царьградъ. Это подлило масла въ огонь, или, выражаясь осторожнѣе, бросило первую искру въ горючій матеріалъ, уже успѣвшій къ тому времени накопиться и ожидавшій лишь случая, чтобы загорѣться. Политическіе нелады съ Византіей неизбѣжно становились и неладами съ Византійской церковью; церковные же нелады не замедлили выразиться въ очень рѣзкой формѣ — въ открытомъ разрывѣ съ патріархомъ. На вакантную митрополію Кіевскую былъ избранъ не грекъ, а русскій, Иларіонъ, авторъ вышеупомянутаго „Слова“, и при томъ выбранъ соборомъ русскихъ епископовъ, безъ санкціи Константинопольской церкви, какъ надлежало бы по правиламъ. „Автокефальность“ Русской церкви, однако, не могла быть продолжительной: авторитетъ Вселенскаго патріарха былъ очень скоро возстановленъ, а Иларіонъ принесенъ въ жертву состоявшемуся соглашенію. Пробудившееся національное чувство, однако, съ этимъ легко не примирилось. Въ теченіе всей второй половины XI вѣка замѣчается глухая борьба русскаго и греческаго начала. Между прочимъ она нашла свое выраженіе въ двухъ литературныхъ памятникахъ: въ Житіи Ѳеодосія и въ Житіи Антонія. Первое всю заслугу въ основаніи Кіевопечерскаго монастыря усвоиваетъ Ѳеодосію, русскимъ людямъ вообще, второе пропагандируетъ

Антонія, какъ лицо, дѣйствующее по благословенію Святой Горы (Аѳона), вообще подъ вліяніемъ грековъ.

Эта глухая борьба выступила наружу еще разъ въ двухъ литературныхъ произведеніяхъ: въ „Памяти и Похвалѣ князю русскому Владиміру“, Іакова Мниха, и въ томъ сказаніи, которому Шахматовъ усвоилъ названіе „Корсунской легенды“. Мотивы, побудившіе Владиміра креститься, Іаковъ Мнихъ объясняетъ „жаждою святого крещенія“, видитъ въ этомъ актѣ, подобно Иларіоновскому „Слову“, личную инціативу князя, высоко ставитъ Владиміра, какъ крестителя Руси, называетъ его апостоломъ во князьяхъ, сравниваетъ съ Константиномъ Великимъ — „Корсунская легенда“, какъ извѣстно, объясняетъ поступокъ Владиміра побужденіями матеріальными и всю заслугу въ дѣлѣ крещенія приписываетъ однимъ грекамъ.

Различно объясняя мотивы крещенія, Легенда и Похвала, однако, отнюдь не задавались цѣлью опредѣлить, каждая по своему, также и мѣсто этого крещенія. Одна — просто указывала его, другая — просто молчала о немъ; и Похвала, не говоря ничего положительнаго о „Кіевѣ“, не думала отрицать и „Корсуня“. Утверждать это имѣются слѣдующія основанія.

Анализъ Шахматова прочно установилъ составныя части „Памяти и Похвалы Владиміра“: 1) Похвала Ольгѣ; 2) Краткая и 3) Пространная редакція Похвалы Владиміру. Но разчлененіе этого памятника, кажется, позволительно провести и дальше. Краткая редакція — а она первоначальная, самая древняя! — сама состоитъ изъ механическаго сочетанія (простой склейки) двухъ самостоятельныхъ частей: 1) собственно Похвалы и 2) свода календарно-хронологическихъ записей. Особенность структуры той и другой части рѣзко бросается въ глаза.

Первая половина — похвала въ собственномъ и настоящемъ смыслѣ слова: никакой исторіи, никакого историческаго подхода къ фактамъ и, вслѣдствіе этого, самое свободное, съ точки зрѣнія историка, обращеніе съ ними: авторъ сообщаетъ о фактахъ, совсѣмъ не справляясь съ тѣмъ, на какое историческое мѣсто слѣдуетъ ставить ихъ; онъ вспоминаетъ о нихъ въ порядкѣ собственнаго хода мыслей. Іаковъ охваченъ чувствомъ великой радости при видѣ того, что̀ сдѣлалъ кіевскій князь. И что характерно: говоря объ обращеніи Владиміра, авторъ совсѣмъ не отдѣляетъ личное крещеніе князя отъ крещенія его семьи и народа, давая понять, что въ томъ и другомъ случаѣ для него это одно неразрывное дѣйствіе: „крестися самъ и чада своя и всю землю Рускую крести отъ конца и до конца, храмы идольскыя и требища всюду раскопа и посѣче и идолы съкруши“. Мы, однако, хорошо знаемъ, что крещеніе кіевлянъ произошло лишь послѣ возвращенія Владиміра изъ-подъ Корсуня, въ сопровожденіи царевны Анны и поповъ, съ иконами и

св. мощами... Выводъ изъ этого напрашивается самъ собою.

Сторонники Корсунской легенды ищутъ себѣ точки опоры въ молчаніи І. Мниха о крещеніи Владиміра въ Корсунѣ. Дѣйствительно, І. Мнихъ ничего не говоритъ о немъ; но не станемъ навязывать ему нашей психологіи. Это **мы** задаемся вопросомъ: гдѣ произошло крещеніе Владиміра? Это **для насъ** важно установить этотъ историческій фактъ — мысли же Іакова идутъ совсѣмъ въ иномъ направленіи. Мало ли о чемъ молчитъ онъ! Вѣдь онъ и объ осадѣ Корсуня не проронилъ ни слова! Онъ и про женитьбу ограничился простымъ упоминаніемъ факта посылки царевны! Да, царевна была послана въ Корсунь, но состоялся ли самый бракъ — пожалуй, можно оспаривать и это, такъ какъ прямого свидѣтельства Іаковъ не даетъ.

Такого рода „умолчанія“, „недоговоренности“, вполнѣ естественны въ ходѣ мыслей Іакова: онъ не факты отрицаетъ, онъ просто не ими занятъ: онъ взялся за перо, чтобы подѣлиться своимъ умиленіемъ и восторгомъ и доказать право Владиміра на канонизацію. Новый Давидъ, новый Константинъ, Владиміръ озарилъ свѣтомъ истины Русскую землю — развѣ этого мало? Что-жъ изъ того, если онъ не творитъ чудесъ? Развѣ всѣ святые непремѣнно проявляли свою святость именно этимъ путемъ? А что Богъ возвеличилъ Владиміра — доказательствомъ тому та помощь, которую Онъ оказалъ ему въ борьбѣ съ Радимичами, Вятичами, Серебряными болгарами, Хазарами. И развѣ не Богъ помогъ ему взять Корсунь и вывезти оттуда наставниковъ своему народу? Овладѣвъ Корсунемъ, Владиміръ выпросилъ у императоровъ, все въ тѣхъ же религіозныхъ цѣляхъ („да ся бы болма на крестьянскій законъ направилъ“), ихъ сестру въ жены и уѣхалъ съ нею, вмѣстѣ съ „многими дарами“ и св. мощами, обратно къ себѣ.

Какъ видимъ, исторіи нѣтъ и намека въ Похвалѣ Іакова. Богъ помогаетъ Владиміру въ награду за его христіанское благочестіе еще въ ту пору, когда тотъ совсѣмъ еще и не думалъ принимать крещеніе, а пребывалъ въ язычествѣ (подчиненіе Радимичей и др. племенъ). Таково содержаніе Похвалы. Въ немъ есть цѣльность; мысль закончена, выражена полно. Въ заключеніе, авторъ добавляетъ лишь одну фразу: „По святомъ же крещеніи поживе блаженый князь Володимеръ 28 лѣтъ“. Больше ему нечего сказать, и онъ ставитъ точку.

Вторая половина — простой погодный перечень событій, при томъ далеко не въ хронологической послѣдовательности: факты болѣе поздніе поставлены тамъ впереди, факты болѣе ранніе упоминаются въ самомъ концѣ. Перечень этотъ легко могъ быть работой чьихъ нибудь иныхъ рукъ, не непремѣнно автора Похвалы.

Легенда и Похвала возникли спустя приблизительно сто лѣтъ послѣ крещенія Владиміра, т. е. въ такое время, когда живая память могла утерять нѣкоторыя подробности и толковать ихъ неодинаково[1]). Въ глазахъ современниковъ Похвала, при всѣхъ ея достоинствахъ, страдала однимъ существеннымъ недостаткомъ: она была только похвалою; она ничего не сообщала о событіяхъ, не излагала исторіи событій и, слѣдовательно, не давала отвѣта на то, что всего болѣе желалъ знать ея читатель: того, что было. Отмѣтить это умѣстно уже потому, что, при разногласіи и невыясненности вопроса о мѣстѣ крещенія, отсутствіе прямого отвѣта могло служить, въ глазахъ современниковъ, однимъ изъ мѣрилъ въ оцѣнкѣ произведенія.

Возможно, что самая приклейка къ Похвалѣ вышеупомянутаго перечня явилась своеобразною попыткою восполнить такой пробѣлъ; но попытка удовлетворительныхъ результатовъ не дала. Похвала не въ состояніи была конкурировать съ Корсунской легендой, богатой именно фактами. Не потому ли и въ памяти потомства сохранилась именно Легенда, а не Похвала, хотя, въ позднѣйшихъ редакціяхъ, и пытавшаяся восполнить этотъ пробѣлъ? Какъ бы ни было, но Похвала затерялась, и еслибъ не случайная находка ея 80 лѣтъ тому назадъ, то, возможно, мы и до сей поры не имѣли бы о ней никакого представленія.

Почему въ памяти потомства Похвала не сохранилась — краснорѣчивое объясненіе (хотя и не въ пользу своей гипотезы) даетъ и самъ Шахматовъ. „Тотъ фактъ (говоритъ онъ), что древнѣйшая версія смѣнилась другой; что она была окончательно вытѣснена этой другой версіей; что составитель Начальнаго свода рѣшительно возражалъ противъ тѣхъ, кто полагалъ крещеніе Владиміра въ Кіевѣ или Василевѣ, слѣдовательно, отъ греческаго философа, этотъ фактъ — говорю я — свидѣтельствуетъ самымъ краснорѣчивымъ образомъ въ пользу того, что древнѣйшая версія находила себѣ опору **не въ народныхъ воспоминаніяхъ, не въ устныхъ преданіяхъ и церковныхъ легендахъ, а въ книжной, искусственной комбинаціи**“[2]).

[1]) В. М. Истринъ полагаетъ, что нѣтъ основанія относить сложеніе „Корсунской легенды“ къ концу XI вѣка, какъ это дѣлаетъ Шахматовъ; что она могла сложиться еще раньше, въ періодъ 1037—1054 гг. Однако, трудно допустить, чтобы въ Кіевѣ, какъ разъ въ пору основанія тамъ митрополіи, уже успѣли наложить на разсказъ всю ту легендарную оболочку, съ какою она дошла до насъ, и изъ простого сказанія, повѣсти сдѣлать настоящую легенду, безъ кавычекъ. Поэтому Шахматовъ, думается, ближе къ истинѣ, утверждая, что Корсунская легенда сложилась не ранѣе „второй половины или даже послѣдней четверти XI столѣтія“ (Разысканія о древн. русск. лѣтописныхъ сводахъ. Спб. 1908, стр. 134).

[2]) Разысканія, стр. 154.

Дѣйствительно, помни народъ о крещеніи Владиміра дома, древнѣйшая версія отразилась бы и „въ устныхъ преданіяхъ“ и „въ церковныхъ легендахъ“. Не помнилъ же ее народъ потому, что нечего было помнить. То, что Голубинскій, Шахматовъ и ихъ послѣдователи называютъ крещеніемъ 987 года, совсѣмъ не было крещеніемъ, а именно той, непонятной народному уму, „искусственной комбинаціей“, которой, поэтому, только и мѣсто могло найтись, что въ книгѣ. Дѣло не въ томъ, что „крещеніе“ 987 года состоялось втайнѣ. Будь оно, дѣйствительно, крещеніемъ, безъ кавычекъ, то фактъ его, конечно, скоро всплылъ бы наружу, закрѣпился не только въ „книгѣ“, но и „въ народныхъ воспоминаніяхъ“.

Каковъ же, въ такомъ случаѣ, былъ дѣйствительный ходъ событій: отправка греческими императорами пословъ къ Владиміру съ просьбою о помощи; переговоры, вызванные этою просьбою; участіе русскаго отряда въ дѣйствіяхъ противъ Варды Фоки; разрывъ греко-русскаго союза и послѣдовавшія затѣмъ осада и взятіе Корсуня? Этотъ ходъ событій представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ.

IV

А. Прибытіе греческихъ пословъ въ Кіевъ.

Яхъя категорически свидѣтельствуетъ (и никакой другой источникъ, ни русскій ни византійскій, въ томъ ему не противорѣчитъ), что имп. Василій отправилъ пословъ послѣ того, какъ Варда Фока, провозгласивъ себя 14 сентября 987 года императоромъ, подошелъ къ Хрисополю, а подойти туда изъ Каппадокіи, гдѣ онъ поднялъ знамя возстанія, онъ могъ, по справедливому замѣчанію Розена, не раньше конца 987 года. Дѣйствительно, пройти изъ Каппадокіи до береговъ Босфора значило пройти по Малой Азіи на всемъ ея пространствѣ, съ верхняго бассейна Евфрата до Пропонтиды: путь лежалъ дальній, и даже допуская, что въ общемъ онъ былъ повсюду побѣдоносный, все же измѣрять его однѣми недѣлями едва ли было бы осторожно. Вѣдь, не скатертью же лежала дорога войскамъ Варды! хоть маленькія задержки на пути все же да были! вѣдь, не шли же войска изо дня въ день, безъ передышки и дневокъ! Если даже положить самый короткій срокъ въ полтора мѣсяца, то и то бунтовщики не могли появиться на Босфорѣ ранѣе ноября.

Затѣмъ надо же положить нѣкоторое время на принятіе окончательнаго рѣшенія, на выясненіе созданнаго съ приходомъ вражеской арміи новаго положенія, на сборы пословъ. Правда,

бываютъ положенія, когда нельзя терять ни одной минуты, но положеніе Василія, будучи, безспорно, весьма серьезнымъ, не было, однако, еще безнадежнымъ: со времени своего появленія передъ Константинополемъ Варда простоялъ еще цѣлыхъ полгода и ничего особеннаго сдѣлать Василію не могъ; и если Василій не могъ собственными силами сломить силы Варды, все же задержать соперника до прихода русскаго вспомогательнаго отряда онъ оказался въ состояніи.

Вотъ почему слѣдуетъ принять толкованіе бар. Розена, а не Завитневича. Послѣдній исходитъ изъ 987 года, какъ года крещенія и притомъ крещенія въ присутствіи императорскихъ пословъ, и потому ему цѣнно увидать этихъ пословъ въ Кіевѣ до наступленія новаго 988 года. Онъ хорошо понимаетъ, что зимняя пора, замерзшій Днѣпръ, вообще вся обстановка зимняго переѣзда въ X столѣтіи по малолюдному краю, гдѣ безнаказанно рыскали печенѣги и другіе степные хищники — все это должно было сильно задержать путниковъ въ дорогѣ. Поэтому ему хочется поторопить ихъ съ пріѣздомъ, и онъ хватается за обманчивую возможность прислать пословъ въ Кіевъ еще до закрытія навигаціи, „приблизительно въ первой половинѣ ноября того же 987 года и во всякомъ случаѣ никакъ не позже этого года“[1]).

Впрочемъ, довольно безразлично, будетъ ли принято толкованіе бар. Розена или Завитневича. Вопросъ о годѣ, въ отношеніи пріѣзда пословъ и заключенія договора, большого значенія не представляетъ, и напрасно въ нашей литературѣ онъ поставленъ былъ съ такой остротой. Отчего, въ самомъ дѣлѣ, не допустить, что въ Константинополѣ тотчасъ же, какъ дошла туда вѣсть о бунтѣ Варды Фоки, еще не дожидаясь подхода его войскъ, значитъ, еще въ началѣ октября, поторопились обратиться за помощью къ русскому князю? Въ этомъ случаѣ послы могли, дѣйствительно, прибыть въ Кіевъ еще до закрытія навигаціи[2]). Но если послы и прибыли позже, въ концѣ

[1]) Поддержку себѣ Завитневичъ готовъ видѣть въ словахъ Пселла: когда Варда Фока дошелъ до Пропонтиды и расположился въ виду Константинополя, тогда „императоръ Василій убѣдился въ нерасположеніи къ нему грековъ, и такъ какъ незадолго предъ тѣмъ къ нему пришелъ тавро-скиѳскій значительный военный отрядъ, то онъ, соединивъ ихъ вмѣстѣ“, вышелъ противъ бунтовщиковъ. Однако, и Завитневичъ, повидимому, не отказывается признать нѣкоторую неясность такого показанія, потому что, при буквальномъ пониманіи словъ Пселла, неизбѣжно возникаетъ вопросъ: если русскій (тавро-скиѳскій) вспомогательный отрядъ ко времени появленія Варды на берегахъ Босфора уже находился въ распоряженіи Василія, то зачѣмъ было ему отправлять своихъ пословъ къ кіевскому князю?

[2]) Не думаю, чтобы текстъ Яхъи противорѣчилъ этому: „И взбунтовался открыто Варда Фока и провозгласилъ себя царемъ въ середу, день праздника Креста, 14 сентября 1298 (987)... и овладѣлъ страною грековъ до Дорилея и до берега моря, и дошли войска его до Хрисополя.

январскаго 987 года или даже въ началѣ слѣдующаго, все же они успѣли бы выполнить свою миссію до окончанія мартовскаго 987 года и тѣмъ самымъ оправдать домыслы тѣхъ историковъ, которые ищутъ себѣ — въ вопросѣ о годѣ крещенія Владиміра — точки опоры не въ лѣтописи, а въ Іаковѣ Мнихѣ и Несторѣ-лѣтописцѣ („Чтеніе о житіи Бориса и Глѣба"). Дѣйствительно, мы можемъ сказать, что, примѣнительно къ старому русскому счету, договоръ былъ заключенъ, въ томъ и другомъ случаѣ, въ 987 году[1]).

Б. Не былъ ли Владиміръ уже христіаниномъ въ ту пору, когда въ Кіевъ прибыли греческіе послы просить его о военной помощи?

Расположеніе къ христіанству Владиміръ питалъ, несомнѣнно, еще до прибытія пословъ; оно не было противно ему; по существу довольно индифферентный къ Христовой вѣрѣ, какъ къ ученію религіозному, онъ — прежде всего по политическимъ соображеніямъ — готовъ былъ оцѣнить это ученіе, видя въ немъ залогъ своихъ государственныхъ успѣховъ и понимая, что для Руси уже настало время сбросить съ себя языческую одежду и вступить въ среду народовъ христіанскихъ. Такимъ образомъ, предположеніе, что послы застали его уже христіаниномъ, само по себѣ, не представляетъ ничего неправдоподобнаго. Голубинскій идетъ далѣе и предположеніе превращаетъ въ реальный фактъ, въ убѣжденіе, что Владиміръ, дѣйствительно, крестился еще до прихода пословъ. Однако, его толкованіе не подтверждается никакими фактическими данными и, къ тому же, „правдоподобности" факта можно и слѣдуетъ противопоставить логическую непріемлемость его.

И стало опаснымъ дѣло его и былъ имъ озабоченъ царь Василій по причинѣ силы его войскъ и побѣды его надъ нимъ. И истощились его богатства и побудила его нужда послать къ царю русовъ — а они его враги, — чтобы просить ихъ помочь ему въ настоящемъ его положеніи". Затруднительность своего положенія Василій могъ осознать, конечно, еще до прихода Варды подъ Хрисополь.

[1]) Новый годъ считался въ ту пору съ 1-го марта. „Мартовскій годъ былъ заимствованъ южными славянами, вѣроятно, изъ Пасхаліи и вмѣстѣ съ письменностью перешелъ къ русскимъ" (В. Н. Щепкинъ, Учебникъ русской палеографіи. М. 1920, с. 141). „Въ предѣлахъ до крещенія Руси годы можно считать сентябрскими; въ предѣлахъ же послѣ крещенія Руси, когда явилась русская письменность, годы могутъ быть (по господствовавшему на Руси счету) мартовскими" (Шахматовъ, Повѣсть вр. лѣтъ. Томъ I. Спб. 1916, с. 400). Попъ Упирь Лихой (1047), писецъ Остромирова евангелія (1026-1057) придерживаются мартовскаго года (Щепкинъ, озн. соч., 142).

Большой политическій умъ, Владиміръ, хорошо понималъ политическія и культурныя выгоды обращенія Руси въ православную вѣру; но именно какъ политикъ, едва ли онъ могъ сдѣлать такой отвѣтственный шагъ втихомолку отъ своего народа и не за одно съ нимъ. Владиміръ совсѣмъ не былъ Савломъ, превратившимся въ Павла: онъ отнюдь не горѣлъ жаждою познать истинное ученіе и отдать себя на служеніе ему. Личнаго удовлетворенія онъ не искалъ. Какой смыслъ могло имѣть для него принятіе христіанства одному, безъ народа, да вдобавокъ еще потихоньку отъ него? Въ нашей литературѣ не безъ основанія указывалось на то, что положеніе Владиміра по отношенію христіанства было довольно щекотливымъ: на кіевскій престолъ его возвела партія враждебная Ярополку, — враждебная именно за христіанскія симпатіи послѣдняго. Правда, защитники тайнаго обращенія Владиміра именно въ этомъ фактѣ и находятъ объясненіе самой таинственности; но послѣдняя имѣла бы смыслъ лишь въ случаѣ, если, дѣйствительно, признать у Владиміра ревность къ новой вѣрѣ, особое къ ней горѣніе. А кто докажетъ существованіе таковой? Въ дѣйствіяхъ Владиміра гораздо ярче выступаетъ политикъ, чѣмъ вѣрующій.

Вотъ почему предположеніе, будто онъ былъ уже христіаниномъ къ пріѣзду греческихъ пословъ, должно быть отвергнуто.

В. Не принялъ ли Владиміръ крещенія въ пріѣздъ греческихъ пословъ?

Но, быть можетъ, Владиміръ крестился, когда послы пріѣхали въ Кіевъ и дали согласіе на бракъ съ царевною Анною? Отрицательный отвѣтъ приходится дать и на этотъ вопросъ.

Предположеніе, будто Владиміръ крестился тогда же, какъ заключалъ договоръ (Завитневичъ), противорѣчитъ самому характеру событія, идетъ въ разрѣзъ съ той линіей, какую приняли тогда эти событія. Просящею, заискивающею стороною была Греція, а не Русь; Владиміръ находился въ чрезвычайно выгодномъ положеніи — къ чему было ему торопиться и связывать себя лишнимъ обязательствомъ? Если бы послы еще привезли съ собою царевну Анну — тогда иное дѣло; но вѣдь ея не было съ ними; „византійская“ же политика византійскихъ императоровъ Владиміру, конечно, была хорошо извѣстна; къ тому же онъ могъ быть хорошо освѣдомленъ о недавнемъ грубомъ обманѣ, на какой пустились греческіе цари,ославъ въ жены болгарскому царю Самуилу, вмѣсто обѣщанной сестры своей, другую похожую на нее женщину, выдавъ ее за царевну. Готовность принять христіанство у Владиміра, правда, была

(и въ этомъ отношеніи вполнѣ пріемлемы домыслы Голубинскаго); но ему, по чисто политическимъ соображеніямъ, выгодно было не выпускать изъ рукъ такого крупнаго козыря, какъ принятіе христіанства, и попридержать его у себя до поры до времени.

Г. Оглашеніе?

Въ такомъ случаѣ что же означаютъ показанія Нестора о крещеніи Владиміра въ 987 году и Іакова Мниха — о крещеніи за два года до взятія Корсуня?

Греческіе послы явились въ Кіевъ къ Владиміру не только съ просьбою о помощи, но и съ заманчивымъ предложеніемъ выдать за него царевну Анну. Благопріятный случай открывалъ кіевскому князю лестную перспективу породниться съ императорскимъ домомъ, и хотя самъ онъ, пользуясь удачно сложившимися обстоятельствами, счелъ возможнымъ требовать не однихъ обѣщаній, но чего-либо болѣе положительнаго и реальнаго, то, конечно, и ему, въ свою очередь, предстояло пойти на встрѣчу болѣе или менѣе въ той мѣрѣ, въ какой дѣлали это греки: въ области спеціально военной сторона болѣе сильная можетъ повышать свои требованія ad infinitum, но тутъ приходилось рѣшать вопросъ, не допускающій дѣйствій одностороннихъ. Обрученіе, какъ первая ступень къ браку — таковъ былъ шагъ со стороны грековъ; оглашеніе, какъ первая ступень къ крещенію — таковъ былъ первый шагъ со стороны Владиміра. Обрученіе можно было произвести заочно, безъ невѣсты; но оглашеніе требовало непосредственнаго присутствія и участія кіевскаго князя.

Въ чемъ состояло это соглашеніе, состоялось ли оно въ формѣ, предполагаемой проф. Малышевскимъ (принятіе христіанскаго имени; чтеніе молитвы; натѣльный крестъ)[1]) и даже вообще допустимо ли оно было въ такой формѣ — предоставляемъ судить объ этомъ канонистамъ, знатокамъ византійскаго церковнаго права; но даже если оглашеніе въ канонически допустимой формѣ и въ придаваемомъ канонами смыслѣ и не имѣло мѣста, то, повидимому, все же что-то такое совершилось, дѣлавшее впослѣдствіи поворотъ назадъ недопустимымъ и налагающее такія обязательства, которыя, по понятіямъ того времени, пріобрѣтали характеръ болѣе прочный и болѣе торжественный, чѣмъ всякая иная юридическая сдѣлка. На сцену впервые выступала Церковь съ своимъ особымъ кодексомъ требованій, особою моралью и оцѣнкою человѣческихъ поступковъ.

[1]) Отчетъ о 24 присужденіи наградъ графа Уварова. Спб. 1882.

Вотъ это-то оглашеніе; это, такъ сказать, полукрещеніе, совершенное, разумѣется, негласно, что́ подало впослѣдствіи поводъ къ толкамъ: „Се же не свѣдуще право глаголють, яко крестилъ ся есть въ Кіевѣ, и ини же рѣша: въ Василевѣ, другіе же инако скажють“, — оно и было понято, принято и отмѣчено Іаковомъ Мнихомъ и Несторомъ, авторомъ „Чтенія о житіи Бориса и Глѣба“, какъ дѣйствительное и полное крещеніе. Это „крещеніе“ произошло одновременно съ подписаніемъ договора, въ одинъ изъ послѣднихъ мѣсяцевъ мартовскаго 987 года, а потому и отмѣчено у Іакова и Нестора, какъ событіе именно этого года.

Что при подписаніи договора вопросъ о предстоящемъ бракѣ Владиміра съ греческой царевной не только серьезно обсуждался, но и вылился въ формы тоже серьезныя, — объ этомъ можно заключить еще и на основаніи того, что и византійскіе и арабскіе источники, въ полномъ согласіи между собой, именно къ этому договору пріурочиваютъ дѣйствія, опредѣляемыя ими, какъ женитьба.

1. „И заключили они между собою договоръ о свойствѣ и женился царь Русовъ на сестрѣ царя Василія... и послалъ къ нему царь Василій впослѣдствіи митрополитовъ и епископовъ, и они окрестили царя... и отправилъ къ нему свою сестру“ (Яхъя).

2. „И послали они тогда пословъ къ царю Русовъ и просили у него помощи и женили его на одной изъ сестеръ“ (Ибн-эл-Атиръ).

3. „Этотъ князь попросилъ руку ихъ сестры для брака, но она отказалась быть отданной жениху иной вѣры, переговоры по этому дѣлу имѣли результатомъ принятіе русскимъ княземъ христіанства. Тогда соглашеніе состоялось и принцесса была выдана за руса. Онъ прислалъ множество своихъ слугъ на помощь императорамъ, людей твердыхъ и мужественныхъ“ (Мискавейхи).

4. Имп. Василій поставилъ во главѣ флота князя Владиміра sibi cognatione conjunctu ob sororem suam Annam (Скилица).

5. Передъ битвой подъ Хрисополемъ имп. Василій „приготовилъ ночью корабли и посадилъ на нихъ Русь“: онъ могъ это сдѣлать, потому что передъ тѣмъ призвалъ ихъ къ себѣ на помощь „и сдѣлалъ зятемъ князя ихъ Владиміра по своей сестрѣ Аннѣ“ (Кедринъ).

6. Императоръ, „устроивъ родственный союзъ свой съ княземъ ихъ Владиміромъ чрезъ сестру свою Анну, получилъ оттуда вспомогательный военный отрядъ, который и пустилъ въ дѣло подъ Хрисополемъ“ (Зонара).

Характерно, что всѣ шестеро говорятъ о „женитьбѣ“, какъ о фактѣ, предшествовавшемъ посылкѣ военной помощи.

Мы знаемъ, что церковнаго брака въ дѣйствительности не было, но, очевидно, нѣчто, выходящее за предѣлы простого письменнаго акта или юридической сдѣлки, все же состоялось. Исторія знаетъ примѣры заочныхъ браковъ, когда одинъ изъ брачущихся замѣнялся подставнымъ лицомъ: Джанбаттиста делла Вольпе фигурировалъ въ Римѣ на брачной церемоніи съ Софіею Палеологъ, какъ замѣститель Ивана III — по русскимъ воззрѣніямъ это было именно обрученіе, при чемъ „жениху“ не мѣшало оставаться тѣмъ, кѣмъ онъ былъ — католикомъ. Точно также Аѳанасій Власьевъ замѣнялъ въ Краковѣ Лжедимитрія I при его обрученіи съ Мариною Мнишекъ.

Характерно и то, что Яхъя, женивъ Владиміра на Аннѣ при заключеніи договора, потомъ креститъ его и, посылая къ нему Анну, отнюдь не говоритъ, что съ ея пріѣздомъ въ Кіевѣ состоялась церемонія брака: послѣдній, для него, состоялся раньше. И развѣ не было примѣровъ, что христіанки выходили замужъ за язычниковъ? Исторія Западной Европы знаетъ Хлодовея французскаго, Мѣшка польскаго. Въ свою очередь, значеніе „Кіевскаго“ брака сильно подчеркнуто и у остальныхъ пяти историковъ: ни о какомъ другомъ бракѣ они не упоминаютъ.

Отправляя пословъ къ кіевскому князю, императоры не должны были обольщать себя большими надеждами и заранѣе предвидѣли, что условія договора будутъ для нихъ не легки, и не только потому, что использовать затруднительное положеніе грековъ было на руку кіевскому князю, какъ всякому „доброму сосѣду“, но и потому, что Русы, по свидѣтельству Яхъи, въ ту пору „были ихъ врагами“, и, слѣдовательно, превратить ихъ въ друзей, купить ихъ содѣйствіе нельзя было особенно дешево. Въ предвидѣніи этого, дабы не задерживать посылку вспомогательнаго отряда, они должны были дать своимъ посламъ широкія полномочія и заранѣе подготовиться скрѣпить политическій союзъ союзомъ брачнымъ. Едва ли впрочемъ въ этихъ видахъ они посылали съ послами кого-нибудь изъ своихъ придворныхъ дѣвицъ: надо думать, въ Кіевѣ, и безъ этого, нашлись бы лица женскаго пола для замѣны царевны Анны.

Д. Личное участіе Владиміра въ войнѣ съ Вардою Фокою.

Права утверждать личное предводительство Владиміра вспомогательнымъ отрядомъ, дѣйствовавшимъ противъ Варды Фоки, источники намъ не даютъ. У Яхъи объ этомъ нѣтъ никакого намека; въ словахъ Ибн-эл-Атира („и женился онъ на ней и пошелъ навстрѣчу Вардису, и они сражались и воевали“) мы не найдемъ отрицанія личнаго участія Владиміра, но и

только; еще у аль-Макина, при желаніи, можно вычитать положительныя указанія, но и въ его выраженіяхъ: „они оба сговорились“, „отправились на него“, „обратили его“ — съ одинаковымъ правомъ можно видѣть простую метонимію. То же слѣдуетъ сказать и про Пселла[1]); и только одинъ Скилица даетъ ясное, категорическое указаніе на личное участіе Владиміра. Но Скилицу мы знаемъ, къ сожалѣнію, лишь въ латинскомъ переводѣ; а что, если переводчикъ допустилъ отъ себя вставку, въ которой подлинный греческій текстъ неповиненъ? Не даромъ же Кедринъ, раболѣпно копировавшій Скилицу, совершенно молчитъ о присутствіи кіевскаго князя среди своихъ войскъ.

При такомъ наличіи данныхъ, естественно, благоразумнѣе всего считать самый вопросъ „нерѣшеннымъ“ (Васильевскій). Нѣкоторые готовы слова Іакова Мниха: „къ порогамъ ходи“ связать съ (неосуществившимся) намѣреніемъ, дѣйствительно, явиться самому на театръ военныхъ дѣйствій, но и они не идутъ далѣе возможности такого намѣренія (Завитневичъ). Всѣхъ далѣе въ этомъ направленіи пошелъ академикъ Успенскій: онъ „глубоко увѣренъ въ справедливости“ того, что Владиміръ лично водилъ свои войска противъ Фоки, но и онъ считаетъ показанія Пселла и Скилицы недостаточно убѣдительными, чтобы дать право утверждать это категорически.

Не трудно видѣть, что по данному вопросу въ распоряженіи изслѣдователя, за отсутствіемъ твердой почвы подъ ногами, ничего не остается кромѣ возможностей самаго широкаго и субъективнаго толкованія памятниковъ.

Е. Когда началась осада Корсуня?

При содѣйствіи посланнаго Владиміромъ вспомогательнаго отряда греки нанесли Вардѣ Фокѣ, лѣтомъ 988 г., тяжелое пораженіе при Хрисополѣ; затѣмъ, 13 апрѣля 989 г., русскій отрядъ, дѣйствуя совмѣстно съ греками, наноситъ Вардѣ Фокѣ новое, на этотъ разъ рѣшительное пораженіе подъ Абидосомъ: здѣсь Варда сложилъ свою голову (Яхъя, 24—25). Бунтъ усмиренъ; Владиміръ выполнилъ условія Кіевскаго договора, теперь наступила для грековъ очередь выполнить свое обязательство. Однако, неожиданно мы видимъ Владиміра подъ стѣнами Корсуня, на положеніи уже не союзника, а врага Византійской имперіи. О причинахъ такой рѣзкой перемѣны намъ предоставлено лишь догадываться.

[1]) Самый текстъ Пселла еще остается не вполнѣ выясненнымъ и допускаетъ разночтенія. См. Васильевскій, Ж. М. Н. Пр., 151 (Труды, т. II, вып. 1-й, стр. 94-95).

О разрывѣ — въ данномъ случаѣ объ отказѣ грековъ выдать царевну Анну за кіевскаго князя — узналъ, прежде всѣхъ, вѣроятно, начальникъ вспомогательнаго отряда и, кромѣ него, можетъ быть, и особое (если таковое было) лицо, уполномоченное кіевскимъ княземъ оставаться въ Константинополѣ для предстоящаго сопровожденія царевны въ Кіевъ. Тотъ и другой должны были извѣстить Владиміра о нарушеніи договора, на что требовалось, конечно, извѣстное время. Потомъ требовалось время Владиміру снарядить войско для похода на Корсунь, вызвать вспомогательный отрядъ изъ предѣловъ Греціи, пройти разстояніе, отдѣляющее Кіевъ отъ Корсуня, чтобы появиться подъ стѣнами послѣдняго.

Поэтому едва ли осада могла начаться раньше разгара лѣта, т. е. іюля—августа 989 года. Завитневичъ относитъ начальный моментъ къ „первымъ числамъ іюня“. Согласиться съ этимъ, пожалуй, возможно, если допустить, что вспомогательный отрядъ покинулъ Дарданеллы и Босфоръ и самостоятельно направился къ берегамъ Крыма, не дожидаясь распоряженій Владиміра. А такое предположеніе допустимо: политика „льстивыхъ грековъ“ была въ Кіевѣ достаточно извѣстна; допуская возможность обмана, тамъ могли принять свои мѣры и снабдить надлежащими инструкціями отрядъ, посылавшійся противъ Варды Фоки[1]).

Во всякомъ случаѣ, на ходъ дальнѣйшихъ разсужденій и на пріуроченіе событій къ той или иной хронологической датѣ, болѣе раннее или болѣе позднее начало осады Корсуня, какъ сейчасъ увидимъ ниже, повліять не можетъ.

Ж. Когда былъ взятъ Корсунь?

Нѣтъ никакихъ основаній отрицать показаніе „Житія блаженаго Володимера“ (Голуб., I, 1, 225) о томъ, что осада продолжалась шесть мѣсяцевъ, и если она началась только въ іюлѣ—августѣ 989 года, то слѣдуетъ признать, что Владиміръ вошелъ въ покоренный городъ не позже конца февраля 990 года, т. е. въ концѣ все еще мартовскаго 989 г., а это и будетъ, согласно І. Мниху, какъ разъ „въ третье лѣто“ по крещеніи.

З. Крещеніе и бракъ Владиміра. Крещеніе кіевлянъ.

Если допускать длительную, полугодовую осаду и считаться съ необходимостью дать нѣкоторое время на переговоры Владиміра изъ Корсуня съ Константинополемъ, то бракъ и крещеніе состоялись ранней весной 990 года, а крещеніе кіевлянъ

[1]) Завитневичъ, О мѣстѣ и времени крещенія, 19.

лѣтомъ этого года. Допускаемъ, что одновременно съ крещеніемъ кіевлянъ заложена была и церковь св. Богородицы („Десятинная"): лѣтніе мѣсяцы 990 года какъ разъ придутся, говоря словами І. Мниха, на „четвертое лѣто" послѣ того, что онъ называлъ „крещеніемъ" Владиміра.

V

А. Схема событій.

Все вышеизложенное можно уложить, приблизительно, въ такую схему:

1. Въ самомъ концѣ январскаго 987-го или въ самомъ началѣ 988 года (что̀ равносильно концу мартовскаго 987 года) въ Кіевъ прибыли императорскіе послы.

2. Вскорѣ по своемъ прибытіи, еще до марта январскаго 988 года (т. е., какъ сейчасъ было отмѣчено, въ самомъ концѣ мартовскаго 987 года) они заключили договоръ: Владиміръ обязывался подать военную помощь, а императоры — выдать за него свою сестру. Для большей скрѣпы взаимныхъ обязательствъ, Владиміръ тогда же былъ обрученъ съ Анною и тогда же сдѣлалъ знаменательный шагъ на пути предстоящаго ему обращенія въ христіанство (т. наз. оглашеніе).

3. Отправленіе русскаго военнаго отряда могло состояться лишь по вскрытіи Днѣпра, мѣсяцъ-полтора по заключеніи договора. Самъ Владиміръ проводилъ его до пороговъ во главѣ особаго охраннаго отряда.

4. Лѣтомъ 988 года русскій военный отрядъ, вмѣстѣ съ императорскимъ войскомъ, нанесъ пораженіе войскамъ Варды Фоки подъ Хрисополемъ.

5. Вплоть до 13 апрѣля 989 года (а, можетъ быть, и еще нѣкоторое короткое время послѣ того) отрядъ этотъ продолжалъ оказывать грекамъ дѣятельную помощь, пока не нанесъ Фокѣ рѣшительнаго пораженія подъ Абидосомъ.

6. Отказъ императоровъ выполнить условія Кіевскаго договора обусловилъ походъ Владиміра подъ Корсунь. Длилась ли осада шесть мѣсяцевъ или городъ взятъ былъ раньше: т. е. въ послѣднихъ ли мѣсяцахъ январскаго 989 года, или въ послѣднихъ мѣсяцахъ мартовскаго 989 года (т. е. въ январѣ-февралѣ январскаго 990 года), — въ томъ и въ другомъ случаѣ, примѣнительно къ тогдашнему русскому лѣтосчисленію, это взятіе произошло согласно съ показаніемъ Іакова Мниха: дѣйствительно, „на третье лѣто по крещеніи".

7. Крещеніе и бракъ Владиміра состоялись въ Корсунѣ, два-три мѣсяца спустя послѣ взятія Корсуня.

8. Крещеніе кіевлянъ вѣроятнѣе всего состоялось лѣтомъ 990 года, когда одновременно заложена была и Десятинная церковь.

9. Владиміръ не только вернулъ грекамъ Корсунь въ уплату за вѣно, но еще вторично послалъ имъ вспомогательный отрядъ, въ которомъ тѣ продолжали нуждаться. Объ участіи этого отряда въ походѣ императора Василія въ Сирію въ 999 году мы знаемъ отъ Яхъи; и еще въ 1000 году этотъ отрядъ, силою въ 6.000 человѣкъ, дѣйствовалъ на родинѣ армянскаго писателя Асохика, который тоже оставилъ намъ о немъ свое свидѣтельство.

Б. Преимущества нашей схемы предъ другими, ранѣе предложенными.

Предлагаемая схема обладаетъ двумя существенными преимуществами по сравненію съ прежними: во-первыхъ, она беретъ дошедшія до насъ данныя такими, какими они дошли до насъ: читаетъ въ нихъ то, что въ нихъ написано, не прибѣгая къ предположеніямъ, будто такой-то источникъ дошелъ до насъ въ искаженномъ видѣ, а такое-то выраженіе или отдѣльное слово слѣдуетъ читать иначе, что такая-то мысль имѣетъ иное, а не то значеніе, съ какимъ она является въ текстѣ, и т. п.

Другое преимущество нашей схемы въ томъ, что то, что до сихъ поръ понималось, какъ противорѣчіе и несогласованность, нами отъ этихъ „противорѣчій“ освобождено: единственное, что мы отказываемся признать — это лѣтописную хронологію и, въ частности, правильность показанія (кажется, нынѣ и безъ того никѣмъ не защищаемую) Повѣсти временныхъ лѣтъ, собравшей подъ 988 годомъ рядъ событій, которыя никоимъ образомъ не умѣщаются на пространствѣ 12 мѣсяцевъ — во всемъ остальномъ мы считаемъ возможнымъ принять показанія какъ ея, такъ и свидѣтельства всѣхъ остальныхъ источниковъ.

Въ самомъ дѣлѣ:

1. Іаковъ Мнихъ и Несторъ, авторъ „Сказанія“, подтверждаютъ другъ друга: если Владиміръ крестился въ 987 году (Несторъ), то „второе лѣто ходи къ порогомъ“ (Іаковъ), дѣйствительно, должно было придтись на 988-й годъ.

2. Крещеніе Владиміра, дѣйствительно, пришлось въ десятое (10-е) лѣто по убіеніи Ярополка (978), и нѣтъ надобности прибѣгать къ предположенію, будто „десятое“ (10-е) есть ошибка вмѣсто „девятое“ (9-е).

3. Владиміръ, дѣйствительно, „ходи къ порогамъ“, и нѣтъ надобности видѣть въ этомъ выраженіи искаженіе текста, вмѣсто „ходи къ Роси“, и видѣть смѣшеніе двухъ Корсуней.

4. Нѣтъ надобности въ предположеніи о вторичномъ завоеваніи Корсуня.

5. Нѣтъ надобности допускать искуственную симметрію въ показаніяхъ Льва Діакона и пріурочивать взятіе Корсуня непремѣнно до 27 іюля 989 года.

6. Нѣтъ надобности видѣть въ Несторовой датѣ (6495) „случайную замѣтку“.

7. Нѣтъ надобности заставлять Льва Діакона смѣшивать событія 988 года съ событіями 989 года.

8. Вопросъ о „Запискѣ Готскаго топарха“, какъ бы его ни рѣшать, повліять на рѣшеніе основного нашего вопроса не можетъ.

9. Точно также и связь новеллы 4 апрѣля 988 г. съ появленіемъ русскаго вспомогательнаго отряда остается частнымъ вопросомъ скорѣе византійской, чѣмъ русской исторіи: успѣло ли русское войско прибыть въ Константинополь въ мартѣ 988 г. или оно появилось мѣсяцемъ, нѣсколькими недѣлями позже — общаго хода нашихъ событій это не мѣняетъ.

10. Нѣтъ надобности отвергать и показаніе Володимерова Житія о шестимѣсячной осадѣ Корсуня.

11. Нѣтъ надобности отрицать историческую достовѣрность лѣтописнаго повѣствованія и видѣть въ разсказѣ о крещеніи Владиміра въ Корсунѣ одну простую легенду.

12. Становится понятнымъ, почему крещеніе Владиміра стало возможнымъ пріурочивать къ двумъ разнымъ моментамъ: Іаковъ Мнихъ закрѣпилъ версію, сложившуюся, конечно, въ предѣлахъ самой Руси; разсказъ Лѣтописи образовался подъ вліяніемъ данныхъ преимущественно греческихъ.

13. Едва ли нужно доказывать, что слова „Повѣсти о латынѣхъ“ о приходѣ Владиміра съ враждебными цѣлями на Царьградъ, о чудесномъ превращеніи его изъ волка въ агнца и принятіи Христовой вѣры въ греческой столицѣ — не слѣдуетъ понимать буквально: „Повѣсть“ есть переводъ съ недошедшаго до насъ греческаго подлинника, произведеніе сравнительно позднее: на первомъ планѣ у автора не факты, а общая картина, въ которой, на большомъ разстояніи, детали успѣли исчезнуть и разница между Царьградомъ и Корсунемъ стушеваться. Географическій терминъ „Царьградъ“ получилъ болѣе распространенное обозначеніе: не столица государства, а само государство.

В. Слабыя стороны предложенной схемы.

Достоинства схемы не должны, однако, закрывать и ахиллесовой пяты нашихъ разсужденій.

1. Наравнѣ съ другими, болѣе ранними, она также страдаетъ общимъ всѣмъ имъ и неустранимымъ недостаткомъ: она не опирается исключительно на одни только фактическія данныя, опору себѣ она вынуждена искать также и въ матеріалѣ изъ категоріи возможнаго, правдоподобнаго.

2. Самый фактъ оглашенія — насколько онъ былъ допустимъ въ тѣ времена? Компетентные судьи еще не высказали о немъ съ надлежащей обстоятельностью своего заключенія. Правда, проф. Малышевскій, впервые пустившій въ оборотъ мысль объ оглашеніи Владиміра, хотя и не канонистъ по спеціальности, все же ученый, которому, вопросы изъ этой области не могли быть чужды; однако его доводъ остался въ наукѣ одинокимъ и, кажется, никѣмъ до сихъ поръ не принятъ.

Вообще, послѣднее слово о крещеніи Владиміра еще не произнесено, и необходимо признать, что, при наличіи имѣющагося въ нашемъ распоряженіи историческаго матеріала, любая попытка рѣшить вопросъ, какъ бы остроумна она ни была, не смѣетъ претендовать на право стать рѣшающей и окончательною.

Е. Шмурло.

Шведскій переводъ Наказа Имп. Екатерины II.

Судьба „Наказа“ имп. Екатерины II-ой не получила еще до настоящаго времени завершительнаго разъясненія, хотя уже сто шестьдесятъ лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ времени перваго изданія этого памятника, а спеціальная литература о немъ не можетъ быть названа бѣдной и недостаточной. Въ самомъ дѣлѣ — вопросъ объ источникахъ, использованныхъ Екатериной II-ой для своей работы, еще не снятъ съ очереди, — и наиболѣе потрудившійся надъ нимъ Н. Д. Чечулинъ пятнадцать лѣтъ назадъ сказалъ о немъ лишь „предпослѣднее слово“ (въ „Сборникѣ въ честь проф. Д. А. Корсакова“, Казань, 1913). Можетъ быть, слѣдуетъ такую же форму, такой же оборотъ избрать для обозначенія и нашей замѣтки объ одномъ изъ переводовъ „Наказа“ на иностранные языки, ибо, вѣдь, ускользнуло же отъ вниманія библіографовъ описываемое ниже изданіе, — кто знаетъ, — единственное ли.

О переводахъ „Наказа“ на иностранные языки существуетъ цѣлая литература. Помимо данныхъ въ рядѣ общихъ библіографическихъ изданій, — (Barbier[1]), Quérard[2]), Геннади[3]), Сопиковъ[4]) и др.) мы знаемъ спеціальныя сводки свѣдѣній по этому вопросу, принадлежащія бар. М. Корфу[5]), В. А. Бильбасову[6]), И. Безгину[7]) и В. Н. Сторожеву[8]), Fr. Andreae[9]). Всѣмъ

---

[1]) Dictionnaire des ouvrages anonymes et pseudonymes, Paris, 1823.
[2]) La France littéraire ou Dictionnaire Bibliographique, Paris, 1828.
[3]) Справочный словарь о русскихъ писателяхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 до 1825 гг., Berlin, 1876.
[4]) Опытъ россійской библіографіи, перезд. В. Рогожина. Спб., 1904.
[5]) Въ „Отечественныхъ запискахъ“, 1854, ч. X.
[6]) Исторія Екатерины II-ой, т. XII, Berlin, 1896, №№ 95-6, 114-5, 131-3, 156, 387, 740, 627.
[7]) Въ изданіи „Наказа“ Пантелѣева, Спб., 1893.
[8]) Книговѣдѣніе, 1894, III, приложеніе.
[9]) Beiträge zur Geschichte Katharinas II, Berlin, 1912. — См. также нашу замѣтку — „Die erste deutsche Uebersetzung der Instruction der Kaiserin Katharina II“ — въ „Zeitschrift für osteuropäische Geschichte“, Band II, Heft 1, 1911, Berlin.

этимъ авторамъ остался неизвѣстнымъ переводъ „Наказа“ по шведски, изданный въ Стокгольмѣ въ 1796 году. Единственное указаніе на это изданіе встрѣтилось намъ въ книгѣ проф. Э. Н. Берендтса — Лекціи по административному праву Вел. Кн. Финляндскаго, т. I, Спб., 1903, стр. 93, примѣчаніе первое: „въ 1797-1807 гг. А. Флинтбергъ издалъ“, читаемъ мы здѣсь, „Библіотеку законовѣдѣнія“ (Lagfarenhets Bibliothek), въ I-омъ томѣ которой напечатанъ Наказъ Екатерины II 1767 года съ параллельными цитатами изъ шведскихъ узаконеній, соотвѣтствующихъ по содержанію главамъ Наказа“. Не знаемъ, принадлежитъ ли это изданіе „Наказа“ къ числу рѣдкихъ, но по справкамъ, наведеннымъ для насъ въ свое время покойнымъ проф. И. А. Линниченко, его не оказалось въ русскихъ столичныхъ библіотекахъ, нѣтъ его и въ Staatsbibliothek въ Берлинѣ (имѣются 2-5 томы „Библіотеки“) и въ Bibliothèque Nationale въ Парижѣ. Имѣющіяся у насъ свѣдѣнія объ этомъ изданіи мы получили благодаря любезному содѣйствію прив.-доц. П. А. Остроухова (Прага) и А. В. Румянцева (Стокгольмъ) — которымъ приносимъ здѣсь глубокую благодарность — по экземпляру Королевской Библіотеки въ Стокгольмѣ, принадлежавшему когда-то риксканцлеру Оксенштирнѣ.

Яковъ Альбрехтъ Флинтбергъ родился въ 1750 году и посвятилъ свою жизнь какъ службѣ въ шведскихъ государственныхъ учрежденіяхъ, такъ и литературной дѣятельности, выразившейся въ составленіи и изданіи нѣсколькихъ юридическихъ книгъ. Ихъ рядъ, начавшійся въ 1786 году, закончило большое изданіе въ нѣсколькихъ томахъ, заглавіе котораго выписано было выше — „Библіотека Законовѣдѣнія“[1]). Въ этомъ изданіи — кромѣ перваго тома — напечатаны были тексты отдѣльныхъ шведскихъ законодательныхъ сборниковъ съ примѣчаніями, параллелями изъ другихъ матеріаловъ и т. п. Во главу этого своего труда Флинтбергъ поставилъ „Наказъ“. Было бы очень интересно и важно выяснить всѣ мотивы, которыми руководствовался этотъ юристъ, отводя первый томъ своего изданія именно этому произведенію русской императрицы. Самый фактъ такого использованія „Наказа“ въ высокой мѣрѣ примѣчателенъ.

Первый томъ „Библіотеки“ Флинтберга имѣетъ такое заглавіе:

Lagfarenhets-Bibliothek
af
Jacob Albrecht Flintberg
v. Advocat-Fiskal i Kungl. Commerce-Collegio.
Första delen.

[1]) О Флинтбергѣ — см. Nordisk Familjebok, t. VIII, стр. 588, Stockholm, 1908.

Innehåller Hennes Maj:ts Kejsarinnan i Ryssland Catharina den Andras år 1767 utfärdade Instruction för Committerade till Ryska Lagbokens författande, hvarvid, af den anledning, at eh betydlig del av Kejsarinnans Instruction är hämtad ur Montesqieus Arbete, kallat „De l'Esprit des Loix", eller om Lagarnes Förstånd, ej allenast under varje §, där Hennes Kejserliga Maj:t och Montesqieu ord ifrån ord yttrat sig lika, sådant blifwit anmärkt, utan och tillagt hwad Montesqieu uti ämnet, antingen widare sig uttalat, eller desse bägge Författare i grundsatserne warit skiljaktige. Afwen äro de författningar til innehall uppgifne, hwilka i Swerige uti enahanda wäg blifwit widtagna och gälla.
Stockholm 1796
Tryckt hos Anders Zetterberg".

Это длинное — по старинному — заглавіе раскрываетъ планъ работы Флинтберга: помимо собственно текста „Наказа" онъ даетъ попытку указать источники его отдѣльныхъ статей, пользуясь преимущественно ихъ близостью къ книгѣ Монтескье, и сопровождаетъ отдѣльныя положенія „Наказа" параллельными цитатами изъ шведскаго законодательства. Что касается собственно текста „Наказа", то мы затрудняемся сказать что-либо опредѣленное о характерѣ этого перевода и объ его оригиналѣ, — ко времени изданія Флинтберга было уже много изданій „Наказа" на европейскихъ языкахъ, и установить, къ какому изъ нихъ восходитъ шведскій текстъ, можетъ только кропотливое сличеніе и тщательный анализъ. Можемъ лишь указать, что этотъ текстъ имѣетъ счетъ параграфовъ, отличный отъ счета, напр., въ изданіи 1770 года: въ первыхъ двадцати главахъ „Наказа" съ предисловіемъ (а именно эти главы и перевелъ Флинтбергъ) имѣется 526 статей, у Флинтберга же ихъ 506, что получилось, видимо, отъ уничтоженія имъ номеровъ при заглавіяхъ главъ. Связь „Наказа" съ книгами Монтескье и Beccaria отмѣчена была переводчиками „Наказа" уже вскорѣ послѣ его опубликованія (напр. въ изданіи Félix de Balthasar'a, Lausanne, 1769)[1]), поэтому эта сторона изданія шведскаго юриста не отличается новизною, развѣ, можетъ быть, въ отношеніи степени уловленія всѣхъ слѣдовъ заимствованій Екатерины II-ой изъ этихъ произведеній. Весьма интересна третья сторона работы Флинтберга, а именно подведеніе параллельныхъ мѣстъ изъ шведскихъ законовъ. Нужно подчеркнуть, что для этой цѣли Флинтбергъ использовалъ по преимуществу тѣ законы, которые были изданы до 1767 года, — законодательство послѣдующихъ тридцати лѣтъ, видимо, давало слишкомъ мало матеріала для

[1]) См. указаніе у Barbier, Dictionnaire des ouvrages anonymes etc., II, (2 изд.), Paris, 1823, стр. 174, № 8695.

сопоставленій. Цитаты изъ шведскихъ законовъ имѣются у Флинтберга не ко всѣмъ главамъ „Наказа“, ихъ нѣтъ, напр., къ главамъ первой, одинадцатой, особенно много ихъ къ главамъ 8, 9, 10, 13-ой. Цитаты взяты изъ нѣсколькихъ кодексовъ, которые затѣмъ напечатаны полностью въ послѣдующихъ томахъ „Библіотеки“, — изъ Giftemålsbalken (см. t. II, St., 1797), Arfdabalken (ibid.), Rättegångsbalken (t. IV, St., 1801), Utsöknings och Straff-Balkarne (t. III, St., 1799) и т. д.; этимъ справкамъ и цитатамъ отведено довольно много мѣста въ Сборникѣ, — такъ къ нѣкоторымъ параграфамъ „Наказа“ имѣются выписки на десяти и болѣе страницахъ. Весь томъ первый „Библіотеки“ состоитъ изъ 312 страницъ текста и 30 страницъ указателя при форматѣ 17×21 сантиметръ.

Изложеннымъ выше исчерпываются наши свѣдѣнія о шведскомъ переводѣ „Наказа“. Непосредственное внимательное разсмотрѣніе изданія Флинтберга могло бы, несомнѣнно, прибавить тѣ или иныя данныя для его характеристики. Полагаемъ, однако, что и наши ограниченныя свѣдѣнія даютъ основаніе убѣдиться въ томъ интересѣ и вниманіи, которые возбуждало произведеніе Имп. Екатерины II-ой среди ея современниковъ. Въ изданіи Флинтберга оно оказалось доступнымъ шведскимъ читателямъ, какъ къ его времени могли на своемъ языкѣ читать „Наказъ“ и голландцы, и греки, англичане, итальянцы и поляки, не говоря уже о нѣмцахъ и французахъ.

15. VIII. 1925.
Paris.

Антъ. Флоровскій.

М. П. Погодинъ и Фр. Палацкій.

(Изъ исторіи русско-чешскихъ связей въ концѣ XIX ст.)

Сношенія М. П. Погодина съ Прагой и большимъ кругомъ чешскихъ ученыхъ и писателей были продолжительны, оживленны и необыкновенно плодотворны по своимъ послѣдствіямъ для развитія славянской науки у чеховъ и у насъ въ Россіи, а его богатая журнальная дѣятельность пробудила интересъ къ Славянству въ широкихъ русскихъ общественныхъ кругахъ и способствовала уясненію многихъ сторонъ славянской жизни.

Первая его поѣздка за границу въ 1835 году положила начало знакомству его съ славянскимъ культурнымъ міромъ въ періодъ его отраднаго пробужденія, а пребываніе въ Прагѣ лѣтомъ этого года создало основаніе прочной дружбѣ Погодина съ П. І. Шафарикомъ, только за два года до этого переѣхавшимъ въ центръ чешской науки и литературы изъ захолустнаго сербскаго городка южной Венгріи Новаго Сада, поэтически называемаго „Сербскими Аѳинами“. Имя скромнаго провинціальнаго труженика было въ то время уже хорошо знакомо небольшому кругу русскихъ ученыхъ, интересовавшихся Славянствомъ: славу его съ половины двадцатыхъ годовъ усердно ширилъ у насъ неоцѣненный П. И. Кеппенъ, а затѣмъ, послѣ посѣщенія Праги, много заботился о популярности его Погодинъ. Особенно широкую извѣстность у насъ пріобрѣло имя Шафарика, благодаря тѣмъ же заботамъ Погодина, послѣ выхода въ свѣтъ знаменитыхъ „Славянскихъ Древностей“ (1837) и „Славянскаго Народоописанія“ (1842), появившихся немедленно и въ русскомъ переводѣ. Взаимныя связи обоихъ ученыхъ, продолжавшіяся вплоть до смерти Шафарика въ 1861 г., представляютъ одну изъ значительнѣйшихъ страницъ въ исторіи славянской науки XIX ст. Менѣе важны были связи Погодина съ другими пражскими учеными, библіотекаремъ Чешскаго Музея Вячеславомъ Ганкою, поэтомъ и филологомъ Фр. Л. Челаковскимъ, лексикографомъ І. Юнгманномъ и многими другими чехами.

Въ жизни славянскихъ народовъ вниманіе Погодина привлекали не только движеніе и успѣхи науки и литературы, — онъ одинаково интересовался и современнымъ политическимъ положеніемъ Славянства, особенно — славянскихъ народовъ

Австріи. Неоднократныя поѣздки за границу, оживленныя связи съ славянскими учеными и общественными дѣятелями, ихъ уроки и руководство, постоянное и многолѣтнее наблюденіе, при помощи книгъ, журналовъ и газетъ, за всѣмъ, что̀ совершалось важнаго въ жизни славянскихъ братьевъ, дали Погодину возможность хорошо оріентироваться въ этихъ темахъ и высказывать свои самостоятельныя и своеобразныя сужденія и предположенія. На политическія темы онъ откликается иногда въ письмахъ къ Шафарику, но строгій кабинетный труженикъ, единственный разъ въ жизни взошедшій на политическую трибуну въ дни Славянскаго съѣзда въ маѣ 1848 года въ Прагѣ, питалъ органическое отвращеніе къ этого рода дѣятельности и уклонялся отъ разговоровъ о дѣлахъ политическихъ, зная при этомъ, какъ зорко наблюдала тогдашняя цензура за перепиской съ Россіей. Особенно интересны для характеристики политическихъ взглядовъ Погодина его донесенія министру народнаго просвѣщенія гр. С. С. Уварову, разныя записки и многочисленныя статьи, написанныя имъ во время Восточной войны (въ 1853—1855 г.г.), изданныя впослѣдствіи отдѣльной книгой п. з.: „Историко-политическія письма и записки въ продолженіе Крымской войны“ (1874). Въ 1856 г., по утвержденіи мира въ Европѣ, Погодинъ предпринялъ опять поѣздку на Западъ, посѣтилъ вновь, уже въ пятый разъ, Прагу, былъ въ Вѣнѣ и совершилъ путешествіе по Дунаю. Вопроса о положеніи Славянства онъ коснулся послѣ этого въ двухъ политическихъ письмахъ къ издателю газеты Le Nord и съ тѣхъ поръ неусыпно слѣдитъ за славянскими и европейскими политическими дѣлами, преимущественно поглощающими его вниманіе. Погодинъ весь отдается служенію политикѣ. Его статьи, относящіяся къ послѣднему періоду его связей съ Славянствомъ, заключаются въ двухъ сборникахъ: 1) „Статьи политическія и Польскій вопросъ 1856—1867“ (М., 1876), содержащія сорокъ статей и писемъ, и 2) „Собраніе статей, писемъ и рѣчей по поводу Славянскаго вопроса“ (М., 1878), въ коемъ изданы статьи и рѣчи, написанныя или произнесенныя имъ въ 1860—1875 годахъ.

Послѣ смерти въ 1861 г. Шафарика (въ томъ же году скончался и Ганка) у Погодина осталось въ Прагѣ уже немного друзей, дѣятельныхъ и значительныхъ по ихъ положенію и роли въ чешской ученой или общественной жизни. Единственный среди нихъ выдающійся на обоихъ поприщахъ работникъ былъ чешскій исторіографъ Фр. Палацкій.

Погодинъ имѣлъ, конечно, случай познакомиться съ нимъ и оцѣнить его историческіе труды (первый томъ Geschichte von Böhmen вышелъ въ 1836 г. и въ годъ перваго посѣщенія Погодинымъ Праги уже печатался) уже въ первую свою поѣздку въ Прагу, но тогда онъ не вошелъ въ болѣе близкія съ нимъ

связи. Въ письмѣ изъ Праги въ 1835 г. о пражскихъ литераторахъ, вошедшемъ въ его путевой дневникъ (Годъ въ чужихъ краяхъ, 1839. Москва 1844, часть I, стр. 120—121), говоря вообще о чешскихъ ученыхъ, онъ коснулся вкратцѣ и ученой дѣятельности Палацкаго, отмѣтилъ его важнѣйшіе труды и, очевидно, съ чужихъ словъ о немъ выразился: „Онъ отличается строгою и здравою ученою критикой".

Въ автобіографіи Палацкаго и запискахъ его до 1863 года нѣтъ однако никакихъ упоминаній о Погодинѣ. Изъ переписки Погодина съ Шафарикомъ знаемъ, что послѣдній совѣтовалъ своему московскому другу заняться переводомъ Исторіи Палацкаго на русскій языкъ. Въ обширнѣйшей корреспонденціи чешскаго исторіографа (она далеко еще не закончена въ изданіи Чешской Академіи, и значительная часть ея хранится въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки Чешскаго Національнаго Музея), мы находимъ лишь нѣсколько писемъ Погодина, относящихся при этомъ ко времени болѣе позднему. Первое коротенькое письмецо-записка, помѣченное 2-14 іюня 1861 г., написано было незадолго до смерти (26 іюня н. ст.) Шафарика и не заключаетъ ничего существеннаго. Повидимому, оно вызвано было какимъ-то политическимъ выступленіемъ Палацкаго и чешскихъ дѣятелей вообще, быть можетъ, извѣстнымъ участіемъ Палацкаго, Ригра и Браунера въ депутаціи чешскаго сейма, представившей въ апрѣлѣ 1861 г. императору Францу Іосифу просьбу чешскаго народа короноваться въ Прагѣ чешскою короною. Погодинъ, очевидно, съ опаскою, не желая распространяться, писалъ Палацкому: „Привѣтъ Чешскимъ друзьямъ съ дальняго Сѣвера. Благослови Богъ ваши святыя начинанія на пользу и славу Отечества. Отъ души желаемъ вамъ всякаго успѣха, молимся за васъ, слѣдимъ за всѣми вашими дѣйствіями. Не забывайте и вы объ насъ. Преданный М. Погодинъ".

Слѣдующая записочка Погодина отъ 19 марта ст. ст. 1862 г. (съ отмѣткой Палацкаго о полученіи ея: „praes. 30 Apr. 1862.") была столь же кратка; она дана была, очевидно, случайно Александру Николаевичу Островскому, при отъѣздѣ его за границу, для врученія Палацкому. Погодинъ писалъ ему: „Отцу и старшинѣ нижайшій поклонъ. Честь имѣю представить Вамъ нашего достойнѣйшаго драматическаго писателя Островскаго и прошу Васъ оказать ему пособіе при знакомствѣ съ Прагою..." „Что Богъ дастъ Славянамъ? Мы молимся, а вы дѣйствуйте. Преданный Погодинъ".

Вновь откликнулся Михаилъ Петровичъ весною 1864 года. Какъ видно изъ коротенькаго нѣмецкаго письма изъ Эмса отъ 6 іюля, онъ писалъ Палацкому до этого къ Пасхѣ, теперь (6 іюля 1864 г.) онъ желаетъ знать мнѣніе исторіографа объ этомъ, къ сожалѣнію, не сохранившемся письмѣ, очевидно, какомъ-то

своемъ политическомъ выступленіи, и интересуется, какое употребленіе посовѣтуетъ Палацкій изъ него сдѣлать: „Ist es nicht für rathsam ihn hier (le Nord) abzudrucken?“

Въ теченіе трехъ лѣтъ со времени этого большого московскаго письма Погодинъ, повидимому, не отзывался. Только 28 марта (9 апрѣля) 1867 г. онъ написалъ Палацкому опять лишь нѣсколько строкъ, радушно приглашая его въ Москву на Этнографическую выставку:

„Старому почтенному другу привѣтъ изъ древней Москвы. Разумѣется, я смѣю употребить этотъ титулъ только по довѣренности съ того свѣта отъ Шафарика, нашего общаго друга. Въ Москвѣ устраивается Этнографическая выставка. Ожидаются многіе славяне. Неужели мы не увидимъ между ними патріарха? Путешествіе можетъ окончиться въ двѣ недѣли. Какъ мы были бы счастливы. Я не слыхалъ ничего ни о П. Ригерѣ, Эрбенѣ, Томекѣ, Станекѣ. Живъ ли Марекъ, Винаржицкій? Желали бы видѣть молодого Шафарика, вашего сына. Дома въ Петербургѣ и Москвѣ для дорогихъ гостей готовы. Экипажи съ русскими тройками также. Столъ и прислуга приготовлены. Желѣзныя дороги предложили свои услуги.

О, какъ бы сладко было обняться на высотахъ Кремля, какъ мы въ 1839 году обнимались всѣ на высотахъ Грачина. Всѣ вспомнили бы здѣсь и Прагу.

Жить намъ остается недолго. Отнесемъ же къ почившимъ благовѣстъ“.

Освѣдомившись къ концу апрѣля нов. ст. о намѣреніи Палацкаго прибыть въ Москву, Погодинъ рекомендуетъ ему, на случай, если онъ остановится по пути въ Варшавѣ, въ качествѣ надежнаго путеводителя Н. В. Берга, извѣстнаго переводчика Краледворской рукописи и славянскихъ пѣсенъ, впослѣдствіи лектора русскаго языка въ варшавскомъ университетѣ, и выражаетъ общую радость по поводу такого рѣшенія: „Мы всѣ ожидаемъ васъ съ нетерпѣніемъ. О, съ какою радостью мы услышали, что Вы рѣшились на это путешествіе, отъ котораго ожидаю великаго добра для всѣхъ Славянъ“...

Славянскій съѣздъ по случаю Этнографической выставки въ Москвѣ въ маѣ 1867 г. и продолжительное пребываніе чешскихъ вождей Палацкаго, Ригра, Браунера въ первопрестольной обновили и укрѣпили старыя, не прерывавшіяся связи Москвы и Праги. Погодинъ съ живѣйшимъ вниманіемъ слѣдитъ за чешскою жизнью этого интереснаго періода перестроенной на новыхъ началахъ Австро-Венгріи.

Австрійскій дуализмъ 1867 г., создавшій особенно неблагопріятное положеніе для чешскаго народа въ составѣ преобразованной монархіи, не могъ не привлечь вниманія Погодина, которому были дороги интересы братьевъ-чеховъ, боровшихся

за государственное право чешской короны. Еще незадолго до пріѣзда чешскихъ гостей въ Москву произошли на ихъ родинѣ событія, на которыя онъ не могъ не отозваться, хотя бы и въ заключительный моментъ ихъ развитія. Личныя бесѣды съ чехами въ Москвѣ на съѣздѣ дали ему возможность надежно оріентироваться въ совершившемся измѣненіи строя габсбургской монархіи.

Въ февралѣ 1867 г. чешскій сеймъ, отказавшійся принять участіе въ австрійскомъ парламентѣ, былъ распущенъ; вслѣдъ за нимъ былъ распущенъ и сеймъ моравскій. Новые выборы принесли правительству побѣду въ куріи крупнаго землевладѣнія. Оно имѣло теперь въ обоихъ сеймахъ нѣмецкое большинство. Чешскіе депутаты обѣихъ земель покинули въ виду этого сеймъ и заявили протесты государственно-правового характера. Чешскій протестъ отъ 13 апрѣля 1867 г. былъ актомъ высокаго политическаго значенія: онъ говорилъ о правѣ чешскаго государства на самостоятельность.

Московское паломничество чешскихъ делегатовъ въ маѣ 1867 г. являлось въ извѣстной степени тоже протестомъ противъ внутренней австрійской политики. Народныя массы въ Чехіи выражали свои протесты на большихъ собраніяхъ, т. н. народныхъ таборахъ. Правительство отвѣтило на нихъ преслѣдованіями печати, мужественно вставшей на защиту чешскихъ правъ, арестами редакторовъ и, наконецъ, объявленіемъ военнаго положенія въ странѣ и назначеніемъ барона Коллера (въ октябрѣ 1868 г.) командующимъ войсками и намѣстникомъ Чехіи. Въ августѣ 1868 года чешскіе депутаты издали т. н. декларацію, въ которой въ десяти статьяхъ формулировали свой взглядъ на государственно-правовое положеніе Чехіи, высказавшись въ пользу персональной уніи Чехіи съ прочими габсбургскими землями. Такое же заявленіе сдѣлали и депутаты моравскаго сейма. Настроеніе чешскаго народа было бодрое и крѣпкое. Оно еще болѣе укрѣплялось тѣмъ пріемомъ, который былъ оказанъ въ Россіи общественными кругами и самимъ имп. Александромъ II „роднымъ братьямъ“, большими національными манифестаціями, каковыми были всенародное торжество закладки Національнаго театра въ Прагѣ (въ маѣ 1868 г.), перевезеніемъ короны св. Вячеслава (въ августѣ 1867 г.) въ Прагу изъ Вѣны, куда она была увезена при нашествіи прусскихъ войскъ (въ 1866 г.), и торжественными встрѣчами ея по пути слѣдованія массами чешскаго населенія.

Въ пользу преобразованія Австріи въ федералистическое государство ведется пропаганда и за границей. Въ 1869 г. Ригеръ развиваетъ эту идею въ особомъ меморандумѣ, представленномъ правительству Наполеона III, стараясь убѣдить его, что и

для Франціи весьма важно, чтобы чешская программа федераціи одержала верхъ надъ нѣмецко-мадьярскимъ союзомъ.

Имп. Францъ Іосифъ, желая умиротворить Чехію, поручаетъ нѣкоторымъ министрамъ вести конфиденціальные переговоры съ чешскими вождями. Особенно настойчиво пытался добиться примиренія чеховъ съ декабрьской конституціей (1867 г.) гр. Альфредъ Потоцкій, отозвавшій изъ Чехіи намѣстника ген. Коллера, даровавшій амнистію политическимъ преступникамъ, распустившій чешскій сеймъ и назначившій новые выборы, при коихъ чехи получили уже большинство. „Эра“ гр. Потоцкаго (отъ 12 апр. 1870 г. до 6 февр. 1871 г.) была для чеховъ временемъ нѣкоторыхъ надеждъ и ожиданій.

Рескриптомъ сейму Чешскаго Королевства отъ 26 сент. 1870 г. имп. Францъ Іосифъ торжественно обѣщалъ короноваться чешскою короною, подтвердилъ недѣлимость и неотдѣляемость Чешской земли, выразилъ желаніе урегулировать отношеніе Чешскаго Королевства къ имперіи, но при этомъ однако желалъ, чтобы необходимыя преобразованія были произведены въ рамкахъ декабрьской конституціи, и чтобы чехи вернулись въ парламентъ. Чешскому сейму вновь предлагалось безотлагательно приступить къ выборамъ въ парламентъ.

Прямые выборы въ парламентъ, объявленные 6 октября 1870 г., вызвали волненіе въ странѣ. Чешская печать самымъ рѣшительнымъ образомъ высказалась противъ нихъ, ибо въ этомъ усматривала покушеніе на самостоятельность Чешскаго Королевства, которое превратилось бы просто въ департаментъ Цислейтаніи. Графъ Потоцкій подалъ въ отставку. Внутреннее положеніе осложнилось еще выступленіемъ депутатовъ чешскаго сейма, которые 8-го декабря н. ст. 1870 г. представили государственному канцлеру гр. Бейсту особый меморандумъ, въ коемъ изложили свои взгляды на иностранную политику Австріи.

Этой запиской и предшествовавшими ей событіями внутренней жизни Чехіи и вызвано было новое, обширное посланіе Погодина Палацкому отъ 26 декабря 1870 г. Весьма скупой на слова въ частной перепискѣ, весьма часто ограничивавшійся для писемъ маленькими листиками, иногда просто даже лоскутками и отрѣзками бумаги, Погодинъ дарилъ своихъ друзей большими посланіями, если касался важныхъ событій политической русской или славянской жизни. Названное большое письмо было послано исторіографу „съ двумя т. н. оказіями“, по свидѣтельству примѣчанія, сдѣланнаго авторомъ на экземплярѣ, оставшемся въ его бумагахъ, очевидно, раньше появленія въ печати чешскаго перевода посланія, ибо на чешскомъ языкѣ оно появилось уже въ январьской книжкѣ только-что основаннаго Вацлавомъ Влчкомъ журнала Osvěta (1871, I, 32: List M. P. Pogodina Fr.

Palackému o manifestaci českých poslancův, o věcech slovanských a evropských). Подлинный текстъ, подъ заглавіемъ „Къ исторіографу Богеміи Палацкому“ появился въ „Собраніи статей, писемъ и рѣчей по поводу Славянскаго вопроса“ (Москва, 1878, стр. 83-97) съ лишнимъ уже въ это время замѣчаніемъ Погодина, сохраненнымъ издателями его статей, о томъ, что письмо, повидимому, ни съ одною оказіею не дошло („ибо до сихъ поръ нѣтъ никакого извѣстія о полученіи“). Погодинъ на дѣлѣ очень скоро узналъ о появленіи его „большого письма“ въ чешскомъ переводѣ „въ какой-то новой газетѣ“ и спрашивалъ Палацкаго (9-21 апрѣля 1871 г.): „Какъ оно попало туда? Прошу Васъ покорно вывести меня изъ моего недоумѣнія и сообщить мнѣ Ваше мнѣніе, которое для меня всего дороже“. Отвѣта исторіографа мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, но видимо онъ считалъ мысли и разсужденія своего московскаго корреспондента о чешскихъ и славянскихъ дѣлахъ достойными вниманія чешскаго читателя, ибо немедленно разрѣшилъ напечатать письмо Погодина полностью въ чешскомъ переводѣ въ только-что родившемся органѣ консервативной чешской мысли, сразу ставшемъ на широкую славянскую основу. Письмо, четко переписанное писцомъ, съ поправками собственной рукой Погодина, хранится въ бумагахъ Палацкаго въ библіотекѣ Чешскаго Національнаго Музея.

Посланіе Погодина вызвано и тѣснѣйшимъ образомъ связано, какъ мы сказали, съ названнымъ меморандумомъ чешскихъ депутатовъ гр. Бейсту, и для уразумѣнія главныхъ его мыслей необходимо познакомиться съ этимъ историческимъ чешскимъ актомъ.

Погодинъ восторженно привѣтствовалъ выступленіе чеховъ: „Съ живѣйшимъ удовольствіемъ, почтенный старый другъ, скажу болѣе, съ радостью, съ наслажденіемъ прочли мы здѣсь въ Москвѣ, въ Русской Прагѣ, ваше послѣднее заявленіе, чешскую политическую исповѣдь. Слово искреннее, твердое и вмѣстѣ благородное прозвучало изъ устъ чешскаго народа во всеуслышаніе Европы. Славянскаго духа слыхомъ не было слышно, а нынѣ славянскій духъ въ очію совершается. Да, славянскій духъ, заглушаемый и подавляемый въ продолженіи вѣковъ, вырывается теперь по мѣстамъ изъ-подъ враждебнаго гнета, какъ весною молодая трава возникаетъ изъ-подъ осенней и зимней покрышки, — и друзья Славянства привѣтствуютъ повсюду съ восторгомъ утѣшительные его проблески. Какую противоположность представляетъ ваша спокойная рѣчь съ дикимъ гамомъ европейской дипломатіи, исполненной фальшивыхъ нотъ, съ этимъ безсвязнымъ хоромъ нынѣшнихъ министровъ-президентовъ, которые, обманывая другъ друга въ глаза, съ задними мыслями безъ переднихъ, или шипятъ по-змѣиному, или ревутъ по-звѣриному

и передъ всякимъ неожиданнымъ шагомъ исторіи вертятся, какъ бѣсы передъ заутренею. Честь вамъ и слава. Такъ подобаетъ говорить славянамъ...“

Чешскій меморандумъ, столь восхитившій Погодина, въ главныхъ чертахъ говорилъ слѣдующее. Для всей Европы наступила эпоха преобразованія политической жизни, и волны этого движенія сильно колеблютъ и старую Австрію. Эта эпоха сулитъ ей, если она уразумѣетъ свою миссію въ исторіи міра, блестящее возрожденіе, но можетъ принести ей и гибель, если она не пойметъ своего назначенія.

Въ этотъ необычайной важности моментъ обстоятельства непреодолимыя не позволяютъ чешскому народу поднять свой голосъ въ защиту тѣхъ политическихъ принциповъ, которые онъ считаетъ священными и которые готовъ всегда отстаивать. Вслѣдствіе утвержденія дуализма славяне австрійской монархіи, т. е. большинство населенія ея, оказались подъ властью, съ одной стороны — мадьяръ, а съ другой — нѣмцевъ. Нѣмецкіе депутаты австрійскаго парламента въ своемъ партійномъ неистовствѣ забылись до такой степени, что стали считать это господство нѣмецкаго племени надъ славянскимъ своимъ правомъ, стремились даже возвести его въ принципъ государственной жизни Австріи, при этомъ не стѣснялись обвинять славянъ въ неконституціонномъ образѣ мыслей, въ ретроградныхъ и феодальныхъ замыслахъ.

Далѣе меморандумъ указывалъ, что конституція, введенная въ дѣйствіе, несмотря на то, что чешскій сеймъ рѣшительнымъ большинствомъ высказался противъ нея, имѣла цѣлью лишить чешскую корону ея суверенныхъ правъ и превратить Чехію въ простую провинцію. Цислейтаніи. Чешскій народъ протестовалъ противъ такихъ поползновеній, ибо онъ не могъ принести въ жертву свою историческую и государственно-правовую индивидуальность и свое свободное самоопредѣленіе, какъ политическій народъ; онъ не смѣлъ совершить это политическое и національное самоубійство и не можетъ также признать ни за какой силой на свѣтѣ права лишить Чехію этой историческо-политической индивидуальности и ея національныхъ правъ, для защиты и развитія коихъ чешскій народъ былъ готовъ и всегда готовъ пожертвовать своими животами и достояніемъ.

Однако, онъ чувствуетъ потребность, даже обязанность высказать свое мнѣніе о тѣхъ измѣненіяхъ, какія предстоятъ правамъ народовъ внутри и внѣ Австріи.

Какъ избранники и представители большинства населенія Чешскаго Королевства, депутаты являлись выразителями убѣжденія всего чешскаго народа, заявили себя прежде всего сторонниками полной равноправности и самоопредѣленія народовъ и высказались за федеративный строй Австрійской монархіи,

наиболѣе гарантирующій это право самоопредѣленія. Только изъ признанія равноправности и взаимнаго уваженія къ свободному самоопредѣленію всѣхъ народовъ можетъ расцвѣсть истинная свобода и братство, всеобщій миръ и истинная человѣчность. Чешскій народъ желаетъ прежде всего утвержденія этихъ принциповъ въ государственномъ строѣ Австріи. Объ этомъ своемъ стремленіи черезъ своихъ представителей онъ освѣдомилъ монарха, выразивъ горячее желаніе увидѣть Австрію преобразованною на этой основѣ самоопредѣленія, въ стремленіи къ миру и свободѣ. Призваніе Австріи въ міровой исторіи онъ видитъ въ томъ, что она должна объединить разные народы и племена державы въ свободный союзъ народовъ для взаимной защиты отъ враговъ и для взаимнаго обезпеченія своего самостоятельнаго національнаго развитія, всесторонняго соблюденія правъ и братскаго равенства.

Поэтому ничтожными и исполненными ненависти слѣдуетъ считать стремленія тѣхъ политиковъ, которые, забывая объ этой высокой миссіи Австріи, не могутъ представить себѣ австрійскія народности иначе, какъ одну въ положеніи молота, другія — въ роли наковальни; которые не знаютъ иного пути для сохраненія Австріи, какъ господство однихъ надъ другими, прикрытое формами ложной конституціонности. Чешскіе депутаты горячо желали бы, чтобы Австрія не поддалась вліянію этого духа узкой партійности и національнаго насильничанія, чтобы она сумѣла сохранить свободу очей и рукъ своихъ и руководилась бы духомъ мудрой объективности и справедливости, одинаковой для всѣхъ народовъ. Высказано было при этомъ опасеніе, что времени для вступленія на путь этой новой политики и для обновленія Австріи, какъ союза свободныхъ и равноправныхъ народовъ, остается уже немного, и если оно будетъ пропущено, — оно, быть можетъ, не вернется уже никогда. Единственное спасеніе Австріи — ясно осознать и рѣшительно стремиться къ выполненію высокой задачи, на которую было указано, къ охраненію прочному и самоотверженному этихъ великихъ принциповъ новаго времени, одинаково, какъ при внутреннемъ переустройствѣ государства, такъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ, при предстоящемъ преобразованіи всей Европы.

Чешскій народъ высказалъ желаніе, чтобы монархія, въ коей онъ является одной изъ важнѣйшихъ частей, осуществляла бы со всею искренностью эти правовые принципы и въ заграничной политикѣ. Онъ призналъ послѣдовательно право различныхъ племенъ нѣмецкаго народа соединиться въ одно государство, но рѣшительно отвергъ въ этомъ дѣлѣ всяческое насиліе, въ особенности, — если бы его вздумали примѣнить по отношенію къ тѣмъ народамъ, которые хотятъ остаться вѣрными государству, съ коимъ они связаны общей исторіей и разнообразными

интересами, ибо это было бы попраніемъ правъ самоопредѣленія.

Меморандумъ высказался и по вопросу особенно острому въ этотъ моментъ. Признавъ за нѣмцами безспорное право на защиту силою своей земли и своего права самоопредѣленія, стремленія къ объединенію политическому, чехи высказались, однако, противъ намѣренія отнять у Франціи цѣлую область, жители коей сознаютъ себя французами и желаютъ ими оставаться, ибо это нарушило бы право самоопредѣленія и утвердило бы насиліе на мѣсто права. Благородному и славному французскому народу, пріобрѣвшему такія великія заслуги въ дѣлѣ цивилизаціи и въ утвержденіи принциповъ гуманности и свободы, который защищалъ въ это время отечество отъ врага, выражались самыя горячія симпатіи.

Въ отторженіи у французовъ части территоріи чешскіе политики усматривали неисчерпаемый источникъ новыхъ войнъ и новыхъ ударовъ интересамъ культуры и гуманности.

Столь же опредѣленно высказались они отъ имени чешскаго народа противъ попытокъ помѣшать великому русскому народу организовать по своему усмотрѣнію оборону черноморскихъ береговъ, ибо такая попытка была бы оскорбленіемъ его суверенныхъ правъ. Чешскій народъ съ живымъ участіемъ слѣдилъ и за судьбою славянскихъ народовъ Турціи. Вмѣстѣ со всею просвѣщенною Европою онъ радостно привѣтствовалъ въ свое время освобожденіе Греціи, Сербіи и Румыніи и сочувствуетъ нынѣ прочимъ народамъ Иллирскаго полуострова, въ ихъ стремленіи къ объединенію разрозненныхъ частей и пріобщенію къ благамъ христіанской цивилизаціи. Если бы австрійское правительство вздумало поддерживать ту силу, которая угнетаетъ эти народы, не имѣя нравственной опоры для своего владѣнія ими, или если бы Австрія вздумала выступить войною противъ тѣхъ, кто стремится обезпечить райѣ гражданскія права, жертвуя имуществомъ и кровью славянскихъ народовъ, — чешскій народъ, съ нравственной точки зрѣнія, отвергъ бы такое безправіе и въ политическомъ отношеніи объявилъ бы его опаснымъ.

Таковы были принципы, которые исповѣдывалъ чешскій народъ и которые онъ желалъ бы видѣть осуществленными въ вопросахъ международнаго права. Малый численно, онъ не желалъ быть малымъ своимъ образомъ мыслей, своими стремленіями; онъ не желалъ бы трусливымъ молчаніемъ создать мнѣніе, что онъ способенъ потакать какому-либо безправію или что онъ склоняетъ свое чело предъ насиліемъ.

Погодинъ, какъ свидѣтельствуетъ его письмо къ Палацкому, прекрасно знакомъ былъ съ содержаніемъ меморандума и съ его основными мыслями былъ вполнѣ согласенъ. Онъ,

прежде всего, придавалъ этому акту широкое славянское значеніе и высказалъ увѣренность, что заявленіе такой высокой моральной цѣнности вызоветъ сочувствіе и въ безпристрастныхъ и справедливыхъ кругахъ Западной Европы. „Ваше слово, — писалъ онъ Палацкому, — отзовется прежде всего въ сердцахъ единоплеменниковъ, раздѣляющихъ съ вами общую тяжелую долю — моравянъ, словаковъ, краинцевъ, сербовъ, кроатовъ, далматинцевъ, словинцевъ, русиновъ, босняковъ, болгаръ, — они вѣрно присоединятся къ нему душой и тѣломъ, а ихъ вѣдь тридцать милліоновъ, да насъ русскихъ восемьдесятъ. На вѣсахъ всемірной правды это что-нибудь да значитъ“.

Неоднократно и раньше Погодинъ высказывалъ мысль, что Австрія должна преобразоваться на началахъ свободнаго самоопредѣленія ея народовъ, что единственная форма, подъ коей она можетъ существовать, — это союзъ всѣхъ разнородныхъ племенъ ея на одинаковыхъ правахъ. Онъ какъ будто повторяетъ далѣе слова Добровскаго, сказанныя имъ въ привѣтственной рѣчи имп. Леопольду II-ому 25 сентября 1791 года въ Чешскомъ Ученомъ Обществѣ, о великомъ значеніи и роли славянъ австрійскихъ, какъ крѣпкой опоры габсбургскаго престола. Указавши, что изъ тридцатипяти милліоновъ жителей Австріи двадцать милліоновъ составляютъ славяне, Погодинъ заключаетъ: „Ясно, что въ славянахъ она должна видѣть свою главную силу, свою твердую опору; ясно, что она должна лелѣять преимущественно это племя, стараться о снисканіи его любви и преданности, столь дешево при томъ предлагаемой, — по крайней мѣрѣ содержать его наравнѣ съ другими“. Эту мысль о федераціи проповѣдывалъ и Палацкій и другіе чешскіе политическіе дѣятели. Самъ Погодинъ еще въ 1839 году, по возвращеніи изъ второй славянской поѣздки, писалъ въ донесеніи своемъ министру народнаго просвѣщенія гр. С. С. Уварову: „Австрія можетъ сохраниться, если перемѣнитъ свой образъ дѣйствій, если она возвратитъ славянамъ ихъ права, будетъ смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ дѣтей, окажетъ покровительство ихъ языку и народному образованію, допуститъ до участія въ управленіи“... Онъ самъ признается, что на эту тему онъ много бесѣдовалъ со всѣми чешскими и славянскими „корифеями“ во время продолжительнаго пребыванія за границей, и неудивительно, что взгляды его на славянскій вопросъ въ Австріи и на пути, ведущіе къ рѣшенію его, сложились подъ вліяніемъ этихъ бесѣдъ.

Но „между австрійскимъ слухомъ и славянскимъ звукомъ“, говоритъ Погодинъ, есть какая то безвоздушная пропасть, черезъ которую правительство не можетъ слышать и понять самого простого, яснаго и громкаго слова. И, не смотря на уроки новѣйшей исторіи, Австрія все еще остается глухою къ воплямъ, все сильнѣе и сильнѣе раздающимся вокругъ нея. Хорошо

освѣдомленный касательно несправедливости и неблагодарности Австріи по отношенію къ славянамъ, Погодинъ вспоминаетъ о всѣхъ проявленіяхъ такой безразсудной политики и указываетъ на опасность ея: „Благоразуміе велитъ, кажется, Австріи помышлять о предупредительныхъ мѣрахъ, которыя состоятъ не въ раздраженіи славянскихъ племенъ, а въ удовлетвореніи ихъ законныхъ требованій“. Двадцать милліоновъ славянъ, теряющихъ все болѣе и болѣе надежду на улучшеніе своей участи, могутъ наконецъ быть выведены изъ терпѣнія. Признаки неудовольствія замѣчаются безпрестанно (волненія въ Далмаціи, Военной границѣ).

Далѣе Погодинъ, слѣдуя меморандуму, посвящаетъ нѣсколько замѣчаній и внѣшней политикѣ Австріи. „Кого она можетъ считать своими доброжелателемъ, союзникомъ? На кого можетъ надѣяться въ случаѣ нужды?“ спрашиваетъ онъ. Ни Франція, ни Пруссія, ни Италія къ числу ея друзей не принадлежатъ, — всѣ онѣ ненавистны ей, но ненавистнѣе всѣхъ ихъ Россія. Причина этой безпримѣрной, глубокой, непримиримой ненависти кроется въ томъ, что австрійскіе славяне привержены къ Россіи, и что Россія, русскій народъ имъ сочувствуютъ. Горячій сторонникъ мирнаго сожительства двухъ сосѣдей, Россіи и Австріи, Погодинъ не вѣритъ въ возможность военнаго конфликта между ними, потому что большая половина австрійскаго войска не подниметъ руки противъ Россіи. Всѣ причины недовѣрія Австріи къ Россіи и въ то же время страха передъ приверженностью славянъ къ ней исчезнутъ сами собою, если только Австрія преобразуется на началахъ справедливости и признаетъ за славянами права, подобающія европейскимъ гражданамъ XIX столѣтія.

Меморандумъ заявилъ и о живѣйшемъ сочувствіи чешскаго народа своимъ единоплеменникамъ въ Турецкой имперіи и ихъ усиліямъ улучшить свое положеніе. Погодинъ въ письмѣ своемъ касается и этого вопроса. Онъ вѣритъ въ возможность устройства судьбы балканскихъ славянъ соединенными усиліями Россіи и Австріи, однако, при условіи, что послѣдняя прежде всего рѣшитъ благопріятно свой внутренній славянскій вопросъ.

Разсмотрѣвъ высказанныя въ меморандумѣ чешскія пожеланія, Погодинъ заключаетъ, что, исполнивъ ихъ и послѣдовавъ чешскимъ совѣтамъ, Австрія успокоится внутри, укрѣпится въ государственномъ своемъ организмѣ, удостовѣрится въ преданности двадцати милліоновъ своихъ подданныхъ, возвратитъ себѣ вѣрнаго, могущественнаго союзника въ лицѣ Россіи, освободится изъ-подъ каблука венгерскаго и пріобрѣтетъ силу говорить потверже со своими непріятелями. Онъ всецѣло принимаетъ слова меморандума о той всемірно-исторической миссіи соединенія всѣхъ различныхъ націй и племенъ Австріи въ

свободный союзъ народовъ, которую она выполнитъ, даруя своимъ славянскимъ народамъ возможность свободнаго національнаго развитія, и заканчиваетъ свои разсужденія энергичнымъ предостереженіемъ австрійскимъ государственнымъ мужамъ: „Кто думаетъ иначе, кто этого не хочетъ, то, будь онъ графъ Бейстъ или графъ Андраши, онъ можетъ быть нѣмецкимъ или венгерскимъ патріотомъ, но вмѣстѣ онъ есть австрійскій предатель, который съ умысломъ или безъ умысла ведетъ Австрію къ пропасти, и до нея уже недалеко".

На послѣднихъ страницахъ своего письма Погодинъ коснулся и вопроса польскаго. Онъ издавна, съ тридцатыхъ годовъ, и неоднократно обращался въ различныхъ статьяхъ къ этой старой, какъ-будто неизлѣчимой, не заживающей славянской ранѣ; онъ искренно желалъ бы найти средства къ устраненію неизбывнаго русско-польскаго спора; онъ говоритъ о полякахъ съ живой симпатіей, но и съ огорченіемъ о ихъ ошибкахъ, ибо видитъ ихъ въ услуженіи у враговъ Славянства, — мадьяръ, турокъ и нѣмцевъ; онъ, какъ русскій историкъ, не можетъ признать ихъ притязаній на сѣверо- и юго-западныя русскія области, на возстановленіе границъ Польши 1772 года; онъ зоветъ ихъ къ единенію съ Россіей, указываетъ на всю неосновательность ихъ надеждъ на Францію и др. неславянъ, радуется проблескамъ въ польской печати идеи сближенія съ Россіей и привѣтствуетъ, какъ отрадное знаменіе, статьи „Słowianina" К. І. Туровскаго (Lwów, 1868 г.), искавшаго спасенія для польской народности въ согласіи „съ Русью и Россіей". Однако, не довѣряя силѣ своего слова, онъ обращается съ призывомъ къ Палацкому: „Не можетъ ли вашъ посторонній, братскій, безпристрастный голосъ во имя Славянства оказать на нихъ благодѣтельное дѣйствіе? Попытайтесь, а мы отчаялись. Не будете ли вы счастливѣе? О, если бы..."

Наконецъ, Погодинъ касается и другихъ „европейскихъ вопросовъ", затронутыхъ чешскимъ меморандумомъ. Онъ писалъ Палацкому нѣсколько лѣтъ тому назадъ о необходимости обсужденія въ частныхъ ученыхъ конгрессахъ историковъ и публицистовъ современныхъ историко-политическихъ вопросовъ. Къ сожалѣнію, этотъ проектъ Погодина въ бумагахъ Палацкаго не сохранился, и мы не знаемъ его деталей. Очевидно, такіе конгрессы Погодинъ представлялъ себѣ, какъ частныя собранія для выработки извѣстныхъ общихъ взглядовъ на важнѣйшіе вопросы европейской культуры и политической жизни соединенными усиліями ученыхъ и политиковъ и для распространенія ихъ въ обществѣ. Не расчитывая, очевидно, на возможность осуществленія этого сильно мечтательнаго проекта въ ближайшее время, Погодинъ добавляетъ: „Въ ожиданіи такихъ конгрессовъ будемъ обмѣниваться своими искренними мнѣніями"...

Его письмо Палацкому и есть „искреннее мнѣніе“ русскаго ученаго и политическаго мыслителя по цѣлому ряду издавна волновавшихъ его вопросовъ, затронутыхъ при этомъ чешскимъ меморандумомъ.

По поводу отношеній пораженной Франціи и побѣдительницы Германіи Погодинъ высказывается такъ же, какъ и меморандумъ: отторженіе отъ Франціи Эльзаса и Лотарингіи, провинцій, которыя „не хотятъ разлучаться съ нею“, принесетъ Германіи больше вреда, чѣмъ пользы, не обезпечитъ мира и принудитъ обѣ державы быть безпрестанно на сторожѣ, въ напряженномъ состояніи. Онъ и тутъ вполнѣ раздѣляетъ взглядъ меморандума, который предсказывалъ, что территоріальное отторженіе и моральное уничиженіе французской націи должны сдѣлаться неистощимымъ источникомъ новыхъ войнъ, новыхъ тяжкихъ для человѣчества и цивилизаціи ударовъ. Погодинъ особенно отстаиваетъ нравственный принципъ въ политикѣ, во взаимоотношеніяхъ народовъ, и если бы даже обоюдная вражда Франціи и Германіи, обезсиливая обѣихъ соперницъ, оказалась полезною для Славянства, то все-таки онъ проклянетъ такую политику, которая (какъ это по преимуществу дѣлаетъ Англія) основываетъ свое благосостояніе на несчастіяхъ сосѣдей. „Нѣтъ, не того должны желать, не такъ должны дѣйствовать, не къ тому стремиться славяне“... Чешское заявленіе, провозгласившее такіе высокіе нравственные принципы, Погодинъ привѣтствуетъ, какъ вполнѣ отвѣчающее его моральнымъ убѣжденіямъ.

О политикѣ Англіи, проникнутой самыми грубыми меркантильными интересами, онъ говоритъ съ горечью и раздраженіемъ: „Само царство небесное представляется имъ, кажется, только въ видѣ выгоднаго рынка для сбыта своихъ товаровъ“. Онъ осуждаетъ ея равнодушіе къ судьбѣ униженной Франціи, къ страданіямъ турецкихъ славянъ, поражается циничнымъ холодомъ англичанъ, съ которымъ они взираютъ на всѣ избіенія народовъ, и приходитъ къ печальному для Европейскаго Запада заключенію: „У насъ давно было выражено замѣчаніе (можетъ быть, грубо и рѣзко), что Западъ гніетъ, разумѣется — въ нравственномъ и духовномъ смыслѣ, — замѣчаніе, надъ которымъ много глумились и глумятся наши западники, хотя та же мысль встрѣчается часто, только въ формѣ болѣе благовидной, у передовыхъ мыслителей самаго Запада (напр., Миля, Кине и нашего остроумнаго Герцена), которые повторяютъ, что душа убываетъ на Западѣ. Послѣднія европейскія событія не служатъ ли печальнымъ подтвержденіемъ этой мысли?“ Онъ глубоко вѣритъ, вмѣстѣ съ Хомяковымъ, въ высокое призваніе Славянства, въ его конечное освобожденіе, но, не предаваясь „дальнимъ мечтаніямъ“, призываетъ славянъ къ согласію въ тяжелое время, переживаемое Европой.

Письмо Погодина къ Палацкому является весьма цѣннымъ показателемъ идеалистическихъ настроеній (подчасъ они ему кажутся мечтаніями) русскаго историка-славянофила, совершенно совпавшаго во взглядахъ на задачи славянской политики, ея характеръ и направленіе, на отношеніе Славянства къ старымъ врагамъ его, съ тѣми основными пожеланіями, какія были высказаны такъ ярко въ благороднѣйшемъ по содержанію и духу меморандумѣ чешскихъ представителей. Палацкій по достоинству оцѣнилъ посланіе московскаго почитателя и друга своего и, какъ мы отмѣтили, немедленно призналъ за благо сдѣлать русскій откликъ на историческій чешскій актъ отъ 8-го декабря 1870 г. достояніемъ чешскаго общества. Такимъ образомъ, русскія мысли, вызванныя чешскимъ меморандумомъ, заняли тотчасъ же мѣсто параллельно съ нимъ, какъ нѣкій къ нему комментарій и истолкованіе его съ точки зрѣнія русской общественности.

Когда въ концѣ 1871 года русская наука торжественно отпраздновала пятидесятилѣтіе ученой дѣятельности Погодина, въ этомъ юбилейномъ воспоминаніи приняла участіе и славянская Прага. Ученыя чешскія общества почтили русскаго историка поднесеніемъ ему адресовъ, а великій чешскій исторіографъ и политическій вождь оцѣнилъ заслуги своего друга, какъ усерднаго глашатая и утвердителя идеи славянской взаимности въ русскомъ обществѣ, въ письмѣ отъ 30 декабря н. ст. 1871 года. Онъ писалъ Погодину (черновикъ этого письма хранится въ бумагахъ Палацкаго): „Многоуважаемый другъ мой. Изъ газетъ я узнаю, что друзья и почитатели ваши, — думаю, что весь великій русскій народъ, — готовятся въ ближайшіе дни отпраздновать пятидесятилѣтіе вашей дѣятельности на литературномъ и ученомъ поприщѣ. Я понимаю и могу оцѣнить значеніе такого торжества, ибо мнѣ самому Господь даровалъ радость дождаться подобнаго юбилея уже болѣе, чѣмъ пять лѣтъ тому назадъ (1817-1867 апр. 13), правда, только въ семейномъ кругу и въ болѣе скромныхъ размѣрахъ. Конечно, ваша дѣятельность была шире и значительнѣе моей, ограниченной только узкими предѣлами моей чешской родины. Вы, наряду съ почившими уже друзьями моей молодости, Колларомъ и Шафарикомъ, были среди первыхъ и наиболѣе дѣятельныхъ воскресителей и распространителей благотворной идеи народности и славянской взаимности, — я направлялъ заботы и усилія свои съ самаго начала къ одной только вѣтви славянской, со всѣхъ сторонъ угнетаемой и вотъ-вотъ готовой засохнуть, хорошо зная, что если удастся воскресить чеховъ къ новой національной жизни, то уже этимъ самымъ они почувствуютъ себя и славянами. Возблагодаримъ же всемилостиваго Господа Бога, ниспославшаго благословеніе свое вашимъ и моимъ трудамъ: національный духъ славянскій быстро пробуждается отъ многовѣковаго сна,

чувство славянской взаимности ширится по огромному пространству отъ Шумавы и Велебита за Уралъ, отъ Синяго моря до моря Бѣлаго. Заботиться о дальнѣйшихъ успѣхахъ въ этомъ дѣлѣ мы оба, отставные старики, предоставимъ младшему поколѣнію, дабы собственными усиліями оно достигло той высоты въ исторіи человѣчества, которая отвѣчаетъ величію народа нашего. Правда, многое еще остается сдѣлать, но для головы и сердца славянскаго нѣтъ на свѣтѣ недостижимой цѣли. Когда мы наконецъ одолѣемъ варварство, угрожающее намъ не только съ Востока, но и съ Запада (подъ девизами: Macht geht vor Recht, Macht schafft Recht), тогда наступитъ въ исторіи міра та славянская эра, которую предчувствовали и предсказывали наши благородные соплеменники, когда человѣчество въ справедливости и мирѣ осуществитъ свое высокое призваніе. Мы оба, конечно, ея не дождемся, но изъ-за этого не перестанемъ подготовлять пути къ пришествію ея. Поэтому и я присоединяюсь къ голосу тысячъ вашихъ почитателей и отъ всего сердца возглашаю Вамъ: многая лѣта".

На этомъ, повидимому, переписка двухъ знаменитыхъ славянскихъ ученыхъ и общественныхъ дѣятелей прервалась. Лѣтомъ 1875 года, въ сорокалѣтнюю годовщину первой поѣздки, Погодинъ, теперь семидесятипятилѣтній старецъ, посѣтилъ Прагу въ послѣдній разъ. Вскорѣ послѣ прощальнаго визита немногимъ оставшимся въ живыхъ чешскимъ друзьямъ онъ скончался 8 декабря ст. ст. 1875 года. Палацкій ушелъ за нимъ черезъ полгода (26 мая н. ст. 1876 года).

В. А. Францевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе 3

Отчетъ о дѣятельности Общества 5

Тезисы докладовъ 8

Доклады:

1. *А. Бемъ.* „Шинель“ Гоголя и „Бѣдные люди“ Достоевскаго 46
2. *Б. Евреиновъ.* Борьба Москвы съ восточными инородцами въ бассейнѣ Волги и Камы 57
3. *Е. Спекторскій.* Завѣты Петра Великаго 80
4. *А. Фатѣевъ.* Бумаги Сперанскаго 103
5. *А. Фатѣевъ.* Судьба Записокъ Карамзина о Россіи и Польшѣ при Императорѣ Николаѣ I . . . 114
6. *Е. Шмурло.* Когда и гдѣ крестился Владиміръ Святой? 120

Статьи:

1. *А. Флоровскій.* Шведскій переводъ „Наказа“ Екатерины II 149
2. *В. Францевъ.* М. П. Погодинъ и Фр. Палацкій . . . 153

Оглавленіе 169

Errata 171

ERRATA.

Стр.	Напечатано	Должно быть
14 — 17 св.	Waliszewsky	Waliszewski
14 — 18 св.	La règne	Le règne
18 — 12 св.	Лесковскаго	Лесновскаго
18 — 6 сн.	упроченіе	укороченіе
19 — 1 сн.	выполненной	выполненную
19 — 21 сн.	Милетиномъ	Милутиномъ
20 — 3 сн.	Velikégo	Velikého
26 — 11 св.	Maciejowský	Maciejowski
26 — 20 св.	szlachecky	szlachecki
33 — 7 сн.	Г. А. Флоровскій	Г. В. Флоровскій

Цѣна 40 чешск. коронъ (Kč.), долл. ам. 1.20.

Depôt central:
Société Historique Russe à Prague,
Lazarská 11/V. Praha II.
Tchécoslovaquie.

Tiskla knihtiskárna Petra Duška v Říčanech.